

ДНИ НАУКИ И ИННОВАЦИЙ НОВГУ

*Сборник статей студентов
и молодых ученых*

Часть 1

Великий Новгород
2023

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО»

ДНИ НАУКИ И ИННОВАЦИЙ НовГУ

*Сборник статей студентов
и молодых ученых*

Часть 1

Великий Новгород
2023

Оргкомитет

Ефременков А. Б.	– председатель, проректор по научной работе НовГУ
Алексеева О. В.	– начальник отдела аспирантуры и молодежной науки (ОАМН)
Егорова Е. В.	– зам. начальника ОАМН
Андреева Л. Н.	– директор НБ
Фихтнер О. А.	– директор ЦРПА
Азовцева О. В.	– доцент КМИИБ, куратор по НИР и НИРС
Александрова М. В.	– профессор КНДО, куратор по НИР
Арендательева С. И.	– зам. директора ИПТ, куратор НИР
Безус Н. Б.	– зам. директора ИЮР, доцент КГПП
Бритвина Л. Е.	– доцент КИТС, куратор по НИР
Волошина Г. В.	– ведущий специалист по молодежной науке ОАМН
Иванова Л. А.	– доцент КИПМК, куратор по НИРС
Окомина Е. А.	– доцент КЦЭУП, куратор по НИРС
Петрова А. С.	– доцент КББИ, куратор НИРС

Рецензенты:

доктор филологических наук, доцент, профессор **Д. Б. Терешкина**
(Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (Новгородский филиал), г. Великий Новгород)

доктор филологических наук, доцент **Т. Л. Каминская**
(Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород)

Д 54 **Дни науки и инноваций НовГУ: сборник статей студентов и молодых ученых. Великий Новгород, 2023 г.: в 4 ч. / сост. и научн. ред. О. В. Алексеева, Г. В. Волошина; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2023. – Ч. 1. – 248 с. ISBN 978-5-89896-878-6**

Часть 1 сборника включает в себя 45 научных статей по актуальным вопросам гуманитарных наук. Сборник посвящен осмыслению актуальных вопросов истории, археологии, филологии, лингвистики, культурологии, журналистики. Авторы статей раскрывают особенности современных социокультурных феноменов, имидж территории, формы и способы коммуникаций в социальных сетях, молодежный сленг и современную политическую риторику. Важно, что в данном сборнике нашли свое место тексты студентов других вузов, что способствует межвузовскому общению и установлению долгосрочных научных связей.

Сборник предназначен как для специалистов в соответствующей области науки, так и для широкого круга читателей, интересующихся достижениями гуманитарного знания.

Сборник публикуется в рамках реализации гранта в форме субсидий из федерального бюджета образовательным организациям высшего образования на реализацию мероприятий, направленных на поддержку студенческих научных обществ (Соглашение СНО № 075-15-2023-571 от 15.06.2023 г.).

УДК 001.001.895(063)
ББК 72.5+65.291.551я431

ISBN 978-5-89896-878-6

© Новгородский государственный
университет им. Ярослава
Мудрого, 2023
© Авторы статей, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

ИГУМ – ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ

<i>Андреев Е. Д.</i> Стоянки каменного века новгородской части Полновского плеса озера Селигер: обзор и пространственное размещение	9
<i>Андреева Ю. И.</i> Семантическая диффузность диалектного слова (по материалам новгородского областного словаря)	15
<i>Афанасьева В. А.</i> Семейства посадских людей Старой Руссы XVII в.: опыт применения просопографического метода	21
<i>Бабушкина К. К.</i> К вопросу об изучении псковской домостроительной традиции по археологическим данным (предварительная публикация)	26
<i>Баженова А. Р.</i> Пользовательский контент как источник информационных поводов	32
<i>Боденчук В. А.</i> «Женский вопрос»: женщина как автор и персонаж текстов (по материалам журнала новгородской ассоциации пролетарских писателей «Литье»)	37
<i>Большева М. С.</i> Источники и историография новгородских военных поселений (1816–1831 гг.)	42
<i>Буданова С. О.</i> Термин <i>Слово</i> : от Максима Грека до Федора Буслаева	47
<i>Бусикова А. С.</i> Упоминание тканей в новгородских берестяных грамотах	52
<i>Быкова М. К.</i> Российская реклама: стратегии поведения бизнеса в условиях новых медийных реалий	57
<i>Васюнова А. А.</i> Региональная идентичность в молодежных программах новгородского телевидения	62
<i>Владимирова А. М.</i> Первое городское издание Новгорода (1990–1995)	68

<i>Высоцкий А. А.</i> Изучение раннесоветского праздника как инструмента политики памяти в 1920–1930-е гг.: историография и перспективы исследования	74
<i>Герасимов И. А.</i> К вопросу об идейных основах работы коллаборационистов с населением оккупированных советских территорий (на примере материалов следственного дела П. И. Мановского)	79
<i>Грачева Д. П.</i> Работа пресс-службы новгородской спортивной школы «Электрон»: региональные особенности	85
<i>Гусейнов С.</i> История изучения музейного наследия псковского коллекционера Ф. М. Плюшкина	90
<i>Давыдов А. Н.</i> Корпоративное медиаобразование как объект исследования	95
<i>Дьячкова А. К.</i> Семантика образа мошки в рассказе Н. А. Тэффи «Который ходит»	100
<i>Дюбова Т. Н.</i> Инструменты текстильного производства из раскопок 2000–2004 годов в Пскове	105
<i>Егорова А. В.</i> Свобода творчества в нормативно-правовой базе СССР 1945–1985 гг.	110
<i>Жерлова И. И.</i> Передача научных терминов при переводе психологических текстов	115
<i>Захарова И. И.</i> Трудности перевода философской терминологии «Метафизики» А. Г. Баумгартена с латыни на русский язык	120
<i>Иванов И. А.</i> Народное образование в Старорусском уезде в конце XIX – начале XX в.	125
<i>Калинина В. Д.</i> Новгородский автор военного времени (по материалам прессы 1941–1945 гг.)	130
<i>Карпусь В. Е.</i> Медиакультура в информационном обществе	135

<i>Клейменов В. И.</i> Литовский набег на Русу 1234 года и значение слова «засада» в летописании XIII–XV веков	140
<i>Козлова Е. В.</i> «Усадебный миф» во «внеусадебном» пространстве И. А. Бунина	146
<i>Коновалова А. М.</i> Артуровский миф и образ дракона в рецепции литературы второй половины XX – начала XXI в. («Дракон» Е. Шварца и «Погребенный великан» К. Исигуро)	151
<i>Крестинина А. М.</i> Самоисправление в рамках социально-политических ток-шоу на русском и английском языках	156
<i>Лабазов М. А.</i> Крепость при слиянии Полисти и Порусьи в Старой Руссе: обзор источников и историографии	161
<i>Липчанский М. П., Новикова А. М.</i> Посадские люди Старой Руссы XVII в.: тенденции преемственности поколений и мобильности населения в период 1611–1678 гг.	166
<i>Лысанов А. В.</i> Подписка и членство аудитории в СМИ: варианты создания комьюнити	171
<i>Мариева Е. А.</i> Фигура журналиста в условиях конкуренции с блогерами: борьба в медиапространстве	176
<i>Матеуш К. В.</i> Подкастинг как новый медиаформат	181
<i>Мащенко Б. Г.</i> Идеалы воинской службы в некоторых источниках первой половины царствования Алексея Михайловича	187
<i>Миненко Т. С.</i> К проблеме изучения административного устройства позднесредневековой Старой Руссы	193
<i>Мусаева Г. К.</i> Коммерческие спецпроекты в российских медиа	199

<i>Наволоцкая О. В.</i> Авторский подход к использованию прецедентов в медиатексте (на примере материалов сайта «Коммерсантъ»)	204
<i>Пименов А. Н.</i> Обзор фортификационных сооружений выборга в первой четверти XIX века	209
<i>Семенов К. В.</i> Перевод русскоязычных топонимов и имен собственных на английский язык (на примере усадеб новгородской области)	215
<i>Соколов А. Ю.</i> Новые данные для реконструкции PONS SUBLICIUS на основе анализа изображений на монетах Римской империи	221
<i>Толмачёва П. Ю.</i> История археологического исследования в XIX–XXI вв. территории современного Гдовского района псковской области	227
<i>Федорова В. Д.</i> Лонгриды по журналистике: визуальная и мультимедийная составляющие	233
<i>Федорова Л. П.</i> Жанр упрека в медиадискурсе	239
<i>Храбров Д. С.</i> Зарождение и развитие дендроархеологии в зарубежных странах	244

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые коллеги!

Перед Вами Сборник статей студентов и молодых ученых, который является достойным завершением проделанной работы по итогам Дней науки и инноваций в Новгородском государственном университете имени Ярослава Мудрого.

В ежегодных Днях науки и инноваций принимают участие не только студенты – члены различных студенческих научных обществ, молодые ученые и преподаватели НовГУ, но и представители других российских вузов, а также бизнеса – региональных предприятий и организаций. Цель проводимых мероприятий – привлечение внимания к молодежной науке НовГУ, представление и апробация научных достижений, консолидация сил молодых и опытных исследователей для решения актуальных проблем фундаментальной и прикладной науки, развития научно-инновационной деятельности в НовГУ.

В сборник вошли исследования, посвященные малоизученным и дискуссионным проблемам, решению практических задач, которые не просто отражают современное состояние науки, но и способствуют ее развитию.

Традиционно сборник состоит из четырех частей. В первую его часть вошли работы студентов, поднимающих актуальные научные проблемы лингвистики, археологии, истории, филологии, медиа. Во второй – представлены статьи бакалавров и магистрантов в области экономики, управления и права. Третья часть посвящена медицинским исследованиям. В четвертой части представлены работы студентов, проводящих исследования в области технических, химических и сельскохозяйственных наук. Для многих авторов эти печатные статьи являются дебютом в научном мире.

Следует отметить, что результаты многих исследований, вошедших в сборник, актуальны не только как научно-образовательные проекты авторов, но и могут найти свое применение в разработках инновационного научно-технологического центра «Интеллектуальная электроника – Валдай», а также лабораториях Передовой инженерной технической школы, в деятельности организаций и передовых предприятий Великого Новгорода и области.

Вовлеченность новгородских молодых ученых и исследователей в процесс развития науки в регионе и научное осмысление региональных проблем очередной раз подчеркивает тесную связь проведенных исследований с выбранной профессиональной деятельностью, способствует их научной самореализации.

Сборник создан при поддержке объединенного студенческого научного общества и предназначен для молодых ученых, аспирантов и студентов, но может быть интересен и полезен широкому кругу читателей.

С глубоким уважением и пожеланием приятного и познавательного чтения,

Редакционная коллегия

УДК 902.03:903.5(47.24)

**СТОЯНКИ КАМЕННОГО ВЕКА НОВГОРОДСКОЙ ЧАСТИ
ПОЛНОВСКОГО ПЛЕСА ОЗЕРА СЕЛИГЕР:
ОБЗОР И ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ**

Андреев Е. Д.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: *egoil792gmail.com@mail.ru*

**STONE AGE SITES OF THE NOVGOROD PART OF LAKE SELIGER
POLNOVSKY REACH: OVERVIEW AND SPATIAL PATTERN**

Andreew E. D.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: *egoil792gmail.com@mail.ru*

Аннотация. В статье представлен обзор стоянок каменного века Новгородской части Полновского плеса озера Селигер. В ходе исследования данные о памятниках были систематизированы, исходя из материалов архивных документов и созданной ГИС.

Ключевые слова: археология, историография, неолит, ГИС.

Abstract. The paper presents a review of stone age sites situated on the banks of the Novgorod part of Lake Seliger Polnov. As a result of the research, the information about the sites was systemized according to the archival documentation and the GIS was created.

Keywords: archeology, historiography, Neolithic, GIS.

Полновский плес озера Селигер находится на юго-востоке Новгородской области. Пограничное расположение этой территории стало причиной того, что она фактически привлекала внимание исследователей только эпизодически. Однако в археологическом отношении данный микрорегион крайне интересен.

В 1890 г. Д. Н. Анучин, выполняя задание Императорского географического общества и изначально не преследуя цели обследования памятников археологии, описывает городище у д. Городец [1]. Впоследствии данный памятник также попал в свод И. С. Романцева [2, с. 23]. Однако первые научные задачи были поставлены при составлении научно-учетной документации: в 1970–80-е гг. в Новгородской области проводилась паспортизация памятников археологии [3].

В 1992 и 2009 гг. по заданию государственного органа охраны памятников была проведена инвентаризация, которая коснулась и памятников Полновского плеса.

На берегах Полновского плеса обнаружены памятники разных эпох, от каменного века до Нового времени. Данная статья посвящена систематизации информации о стоянках каменного века (10), все они обнаружены в 1976–1977 гг. Калининским отрядом Верхневолжской экспедиции под руководством Ю. Н. Урбана и им же паспортизированы и датированы эпохой неолита. В соответствии с данными паспортов, коллекции находок хранятся в Тверском государственном объединенном музее.

В рамках данного исследования поставлена задача анализа состояния памятников в динамике. Для их пространственного распределения были использованы материалы созданной геоинформационной системы (ГИС) (привязка памятников к местности осуществлялась согласно данным научно-учетной документации).

В итоге памятники были разделены на две группы. Первую группу составляют стоянки, состояние которых в настоящий момент оценить невозможно, так как в ходе инвентаризаций 1992 и 2009 гг. они не были обнаружены или оказались в зоне с ограниченным доступом. Во вторую группу вошли памятники, для которых в настоящий момент присутствует возможность оценки их состояния.

Первая группа.

1. Стоянка Высокая гора I находится на восточном берегу Полновского плеса. Уровень учетной документации не позволяет локализовать ее более точно. В соответствии с паспортом там была собрана вещевая коллекция: отщепы, скребки, часть рубящего орудия и сверло. В 1977 году на всей площади стоянки была зафиксирована распашка. Мощность культурного слоя – 0,3 м [4]. В 1992 году в ходе инвентаризации был уточнен размер стоянки (15 × 70 м) [5]. Памятник многослойный, его западную часть перекрывает средневековое селище. В 2009 году доступ к памятнику был ограничен, так как на тот момент он находился на частной территории [6].

2. Стоянка Ходыриха I имеет неясное местонахождение. Однако известно, что она находится на небольшом мысе в 3 км от д. Приозерная. Собранный на ней подъемный материал составили отщепы, скребки и фрагмент тесла [7].

3. Стоянка Ходыриха II также имеет неясную локализацию. Ее вещевая коллекция представлена отщепами и теслом [8]. Мощность культурного слоя не превышает 0,25 м.

Есть основания полагать, что сведения паспортов о локализации стоянок не точны, либо утратили актуальность. Такие выводы можно сделать на основе

данных инвентаризации 1992 [9; 10] и 2009 годов [11; 12], в ходе которых памятники не обнаружены. Предположительно они утрачены или находятся в другом месте. Нами проведен ландшафтный анализ прибрежных территорий, по итогам которого предложена вероятная локализация памятников.

Вторая группа.

1. Стоянка Высокая гора II находится в 1,2 км к северо-востоку от стоянки I. Памятник занимает небольшой полуостров. Подъемный материал составляют отщепы, скребки и ямочно-гребенчатая керамика. Мощность культурного слоя – 0,2 м [13]. Стоянка расположена на берегу, в связи с чем размывается. На момент инвентаризации 1992 года памятник был в удовлетворительном состоянии [14], а в 2009 году в аварийном [15].

2. Стоянка «Перерва» находится на мысу, разделяющем озеро от небольшого залива. Доступа к паспорту памятника нет, однако есть основания полагать, что он также был исследован Калининским отрядом в 1976–1977 годах. В 1992 года стоянка находилась в удовлетворительном состоянии [16]. А инвентаризацией 2009 года зафиксировано, что территория памятника начала застраиваться, в связи с чем была значительно разрушена [17].

3. Стоянка Приозерная I находится на восточном берегу плеса у небольшого залива. На ней был собран значительный объем отщепов, скребков, проколки, сверла, резцы и тесло. Культурный слой практически не сохранился из-за распашки [18].

4. Стоянка Приозерная II расположена в 0,75 км к юго-востоку от стоянки I. Ее местоположение можно определить перешейком, ведущим к мысу небольшого полуострова. В 1977 году стоянка находилась на поле, поэтому культурный слой пострадал от распашки. Подъемный материал представлял собой характерные орудия: отщепы и каменный нож [19].

5. Стоянка Приозерная III находится на берегу в 0,6 км к юго-востоку от стоянки I и примерно в 0,055 км к северо-востоку от стоянки II. Коллекция находок состоит из отщепов, скребков, ножей, резцов, проколов и ямочно-гребенчатой керамики [20].

6. Стоянка Приозерная IV. Он находится на песчаном берегу в 0,5 км от деревни. Поселение можно назвать крупным, в 1977 году на участке размером 90 × 180 м. были собраны отщепы, скребки, наконечник дротика, скобель, сверло, а также фрагменты ямочно-гребенчатой керамики [21].

7. Стоянка Приозерная V находится на северном берегу Скребельского залива. Зафиксирован темный культурный слой мощностью 0,3–0,4 м. Из всех упомянутых памятников на стоянке V была собрана самая большая коллекция подъемного материала из отщепов, различных кремневых орудий и фрагментов ямочно-гребенчатой керамики [22].

Архивная документация позволяет проследить состояние памятников у д. Приозерная. В 1992 г. памятники находились в удовлетворительном состоянии [23; 24; 25; 26; 27]. А в 2009 году зафиксировано, что их состояние практически не ухудшилось [28; 29; 30; 31, 32].

Стоит отметить, что оценка состояния памятников в разные временные периоды, а также известное по паспортам отнесение их к археологическим культурам могут являться субъективными и относительными показателями, зависящими от критериев исследования и компетентности исследователя. Поэтому для обоснования их правомерности необходимо привлечение более обширной источниковой базы.

Таким образом, согласно информации из архивных источников, а также данным созданной ГИС, можно сделать вывод, о том, что стоянки новгородской части Полновского плеса расположены в основном группами или же вблизи памятников других типов. Также очевидно, что по берегам Полновского плеса в эпоху неолита наиболее благоприятными для освоения были небольшие мысы или пространства у защищенных от ветра заливов. К интересным предварительным наблюдениям о стоянках у д. Приозерная является анализ их расположения, которое определяется условным кругом, радиус которого составляет около 400 метров. Состояние большинства памятников удовлетворительное. Угрозы для них носят как антропогенный (застройка, распашка, деятельность ГЭС), так и естественный (размыв) характер. Все рассмотренные стоянки представляют большой научный интерес для изучения истории освоения рассматриваемого микрорегиона. Для уточнения сведений о памятниках требуется проведение дополнительных разведок с целью уточнения местоположения необнаруженных памятников, а также выявления новых археологических объектов.

Литература и источники

1. Анучин Д. Н. Древности. Труды императорского московского археологического общества. Т. XV. Вып. 2. Москва, 1894. С. 133.
2. Романцев И. С. О курганах, городищах и жальниках. Новгород: Губернская типография, 1911. 126 с.
3. Лебедев Г. С. Археологическое изучение Новгородской земли // Новгородский исторический сборник. Вып. XI. Ленинград: Наука, 1982. С. 15–42.
4. Урбан Ю. Н. Крутая гора. Стоянка I. Паспорт. 1977 (копия) // Научный архив ЦАИ НовГУ. Ф. 2 Д. 508.
5. Плохов А. В. Высокая гора. Стоянка I. Акт инвентаризации. 1992 // Научный архив ЦАИ НовГУ. Ф. Д.
6. Торопова Е. В. Высокая гора. Стоянка I. Акт инвентаризации. 2009 // Научный архив ЦАИ НовГУ. Ф. 2 Д. 500.
7. Урбан Ю. Н. Ходыриха. Стоянка I. Паспорт. 1977 (копия) // Научный архив ЦАИ НовГУ. Ф. 2 Д. 508.
8. Урбан Ю. Н. Ходыриха. Стоянка II. Паспорт. 1977 (копия) // Научный архив ЦАИ НовГУ. Ф. 2 Д. 508.

9. Плохов А. В. Ходыриха. Стоянка I. Стоянка. Акт инвентаризации. 1992 // Научный архив ЦАИ НовГУ. Ф. 2 Д. 500.
10. Плохов А. В. Ходыриха. Стоянка II. Стоянка. Акт инвентаризации. 1992 // Научный архив ЦАИ НовГУ. Ф. 2 Д. 500.
11. Торопова Е. В. Ходыриха. Стоянка I. Стоянка. Акт инвентаризации. 2009 // Научный архив ЦАИ НовГУ. Ф. 2 Д. 500.
12. Торопова Е. В. Ходыриха. Стоянка II. Стоянка. Акт инвентаризации. 2009 // Научный архив ЦАИ НовГУ. Ф. Д.
13. Урбан Ю. Н. Крутая гора. Стоянка II. Паспорт. 1977 (копия) // Научный архив ЦАИ НовГУ. Ф. 2 Д. 508.
14. Плохов А. В. Высокая гора. Стоянка II. Акт инвентаризации. 1992 // Научный архив ЦАИ НовГУ. Ф. 2 Д. 500.
15. Торопова Е. В. Высокая гора. Стоянка II. Акт инвентаризации. 2009 // Научный архив ЦАИ НовГУ. Ф. 2 Д. 500.
16. Плохов А. В. Перерва. Стоянка. Акт инвентаризации. 1992 // Научный архив ЦАИ НовГУ. Ф. 2 Д. 500.
17. Торопова Е. В. Перерва. Стоянка. Акт инвентаризации. 2009 // Научный архив ЦАИ НовГУ. Ф. 2 Д. 500.
18. Урбан Ю. Н. Приозерная. Стоянка I. Паспорт. 1977 (копия) // Научный архив ЦАИ НовГУ. Ф. 2 Д. 508.
19. Урбан Ю. Н. Приозерная. Стоянка II. Паспорт. 1977 (копия) // Научный архив ЦАИ НовГУ. Ф. 2 Д. 508.
20. Урбан Ю. Н. Приозерная. Стоянка III. Паспорт. 1977 (копия) // Научный архив ЦАИ НовГУ. Ф. 2 Д. 508.
21. Урбан Ю. Н. Приозерная. Стоянка IV. Паспорт. 1977 (копия) // Научный архив ЦАИ НовГУ. Ф. 2 Д. 508.
22. Урбан Ю. Н. Приозерная. Стоянка V. Паспорт. 1977 (копия) // Научный архив ЦАИ НовГУ. Ф. 2 Д. 508.
23. Плохов А. В. Приозерная. Стоянка I. Акт инвентаризации. 1992 // Научный архив ЦАИ НовГУ. Ф. 2 Д. 500.
24. Плохов А. В. Приозерная. Стоянка II. Акт инвентаризации. 1992 // Научный архив ЦАИ НовГУ. Ф. 2 Д. 500.
25. Плохов А. В. Приозерная. Стоянка III. Акт инвентаризации. 1992 // Научный архив ЦАИ НовГУ. Ф. 2 Д. 500.
26. Плохов А. В. Приозерная. Стоянка IV. Акт инвентаризации. 1992 // Научный архив ЦАИ НовГУ. Ф. 2 Д. 500.
27. Плохов А. В. Приозерная. Стоянка V. Акт инвентаризации. 1992 // Научный архив ЦАИ НовГУ. Ф. 2 Д. 500.
28. Торопова Е. В. Приозерная. Стоянка I. Акт инвентаризации. 2009 // Научный архив ЦАИ НовГУ. Ф. 2 Д. 500.
29. Торопова Е. В. Приозерная. Стоянка II. Акт инвентаризации. 2009 // Научный архив ЦАИ НовГУ. Ф. 2 Д. 500.
30. Торопова Е. В. Приозерная. Стоянка III. Акт инвентаризации. 2009 // Научный архив ЦАИ НовГУ. Ф. 2 Д. 500.
31. Торопова Е. В. Приозерная. Стоянка IV. Акт инвентаризации. 2009 // Научный архив ЦАИ НовГУ. Ф. 2 Д. 500.
32. Торопова Е. В. Приозерная. Стоянка V. Акт инвентаризации. 2009 // Научный архив ЦАИ НовГУ. Ф. 2 Д. 500.

Об авторе

Андреев Егор Дмитриевич – студент, лаборант Центра археологических исследований, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия)

О научном руководителе

Торопова Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 6061-3693. E-mail: Elena.Toropova@novsu.ru

О рецензенте

Самойлов Кирилл Глебович – научный сотрудник Центра археологических исследований, старший преподаватель кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 5840-6817. E-mail: jevoli@mail.ru, Kirill.Samoylov@novsu.ru

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИФFUЗНОСТЬ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВА
(ПО МАТЕРИАЛАМ НОВГОРОДСКОГО ОБЛАСТНОГО СЛОВАРЯ)**

Андреева Ю. И.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: *yulia0301andreeva@mail.ru*

**SEMANTIC DIFFUSENESS OF A DIALECT WORD
(BASED ON THE MATERIALS
OF THE NOVGOROD REGIONAL DICTIONARY)**

Andreeva Y. I.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: *yulia0301andreeva@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются диалектные наименования, входящие в состав тематического поля «Домашние животные», с точки зрения их семантической структуры. Материалом для наблюдения послужили многозначные наименования домашних животных, извлеченные из Новгородского областного словаря. Автор рассматривает многозначные слова, которые представляют собой особый тип полисемии, основанный не на семантической связи между значениями и не на отношениях семантической производности, а на отношениях семантической диффузности.

Ключевые слова: многозначность, семантическое единство, диффузность словоупотребления, диалект.

Abstract. The article discusses dialect names that are part of the thematic field "Pets" from the point of view of their semantic structure. The names of domestic animals extracted from the Novgorod Regional Dictionary served as the material for observation. The author considers polysemous words, which represent a special type of polysemy, based not on the semantic connection between meanings and not on the relations of semantic derivation, but on the relations of semantic diffuseness.

Keywords: ambiguity, semantic unity, diffuseness of word usage, dialect.

Основным источником и хранилищем сведений о народной жизни являются словари, в первую очередь диалектные, позволяющие показать культуру и жизнь русского народа через особенности наименования предметов и явлений народного быта. Источником сведений о повседневной жизни крестьянского населения новгородской земли является Новгородский областной словарь (далее НОС) [1]. НОС – фундаментальный труд коллектива

преподавателей кафедры русского языка НГПИ–НовГУ, осуществленный под руководством профессора В. П. Строговой. По замечанию С. А. Мызникова, НОС в первом издании, состоящем из 13 выпусков, представляет все лексическое богатство народной русской речи, зафиксированной на территории Новгородской области и в районах, исторически относящихся к Новгородской губернии. В нем содержится свыше 25 000 диалектных слов и около 2600 фразеологизмов [2].

Объектом описания в нашей статье является диалектная зоонимическая лексика. Это особый пласт лексики, включающий наименования диких и домашних животных, значимость изучения которых обусловлена их важной историко-этнографической ролью в формировании мировоззрения, особенностей хозяйственной деятельности, семейно-бытовой культуры народа. Г. Юаньюань подчеркивает, что зоонимическая лексика, являясь одним из древнейших пластов словарного состава, выступает частью национальной языковой картины мира [3, с. 4], поэтому ее изучение позволяет понять этническое своеобразие народа и его мировоззрение. Кроме того, диалектные наименования животных представляют интерес не только как источник этнографических сведений, но и как материал для языковедческих исследований, в частности для изучения внутренней семантической структуры диалектных слов и их лексико-семантических объединений.

Обратимся к анализу такой широко представленной в русской лексике семантической категории, как многозначность, и рассмотрим ее на материале слов из лексико-тематической группы «Домашние животные», извлеченной из НОС. Названная группа выделена в общем массиве диалектной зоонимической лексики по признаку *играющий / не играющий существенную роль в жизни человека*, поэтому выбор ее не случаен: образующие эту группу слова позволяют получить этнолингвистическую информацию о значимости домашних животных в жизни новгородского крестьянина.

Согласно материалам НОС, диалектные лексические единицы, называющие домашних животных, по организации семантической структуры делятся на однозначные и многозначные. Однако, по нашим наблюдениям, диалектным словам-зоонимам, в отличие от слов русского литературного языка, многозначность почти не свойственна: из 242 рассмотренных нами наименований 220 являются однозначными, и лишь 22 слова представлены как многозначные. Так, многозначность свойственна лексемам: **Борóнка**, -и, ж. 1. Ласк. Борона. *Землю-то раньше всё вручную боронили боронками*. Новг. 2. **Лошадь** в возрасте 2–3 лет, которую запрягают первый раз в борону. *В эту*

вёсну и эту боронку надо объезжать. Боронка – лошадь, которую запрягают в борону, когда ей исполняется три года. Пест. Боронка – лошадь, запряжённая в первый раз в первую борону. Бор. + Вол., Пест., Ст. [НОС, с. 63]; **Говя́да**, -ы, ж. 1. Крупный рогатый скот; корова. Говяда-то? – Да корова. Новг. Ты что, говяда, молока не даёшь? Сол. + Люб. || Бран. Я те, говяда ты этака. Это я корову так называю, это худо я сказала, зачем корова к сену подошла. Ок. + Новг. 2. Стадо крупного рогатого скота. Кр. 3. Мясо крупного рогатого скота; говядина. Чуд. [НОС, с. 170]; **Ко́ленка**, -и, ж. 1. Корова, которая отелилась первый раз на втором году жизни; первотелка. Коленка – это нетель при первом отеле. Оп. На сено мало телятся, но если она телится на сено, то её называют коленка. Мош. Коленкой телилась на вторую траву. Коленка – это когда тёлка годовалая отелится. Вол. 2. Корова, которая отелилась первый раз на третьем году жизни. Коленка – тёлка, которая отелилась в возрасте двух лет. Подумай-ка, Марья, у нас и эта тёлка-то коленкой телилась. Пест. + Ст., Уторг. [НОС, с. 412]; **Мы́мрик**, -а, м. 1. Слабый, истощенный человек или животное. Бор. + Валд. 2. Капризный в еде человек. Бор. 3. Молчун, застенчивый человек. У него сын был настоящий мымрик. Шим. + Бор., Валд., Кр., Хв. [НОС, с. 577]; **Полу́торка**, -и, ж. 1. Животное в возрасте полутора лет. Корова полуторка, она может, огуляться, а в два года может, отелиться. Под. 2. Вид плуга, в который запрягается одна сильная или две плохих лошади. Плуг такой полуторка. Одной лошади тяжело, запрягают двух, или одну хорошую, или пару плохих. Дем. [НОС, с. 894]; **Ста́рица**, -ы, ж. 1. То же, что старина в 1–2 знач. (старина, -ы, ж. 1. Бывшее поселение. 2. Целина. [НОС, с. 1137]): 1) Старица – место, где когда-то стояли хоромы, а в настоящее время остались только камни от фундамента. Холм. + Вол. 2) Старица – это земельное угодье, пашня и сенокос были, а теперь запущено. Валд. 2. Прошлогодня трава. Холм. 3. Старая овца. Старица у нас, овечка, которая пять-шесть лет живёт. Полав. Заедены семь штук стариц. Старица несколько раз ягнивше. За старицу три копейки в день, как пасут. Ок. А когда старицу стригут, то приговаривают: «Иди сама-пята на лето». Сол. + Бат., Валд., Вол., Дем., Кр., Лычк., Мст., Под., Ст., Уторг., Холм., Шим. 4. То же, что старик² в 1 знач. Пускай на старицу второй рой пчёл, чтобы семья пчёл была сильнее. Холм. 5. Заболоченное староречье. Старица – болотина. Пест. > Старица. Остров на оз. Селигер. Дем. [НОС, с. 1138].

Одной из проблем современной диалектологии является характеристика многозначных слов на основе выявления семантических связей между отдельными значениями, то есть типов семантической производности. Влексике

литературного языка принято выделять их в зависимости от характера ассоциаций между отдельными значениями полисемичного слова [4, с. 86]. Производность, иными словами семантическая связь между значениями многозначного слова, может быть обусловлена сходством реалий (по форме, внешнему виду, цвету, ценности, положению, также общности функции), их смежностью [5, с. 180] или отношениями внутренней деривации [6, с. 129]. Так, все значения диалектного слова *боронка* связаны общим семантическим признаком (семой) «орудие труда, то, чем вспахивают землю»: *боронка* – лошадь, которую запрягают в *борону*. Значения слова *старица* связаны общей семой «значительного возраста, старый». В последнем случае семантическая ассоциативность выявляется из иллюстративного материала, в котором актуализируется значение времени: *старица* – место, где **когда-то** стояли хоромы, **а в настоящее время** остались только камни от фундамента; *старица* – это земельное угодье, пашня и сенокос **были, а теперь** запущено; *старица* у нас, овечка, которая **пять-шесть лет живёт**. Первое и второе значения слова *говяда* связаны отношениями «часть – целое», а первое и третье – отношениями метонимии.

Кроме того, в диалектном материале некоторые многозначные слова, по данным НОС, представляют иной тип многозначности, основанный не на отношениях семантической производности, так как семантическую связь между их значениями установить невозможно. В этих случаях следует говорить скорее о смысловой диффузности. Д. Н. Шмелев так описывал это явление: «Точно так же, как контекст обуславливает конкретное значение многозначного слова, в определенных условиях он может создавать семантическую диффузность, то есть совместимость отдельных лексических значений, когда их разграничение не осуществляется (и не представляется необходимым)» [7, с. 382].

Однако, по нашим наблюдениям, смысловая диффузность диалектных слов имеет другую языковую природу: она не зависит от контекста употребления и не предполагает нейтрализации семантических различий между значениями многозначного слова, но обусловлена общими условиями функционирования определенного слова в качестве средства номинации. Иными словами, диффузность диалектной лексики обусловлена традициями словоупотребления в границах территории проживания диалектоносителей. Как свидетельствуют данные НОС, одно и то же диалектное слово в разных территориальных вариантах новгородского диалекта употребляется для называния разных видов животных. Например, словом **пóроз** у жителей Маловишерского, Демянского и Боровичского районов называют быка (*Иди ты домой, пороз, не реви. Пороз – бык*); в Валдайском районе оно записано со

значением «самец свиньи», а в Окуловском – как название барана [НОС, с. 911]. **Тпрóсьенька** (**тпрúсьенька**) со значением «корова» употребляется в Молвотицком, Демянском, Пестовском районах, а в Маревском районе – со значением «поросенок» [НОС, с. 1198]. Во всех рассмотренных лексемах, между значениями отсутствует семантическая связь: неизвестно, на основании чего диалектоносители именуют разных животных одним словом. Вместе с тем, в отдельных случаях можно выделить общий признак номинации; так, например, **пóрозом** именуется **самец** коровы – бык, **самец** свиньи и **самец** овцы – баран.

Изучение семантической диффузности диалектной лексики, несомненно, имеет как теоретическое, так и практическое значение для диалектологии. С одной стороны, такие слова дают новый материал для рассмотрения явлений многозначности и омонимии, проблема разграничения которых в лексикографии до сих пор не решена. В связи с этим представляется важным выявление других лексико-тематических групп диалектизмов, в которых присутствует лексика с такой же организацией семантической структуры и ее анализ. В практике составления диалектных словарей рассмотренная особенность имеет особое значение, поскольку обуславливает способ словарной фиксации таких слов – как многозначных с несколькими значениями (см. НОС) или как разных однозначных слов, а это в свою очередь либо сокращает, либо расширяет количественный состав словника диалектного словаря.

Литература и источники

1. Новгородский областной словарь / Ин-т лингвистических исследований РАН; изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. Санкт-Петербург: Наука, 2010. 1435 с.
2. Мызников С. А. Диалектная академическая лексикография и лингвогеография // Филологическая регионалистика. 2011. № 2 (6). С. 15–22.
3. Гэн Юаньюань. Моделирование лексико-деривационного пространства (на материале русской зоолексики): дис. ... канд. филол. наук / Уральский федеральный университет. Екатеринбург, 2018. 238 с.
4. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика: учеб пособие. Москва: Просвещение, 1977. 335 с.
5. Русская диалектология: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов / В. В. Колесов, Л. А.Ивашко, Л. В.Капорулина и др.; под ред. В. В. Колесова. Москва: Высшая школа. 1990. 207 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия, 1990. 683 с.
7. Шмелев Д. Н. Полисемия // Лингвистический энциклопедический словарь. Москва, Советская энциклопедия 1990. С. 382.

Об авторе

Андреева Юлия Игоревна – магистрант, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия)

О научном руководителе

Дидковская Виктория Генриховна – доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 5682-3000. E-mail: Pobeda.49@yandex.ru

О рецензенте

Заика Владимир Иванович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой филологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 9877-5535. E-mail: w.i.zaika@gmail.com

СЕМЕЙСТВА ПОСАДСКИХ ЛЮДЕЙ СТАРОЙ РУССЫ XVII В.: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОСОПОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА

Афанасьева В. А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

(г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: vaafanaseva_1@edu.hse.ru

FAMILIES OF POSAD PEOPLE OF STARAYA RUSSA IN THE 17TH CENTURY: EXPERIENCE OF APPLYING THE PROSOPOGRAPHIC METHOD

Afanaseva V. A.

National Research University Higher School of Economics

(Saint Petersburg, Russia)

E-mail: vaafanaseva_1@edu.hse.ru

Аннотация. В статье отслеживается история шести семейных древ жителей Старой Руссы на основе материалов писцовых описаний XVII в. На основе анализа дозорной книги 1611 г., писцовой книги 1624 г. и переписных книг 1647/1648 и 1678 гг., с привлечением данных писцовой книги 1497/1498 г. и «списка посадских людей старорушан, направленных по указу в Новгород» 1602 г., определяется преемственность поколений старорушан, наследование ими устойчивых прозвищ, их сохранение, изменения социального и имущественного статуса представителей семейств.

Ключевые слова: социальная история, просопография, посадские люди, малый город, писцовые книги, дозорные книги, переписные книги, Старая Русса, XVII век.

Abstract. The article traces the history of six family trees of the inhabitants of Staraya Russa based on the materials of census books of the 17th century. Based on the analysis of the census books of 17th century and adding data from other documents, can be determined succession of generations of Staraya Russa inhabitants, their inheritance of stable nicknames, their preservation, changes in the social and property status of family representatives.

Keywords: social history, prosopography, posad people, small town, census books, Staraya Russa, 17th century.

В данной статье описаны прослеживаемые на протяжении периода 1611–1678 гг. семейные древа шести родов посадских людей XVII в. из Старой Руссы. Аналитические выводы по этому описанию предоставлены в статье «Посадские люди Старой Руссы XVII в.: тенденции преемственности поколений и мобильности населения в черте города в период 1611–1678 гг.».

Родственные связи носителей устойчивого прозвища Бородулины можно проследить с 1611 по 1678 год, однако же, вероятно, первый упоминаемый в

документах предок этой семьи встречается в писцовой книге 1497/1498 г. Он известен как Ивашко Онуфреев Бородуля, проживал в Мининском конце, во дворе Николы святого из Городка; также, вероятно, он же упомянут в документе как Ивашко Бородач, которому принадлежали два лавочных места в Песьих концах [1, с. 18, 33, 34]. Из всех семейных древ, рассмотренных в этой статье, это единственный случай, когда преемственность устойчивого прозвища не просто отслеживается по документам на протяжении XVII в., а с конца XV в. В дозорной книге 1611 г. упомянуты два носителя устойчивого прозвища Бородулин: Сенка и Ивашко. Род Ивашки можно отследить до 1678 г., поэтому описываем именно его. В 1611 г. Ивашко не находился в Старой Руссе, он проживал в Новгороде, двора в Руссе у него не было, но ему ранее принадлежали два лавочных места и одна варница [1, с. 97, 102, 105]. По данным дозорной книги 1624 г. Ивашко проживал на Большой улице во дворе Якимки Демидова. В городе ему принадлежали: те же два места лавочных, что и по дозорной книге, и та же варница, к тому же он взял в оборок садовую землю в Мининском конце [1, с. 115, 198, 202, 212, 256]. Из документа также можно узнать, что в 1611 г. Ивашко умер. В переписной книге 1647/1648 г. упоминается только один Бородулин – Ивашько Иванов сын. Ивашько проживает на улице на Красной Луке с сыном Трифанком и с шурином Максимком Степановым [1, с. 278]. До 1678 г. Ивашько не дожил, в переписной книге упомянута его вдова Парасковьяца, жившая в Роговом конце с сыновьями Трифанком и Омелкой. Любопытно, что домовладельцем обозначена вдова, а не взрослый сын Трифанко (впрочем, возможно, это уже другой Трифанко) [1, с. 305]. Также в документе упомянут некто Исачко Иванов сын Борода, но понять, является ли этот человек сыном Ивашьки Бородулина затруднительно, возможно, это носитель похожего прозвища, не связанный родственными узами с Бородулинами [1, с. 308]. Проследить по источникам удалось лишь три поколения.

В дозорной книге 1611 года встречаются сразу шесть носителей устойчивого прозвища Лысков: Микифорко, Петрушко, Ивашко, Пименко, Сысойко, Микитко. Ивашко и Сысойко имеют один патроним – Леонтиев (Левонтиев) сын, из чего можно заключить, что они были братьями. Пименко и Сысойко совместно владели садом на Чортовой улице, а в 1624 г. Ивашко наследовал варницу Пименки, из чего также можно предположить, что Ивашко и Пименко были связаны родственными узами. Патронимы Микифорки и Петрушки Лысковых не упоминаются, а Микитка носит отчество Ондреев, поэтому родным братом Ивашке и Сысойке приходиться точно не мог. Наиболее длинное семейное древо, из тех, что прослеживаются до 1678 г., у Ивашки Лыскова. Ивашко в 1611 г. находился в Руссе, но неизвестно, где он жил, а его двор на улице Щенячьей и варница сожжены [1, с. 83, 105]. В 1624 г. Ивашко

жил на Средней улице, имел пристенную лавку у острога, две варницы, одну, полученную в наследство по духовной от Пименки, вторую собственную [1, с. 117, 120, 253, 256]. В переписной книге 1647/1648 г. Ивашко уже не упоминается, зато на страницах документа появляются двое его сыновей: Ефимко с сыновьями Бориском и Петрушкою, жившие в остроге, и Якушко с детьми с Оверкою и Софонкою, жившие «в улицы по Холопьюму ручью» [1, с. 277, 280]. Из потомков Ивашки Лыскова в 1678 г. в Старой Руссе жили: на Красной Луке вдова Ефимки Окулина с сыновьями Яшкой и Исачкой, там же, но на территории, обозначенной как бобыльские дворы, Петрушка Ефимов сын со своим сыном Якимкой четырех лет, на Троицкой улице Оверка Яковлев сын со своим сыном Конашкой, в Роговом конце Офонко Яковлев сын со своими детьми Алешкой и Сидорком; итого четверо правнуков Ивашки и пять внуков, то есть по источникам прослеживаются четыре поколения семейства [1, с. 299, 300, 303, 305].

Пузановы впервые упомянуты в списке двухсот старорушан, отправленных в Новгород встречать датское посольство в 1602 году, в этот список попал Тимоха Пузанов [1, с. 327]. В 1611 году он проживал на Васильеве улице, где также пахал огород в соседнем пустом дворе, а его собственный двор в Обрамовом переулке был сожжен [1, с. 69, 75]. Его варница в Мининском конце была сожжена, а он владел варницей цренницкой в Песьих концах [1, с. 103, 105]. В писцовой книге 1624 г. указано, что Тимоха умер либо в 1611 г., либо в 1613 г., его старый двор все также был пуст, а его сын Микифорко жил на Заднем Городке [1, с. 124, 185, 256, 257]. По данным переписной книги 1647/1648 г., Микифорко проживал на том же месте вместе со своими детьми: Сидорком, Ларкою и Ивашком [1, с. 283]. В книге 1678 г. никто из них не упомянут, кроме Ивашки: он жил с сыном Терешкой на Богородицкой улице на бобыльских дворах, а записан был не под прозвищем Пузанов, а Пузан [1, с. 310]. Прослеживаются четыре поколения семьи.

Устойчивое прозвище Сляндухины прослеживается в документах на протяжении всего периода 1611–1678 гг. В 1611 г. единственный дворовладелец с этим устойчивым прозвищем – Степан Павлов сын [1, с. 38]. Его отец Павел упоминается также в списке двухсот старорушан, отправленных в Новгород (причем в тексте он упомянут как «Павелко Осляндухин», но это написание устойчивого прозвища, вероятно, следствие ошибки, либо же у его потомков действительно буква «о» в прозвище пропала) [1, с. 327]. В собственности же Степана на момент переписи находились двор и огород на Ильине улице, а также ему ранее принадлежала лавка на Мясном ряду, на момент дозора 1611 г.

уже сожженная «литовскими людьми» [1, с. 91, 100]. В 1624 г. Степан владел полудвором на Большой улице [1, с. 116]. Также он имел несколько лавок и полок в разных местах, а также огород и сад [1, с. 120, 121, 201, 207, 208, 211, 218]. В переписной книге 1647/1648 г., Степан уже не упоминается, зато его сын Нефедко жил на Егорьевской улице в своем дворе вместе с сыном Васкою [1, с. 280, 281]. К моменту создания переписной книги 1678 г. ни Нефедко, ни Васка не дожили, Васка умер где-то между 1674 и 1678 гг., а на Егорьевской улице, вероятно, в доме, унаследованном от Нефедки, жила вдова Василия Натальица вместе с двумя сыновьями: шестилетним Миткой и четырехлетним Назаром [1, с. 295]. Итого от Павла до Митки и Назара прослежено пять поколений Сляндухиных.

Род Стеблевых отслеживается в документах от 1602 г. до 1678 г. В списке двухсот старорушан, отправленных в Новгород, фигурируют сразу пятеро Стеблевых: Кузма, Ондрей, Яков, Сенка и Дрошко Кузмин [1, с. 326, 327]. На основе анализа материала дозорной книги 1611 г. становится понятно, что Ондрей является сыном Кузмы, к тому же у него еще были братья Иванко и Фетка. Семейная ветка Фетки Стеблева прослеживается до 1678 г. В 1611 г. двор Иванки и Фетки на улице Щенячьей был сожжен «литовскими людьми», после чего они поселились в пустом дворе на Заднем Городке, братья также владели четырьмя варницами, три из них были сожжены [1, с. 82, 83, 104, 105, 106]. В писцовой книге 1624 г. отмечено, что Фетка имел двор на Большой улице, двор на Петровской улице, пашню на Мининской улице, две варницы, а умер он в 1611 г. [1, с. 116, 121, 156, 180, 256, 257]. Фетка первый из описываемых в этой статье людей, у которого упомянута профессиональная принадлежность, – он покровский дьячок. В переписной книге 1647/1648 г. упомянут сын Фетки Михалка, проживавший в остроге со своим сыном Степашком [1, с. 277]. Михалка, по всей видимости, не дожил до 1678 г., так как не упоминается в переписной книге, но на момент ее составления в Старой Руссе проживали 3 его сына: Ивашко, живший на Чортовой улице, Стенко, проживавший в Кузнецах вместе со своим годовалым сыном Яшкой, а также Феклист, живший возле Василия Святого за Полистью [1, с. 291, 293, 317]. Известна профессия Феклиста – подьячий. Итого в источниках прослеживаются пять поколений рода Стеблевых от Кузмы до Яшки.

Кондрашко Шабанов впервые упоминается в отобранных источниках в 1602 г. в составе старорушан, отправляющихся в Новгород встречать датское посольство [1, с. 326]. В 1611 г. его двор на улице Щенячьей стоял сожженным, сам он поселился на улице Чортовой, две его варницы сожгли «литовские

люди» [1, с. 81, 83, 103, 108]. В писцовой книге 1624 г. указано, что Кондрашко Шабанов является посадским старостой, а в городе ему принадлежат лавка в остроге, две пашни в Мининском конце, новый, относительно 1611 г., двор на улице Чортовой, а дворы на бывшей улице Щенячьей в 1624 г. под острогом и на улице Чортовой стоят пустыми, обе варницы также были заброшены, что за Порусью, что в Емцах [1, с. 120, 121, 122, 196, 211, 212, 254, 261]. В 1647/1648 г. в городе проживает сын Кондрашки Софонко вместе со своим сыном Нестерком, там же, на Чортовой улице [1, с. 282]. В 1678 г. место проживания Софонки обозначено как «на посаде в улице Горотке по Полисте реки», Нестерко все также живет с отцом, а также братом Гаврилкой, своими сыновьями Гаврилкой, Нефетком, Левкой, Ерофеевкой и племянниками Карпушкой и Алешкой [1, с. 289]. Всего четыре поколения семейства.

Исследование подготовлено в рамках реализации проекта Зеркальной лаборатории «Практики урбанистического развития в российском политическом пространстве конца XV–XVII в.: человек и малый город» (ЦИИ НИУ ВШЭ СПб – ЦАИ НовГУ).

Литература и источники

1. Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв. / сост. И. Ю. Анкудинов, подгот. И. Ю. Анкудинов, К. В. Баранов, А. А. Селин. Москва: НП «Рукописные памятники Древней Руси», 2009. 532 с.

Об авторе

Афанасьева Виталина Алексеевна – студентка, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург, Россия)

О научном руководителе

Селин Адриан Александрович – доктор исторических наук, профессор департамента истории, главный научный сотрудник Центра исторических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург, Россия), SPIN-код: 4163-6187. E-mail: aselin@hse.ru

О рецензенте

Гринев Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 7359-4696. E-mail: Andrey.Grincev@novsu.ru

**К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ПСКОВСКОЙ ДОМОСТРОИТЕЛЬНОЙ
ТРАДИЦИИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ)**

Бабушкина К. К.

Псковский государственный университет
(г. Псков, Россия)
E-mail: *karina.babushkina.00@mail.ru*

**TO THE QUESTION OF STUDYING THE PSKOV HOUSE-BUILDING
TRADITIONS ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL DATA
(PRELIMINARY PUBLICATION)**

Babushkina K. K.

Pskov State University
(Pskov, Russia)
E-mail: *karina.babushkina.00@mail.ru*

Аннотация. В предварительной публикации представлены материалы по деревянному домостроительству Пскова – жилым постройкам. Использовались результаты археологических раскопок на территории Пскова с 1960-х гг., опубликованные в научной литературе. В данной работе указаны постройки, века их существования, раскопы, в которых они были обнаружены. Также приведены краткие описания некоторых примеров. На основании предоставленного материала сделан вывод о псковской домостроительной традиции.

Ключевые слова: Псков, охранные раскопки, археологические памятники, деревянное домостроительство, жилые постройки.

Abstract. The preliminary publication presents materials on wooden house-building in Pskov – residential buildings. The published results of archaeological excavations on the territory of Pskov since the 1960s were used. This work indicates the buildings, the centuries of their existence, the excavations during which they were discovered. Brief descriptions of some samples are also provided. Based on the provided material, a conclusion is made about the Pskov house-building tradition.

Keywords: Pskov, rescue excavations, archaeological sites, wooden house-building, residential buildings.

К настоящему времени, благодаря археологическому изучению Пскова, по деревянному домостроительству Пскова накоплен достаточно обширный материал. С 1960-х гг. раскопками открыты сотни построек, относящихся к различным периодам. Согласно публикациям о раскопках, выявлено не менее

341 сооружения, из них не менее 83 жилых, не менее 79 хозяйственных построек.

В данной предварительной публикации речь пойдет о жилых деревянных постройках, выявленных археологами на территории Пскова, и об общих чертах развития домостроительной традиции на протяжении IX–XVIII вв. Рассмотрим примеры сооружений в хронологическом порядке.

На базе археологических материалов Псковского городища (раскопки 1930–1970-х гг.) С. В. Белецким был проведен анализ остатков наиболее древнего деревянного домостроительства в Пскове. В ходе исследования были выделены 3 различных типа жилых построек. Для нашей темы особо важен тип 3, который был распространен в IX–XI вв. Это **«наземные бревенчатые срубы с дощатыми полами на лагах и печью в углу»** [1].

Позже Н. Н. Фараджева предложила для **типа 3** формулировку **«наземные постройки с деревянными полами, печью-каменкой в углу дома и срубной конструкцией стен»**. По мнению исследовательницы, данный тип построек можно считать общеславянским типом жилища, характерным для северо-западных и северо-восточных областей Руси (Новгород, Старая Ладога, Старая Русса, Белоозеро, Изборск и др.) [2].

Помимо находок на Псковском городище, сооружения XI–XII вв. представлены в Пскове нижними конструкциями 14 срубных построек различного назначения на X раскопе на ул. Ленина [3]. Также к данному периоду относятся комплексы из материковых ям, исследованные на Запсковье при работах на Космодемьянских I, II, III раскопах 1993 г. По мнению автора раскопок А. В. Яковлева, они свидетельствуют об освоении участка под сплошную жилую застройку с руб. XI–XII вв. [4].

Начало освоения участка на ближнем Запсковье также относят к кон. XI – руб. XI–XII вв. В 2019 г. на Ильинских 4-6 раскопах были раскрыты остатки деревянных построек этого периода, печных конструкций. На Ильинском-5 раскопе обнаружена интересная деревянная постройка XI–XIII вв. В целом на данных раскопах изучались отложения с XII по XVIII вв. [5].

Характерные постройки XIII в. могут быть изучены по материалам раскопок на ул. Ленина. Так на раскопах V–IX открыт и изучен ряд срубных и столбовых построек разного назначения. Все жилые постройки срубные, рублены в обло. Под стены и углы срубов обычно подкладывались обрубки бревен или плах, иногда валуны или известняковые плиты. В некоторых жилищах прослежены остатки полов из плах или толстых досок.

Постройки, как правило, невелики, длина сторон не превышает 3–4 м. На раскопе IX исследована постройка конца XIII в. размерами 5,9 × 4,1 м. В ее

северо-западном углу, напротив входа, находилась глиняная печь на столбовом опечке. Другая подобная по размерам постройка раскопа IX была двухкамерной. Бревенчатые переводины пола были врублены в стены сруба на уровне второго венца способом сквозной врубки. Концы переводин опирались на жерди, уложенные параллельно стенам дома на некотором удалении от них [6].

Изучение и реконструкция двора рядового псковича XIV в. проводились по заявке Псковского музея-заповедника. За образец был взят фрагмент застройки из раскопа 1969 г. в Среднем городе. На раскопе всего было открыто 9 сооружений, из них 7 изб и 2 хозяйственные постройки. Полностью вскрыто 4 сооружения: 3 избы с сенями и 1 без сеней. Строения ставились на грунт, на подкладки из обрубков бревен или плитняк. Печи находились в углу напротив входа или при входе. По мнению автора реконструкции, Г. В. Борисевича, кровли могли быть тесовыми по курицам и потокам [9].

В целом напластования с постройками XIV–XVI вв. лучше всего известны по материалам раскопок на ул. Ленина в пределах стены 1309 г. По всей площади раскопов расчищены остатки разнообразных сооружений из дерева. Срубы часто сооружались на одних и тех же местах. Застройка на исследованном участке была усадебной. Один из дворов на раскопе 1986 г. выделялся крупными размерами и имел мощный дворовый настил, по-видимому, принадлежал крупному землевладельцу.

Многие срубные постройки были жилыми. Они рублены в обло из бревен диаметром 15–20 см. Нижние венцы срубов обычно укладывались на подкладки из обрубков бревен или на камни. В некоторых постройках сохранились остатки полов из досок или плах, положенных на тонкие бревенчатые лаги. В жилых постройках исследовались отопительные устройства, преимущественно, печи-каменки [9]. Городская застройка XIV–XVI вв. (остатки жилых и хозяйственных построек, уличные и дворовые настилы) зафиксирована и в шурфах на ул. Воровского 2014 г. [10]. Следы городской уличной планировки XIV–XV вв., жилые и хозяйственные постройки XV–XVII вв. выявлены при работах на Мстиславском-6 раскопе 2019–2020 гг. [11].

Сохранность построек XV в. в культурном слое Пскова пострадала из-за каменного строительства XVI–XVIII вв. и сооружения заглубленных фундаментов. Тем не менее, несколько памятников XV в. возможно изучить. Большая жилая постройка XV в. выявлена на уровне «горизонта 4» на Богоявленском раскопе 1980 г. [12].

Остатки срубной постройки и плитняковой вымостки XV в. изучены на Завеличье на Изборском 5 раскопе в 1993 г. К более позднему времени,

XVI–XVII вв., на раскопе относятся три углубленные в материк постройки. Одна из них имела подклет с кладкой на известковом растворе в верхней части. Сохранилась часть свода, примыкающая к стене подклета [4].

Остатки застройки конца XV–XVII вв. в Окольном городе Пскова, предшествующей комплексу двора Подзновых, изучены в раскопах 1992 г. Выделяются два двора («А» и «Б»), предшествовавшие Первому дому Подзновых. На месте несохранившейся избы двора «А» встречено три округлых углубления общим поперечником до 5,5 м, содержащих в средней части развал печи с мелкими фрагментами красноглиняной неполивной облицовки. От избы с подызбицей и сеней с подсеньем двора «Б» сохранились два прямоугольных котлована с облицовкой стен из обугленных досок [13].

Три яруса средневековой деревянной застройки XV – нач. XVIII вв. выявлены на Петровском IX раскопе в 2008 г. Раскрыты деревянные настилы, колодцы, жилые и хозяйственные срубы, частоколы, разделившие изученное пространство на два двора [14]. Жилые и хозяйственные постройки XV–XVIII вв. и остатки дворовых замощений изучены на Великоулицком-1 раскопе в 2019–2020 гг. [11]. Материалы XVI–XVII вв. есть и в других раскопах в Окольном городе: на Октябрьском пр., в районе ул. Первомайской на Запсковье (1979–81 гг.), на территории двора Подзновых, Кузнецком V раскопе 1994 г., Петровских VIII–IX, XIII раскопах 2010 г., Новоторговском XI раскопе 2013 г., в «Музейном квартале». Среди этих сооружений: подполы, остатки срубов, крыльца, развалы печей, остатки амбара с большим количеством сгоревшего зерна, хлев, хоромы (?) на каменном подклете, дворовые ограды и настилы [15; 16; 17 и др.].

Во время работ на Петровском IX раскопе открыто большое количество остатков построек, в том числе и следы строительства срубов в одних и тех же местах. Например, на месте сруба 8 с небольшим смещением к северу возник жилой сруб 5 с деревянным подклетом II пол. XVII в., рубленный в обло, размерами 3,2 × 4,1 м. В центральной части сруба был раскрыт развал печи. Изучены переводины пола, вставленные в пазы в бревнах второго венца, и остатки дощатого настила пола.

К этому же двору относился сруб 6. Постройка прямоугольная, вытянута по оси СЗ–ЮВ, размеры не менее 4,25 × 3,6 м, юго-восточная стена постройки фактически совпадает с границей двора II. Стены образованы деревянным брусом до 3,6 × 0,28 × 0,22 м. Возможно, сруб 6 представлял собой подклет здания. В нем раскрыт дощатый настил пола на тонких бревнах и гранитных булыжниках. Керамика из-под настила может быть датирована XVII в. [18].

Подводя итоги, следует отметить, что изменения в традиции деревянного домостроительства на территории Пскова в течение долгого периода было не столь значительным. Вплоть до XVIII в. практически все постройки не имели фундамента. Строения ставились на грунт, на подкладки из обрубков бревен или плитняк. Полы настилались по лагам, лежащим на грунте, подкладках или столбах.

В основном постройки имели вид срубных конструкций, рубленых в обло, либо каркасно-столбовых. Они были небольших размеров, длины их сторон в среднем были 3–4 м. В каждом доме находилась печь-каменка. Отмечена стабильность местоположения большинства жилых домов, срубы сооружались в одних и тех же местах, и была устойчивость в разграничении дворовых участков.

Литература и источники

1. Белецкий С. В. Некоторые итоги археологического изучения Псковского городища // Археология и история Пскова и Псковской земли (далее – АИППЗ). 1980. С. 8–10.
2. Фараджеева Н. Н. Домостроительство Псковского городища // АИППЗ. 1985. № 2 (13–15). С. 15–16.
3. Плоткин К. М., Степанов С. В. Раскоп X на ул. Ленина // АИППЗ. 1990. № 7 (27–28). С. 90–91.
4. Яковлев А. В. Раскопки Псковского археологического центра в 1993 г. // АИППЗ. 1994. № 11 (36–37). С. 3–8.
5. Прибутова Т. Ф., Фисенко А. В. Предварительные итоги исследования углубленной постройки XI–XIII вв. на Запсковье (по материалам Ильинского-5 раскопа 2019 г.) // АИППЗ. 2021. № 36 (66). С. 51–66.
6. Раскопки на ул. Ленина / О. К. Волочкова, В. И. Кильдюшевский, И. О. Колосова и др. // АИППЗ. 1986. № 6 (16–17). С. 73–75.
7. Борисевич Г. В. О деревянном зодчестве Пскова (опыт реконструкции рядовой застройки XIV в. // АИППЗ. 1982. С. 23–26.
8. Лабутина И. К. Раскопки 1981 г. на ул. Ленина в Пскове // АИППЗ. 1982. С. 48–49.
9. Археологические раскопки в Пскове / В. В. Седов, А. А. Александров, С. В. Белецкий и др. // АИППЗ. 1987. № 4 (18–20). С. 102–106.
10. Кулакова М. И. Археология в Пскове и Псковской земле в 2014 г. // АИППЗ. 2016. № 31 (61). С. 7–24.
11. Кулакова М. И. Полевые работы псковских археологов в 2019 и 2020 гг. // АИППЗ. 2021. № 36 (66). С. 7–30.
12. Белецкий С. В. Охранные раскопки в Пскове // АИППЗ. 1982. С. 55–57.
13. Плоткин К. М. Археологическое изучение двора Подзноевых в Пскове в 1992 г. // АИППЗ. 1994. №11(36–37). С. 23–26.
14. Яковлева Е. А. Археология в Пскове в 2008 году // АИППЗ. 2010. № 25(55). С. 12–24.
15. Колосова И. О. Охранные раскопки в Пскове // АИППЗ. 1982. С. 60–61.
16. Кильдюшевский В. И. Охранные раскопки в Пскове // АИППЗ. 1982. С. 61–62.
17. Плоткин К. М. Изучение двора Подзноевых (информация о работе 1991 г.) URL: <https://arheologi.livejournal.com/94734.html> (дата обращения: 21.03.2023).
18. Салмина Е. В. Работы на Петровских VIII–IX раскопах в 2007–2008 гг. // АИППЗ. 2010. № 25 (55). С. 39–47.

Об авторе

Бабушкина Карина Константиновна – студентка, Псковский государственный университет (г. Псков, Россия)

О научном руководителе

Колпакова Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, Псковский государственный университет (г. Псков, Россия), SPIN-код: 7884-216. E-mail: pskov-sova@mail.ru

О рецензенте

Торопова Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 6061-3693. E-mail: Elena.Toropova@novsu.ru

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИЙ КОНТЕНТ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОВОДОВ

Баженова А. Р.

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
(г. Тамбов, Россия)

E-mail: *anastasiab567@gmail.com*

USER-GENERATED CONTENT AS A SOURCE OF INFORMATIONAL OCCASIONS

Bazhenova A. R.

Derzhavin Tambov State University
(Tambov, Russia)

E-mail: *anastasiab567@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается роль партиципаторного контента в формировании информационной повестки дня средств массовой информации. Представлены результаты анализа пользовательского контента, который послужил информационным поводом для публикаций в медиа. Рассматриваются преимущества и риски использования пользовательского контента в качестве источников материалов в СМИ. Материалом представленного исследования послужили личные каналы и страницы российских политиков.

Ключевые слова: пользовательский контент, информационный повод, информационная повестка дня.

Abstract. The article examines the role of participatory content in shaping the information agenda of the mass media. The results of the analysis of user content, which served as an informational reason for publications in the media, are presented. The advantages and risks of using user content as sources of materials in the media are considered. The material of the presented research was the personal channels and pages of Russian politicians.

Keywords: user content, informational occasion, sources of informational occasions.

К исследованию пользовательского контента в настоящее время обращаются многие ученые. Необходимость изучения данной темы объясняется возросшим значением медиаиндустрии, а также революционными изменениями медиаландшафта. Все больше становится информации, которая генерируется и распространяется пользователями, а не СМИ. Кроме того, меняется структура и цели пользовательского контента.

О. И. Молчанова отмечает, что «по мере развития медиасферы изменяются свойства современного потребителя, в частности, восприятие им

информации из плоского превращается в объемное, меняется поведение пользователя: теперь он не только потребляет информацию, но и транслирует ее и даже производит...» [1, с. 101]. Это говорит о том, что сейчас у пользователей есть потребность и неограниченные возможности в генерации авторского контента. А этот контент впоследствии может являться источником информационных поводов.

Информационным поводом традиционно принято считать событие или публичное сообщение, которое вызывает интерес у аудитории. Однако Е. Ю. Щуревич считает, что при «правильном контексте» любое событие может стать информационным поводом [2]. Г. Н. Немец отмечает: «...принято считать, что публикаций в СМИ без информационных поводов не существует, поскольку в основе изображаемого объекта всегда лежит журналистский факт» [3, с. 71].

В последние годы наблюдается нарастающая тенденция генерации информационных поводов пользователями в социальных сетях. Происходит это по разным причинам:

1. Желание попасть в поле зрения СМИ и стать популярным.
2. Продвинуть свой личный бренд.
3. Вызвать интерес у других пользователей и побудить их к обсуждению.
4. Вызвать определенные эмоции у других пользователей – негодование, ужас, радость, удивление и др.
5. Обратить внимание на какую-либо социальную проблему.

В нашей работе представлены результаты исследования пользовательского контента в социальной сети «ВКонтакте» и мессенджере «Телеграм», который послужил информационным поводом для средств массовой информации. Для анализа были выбраны личные каналы и страницы российских политиков.

Научные исследования в области специфики пользовательского контента идут сегодня в нескольких направлениях. В своей работе мы опирались в основном на теоретические концепции Н. Ф. Крылова и Л. Н. Талаловой, в частности на их исследования, касающиеся пользовательского контента как тренда в контент-маркетинге, а также на работы Е. В. Беляева, Н. В. Гольцовой и др. о специфике и современной структуре пользовательского контента.

Официальный сайт Правительства Мурманской области 8 марта 2023 года опубликовал новость с заголовком: «"Любые проблемы мужчине по плечу, когда вы рядом": Андрей Чибис поздравил жительниц региона с 8 марта» [4]. Информационным поводом публикации стало видеообращение мурманского губернатора Андрея Чибиса в своем Telegram-канале, в котором он поздравляет жительниц Мурманской области с Международным женским днем [5]. СМИ оперативно отреагировали на публикацию политика и разместили новость в тот же день, пока она не потеряла актуальность.

25 февраля 2023 года редакция интернет-журнала «Деловой квадрат» опубликовала новость о том, как глава Удмуртии «испек блины для любимых» [6]. Источником данной новости послужило видео в Telegram-канале Александра Бречалова, где он с подписчиками поделился рецептом блинов [7].

Интернет-портал «БК55» 3 января 2023 года выложил пост: «Губернатор Омской области, пользуясь новогодними выходными, встал на лыжи» [8]. В статье упомянули о любви губернатора к лыжам и даже вспомнили факты из его биографии. А поводом к этой публикации стал короткий комментарий Александра Буркова к видео, которое он выложил у себя на личной странице в «ВКонтакте»: «Сибирь. Зима. Лыжи. Правильно начинаем 2023-й год» [9].

Онлайн-газета «Жизнь района» 16 марта 2023 года сообщила читателям, что ситуация с очисткой крыш на Южном Урале взята под контроль [10]. Материал был опубликован после поста Алексея Теслера, губернатора Челябинской области в Telegram-канале [11]. В своем блоге он сообщил, что поручил провести проверки по данной ситуации и призвал свою аудиторию к обсуждению: «Где видите недоработки, пишите, будем реагировать». А призыв к обсуждению, как мы отмечали ранее, является одной из причин генерации информационных поводов пользователями в социальных сетях.

Журналисты часто прибегают к использованию материалов пользователей, когда дело касается экстренных выпусков новостей. При таком формате работы необходимо быстро выпустить материал, но не всегда у журналиста есть возможность побывать на месте события. Тогда материалы пользователей-очевидцев или обладателей уникального контента представляют для журналистов особую ценность – это возможность опубликовать важный материал в короткие сроки. Исследователи А. В. Толоконникова и А. В. Максимова отмечают: «...подобные публикации стали важным инструментом в ежедневной работе, позволяющим оперативно узнавать о нестандартных событиях, получать эксклюзивные фото- и видеоматериалы, искать очевидцев происшествий и новых героев для своих материалов» [12].

Так, например, Максим Косенков, глава администрации города Тамбова, в случае чрезвычайных происшествий оперативно реагирует и публикует оперативную информацию у себя на странице в социальной сети «ВКонтакте». В случае чрезвычайных ситуаций в городе Тамбов именно его личная страница является для журналистов источником самых «свежих» и достоверных новостей.

При освещении событий, связанных со СВО, в Курской и Белгородской областях страницы губернаторов Романа Старовойта и Вячеслава Гладкова являются основными поставщиками экстренной информации и формируют

информационную повестку не только на региональном медиаполе, но и на федеральном [13; 14].

В рамках исследования нами были выявлены преимущества и риски использования пользовательского контента в качестве источников материалов в СМИ.

Преимущества:

- привлечение дополнительной целевой аудитории на площадку СМИ (особенно когда информационным поводом был контент известного человека);
- возможность освещения важного актуального события, когда журналист не мог сам находиться на месте происшествия;
- повышение доверия аудитории к СМИ (так как люди вероятнее поверят новостям от таких же пользователей, как и они сами);
- повышение интереса людей к определенной социальной проблеме (пример с челябинским губернатором, который в своем посте призвал чаще людей обращать внимание на проблемы региона и писать об этом ему).

Риски:

- распространение недостоверной информации (зачастую СМИ не проверяет информацию, который написал пользователь, что повышает риск публикации недостоверного материала);
- недостаточный уровень компетенций журналистов для работы с пользовательским контентом.

В современных условиях развития медиасреды источником информационных поводов все чаще становится пользовательский контент. С одной стороны, использование гражданского контента расширяет и обогащает информационную повестку средств массовой информации. Но, с другой стороны, работа с пользовательским контентом накладывает на журналиста большую ответственность – с новыми возможностями требуется все больше компетенций, которыми должны обладать современные журналисты для эффективного контент-мейкинга.

Литература и источники

1. Молчанова, О. И. Пользовательский контент как результат трансформации медиасферы // Информационное общество. 2017. № 4–5. С. 101–106.
2. Щуревич, Е. Ю. Создание информационного повода, или как сотрудничать со СМИ бесплатно? // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2011. № 9. С. 160–171.
3. Немец Г. Н. Использование информационного повода как инструмента формирования имиджа города (на примере общественно-политической газеты «Прибой» (г. Геленджик)) // Научный вестник Южного института менеджмента. 2015. № 4. С. 71–73.

4. «Любые проблемы мужчине по плечу, когда вы рядом»: Андрей Чибис поздравил жительниц региона с 8 марта // Официальный сайт Правительства Мурманской области. URL: <https://gov-murman.ru/info/news/482204/> (дата обращения: 16.03.2023).
5. АВЧ: Telegram-канал Андрея Чибиса. URL: https://t.me/andrey_chibis/1847 (дата обращения 16.03.2023).
6. Глава Удмуртии напек блинов для своих любимых // Деловой квадрат. URL: <https://www.d-kvadrat.ru/novosti/24619> (дата обращения: 16.03.2023).
7. Brechalov: Telegram-канал Александра Бречалова // URL: <https://t.me/brechalov/2216> (дата обращения 16.03.2023).
8. Губернатор Омской области, пользуясь новогодними выходными, встал на лыжи // БК55: сетевое издание. URL: <https://bk55.ru/news/article/212509/> (дата обращения 16.03.2023).
9. Видео от Александра Буркова // Алесандр Бурков: страница в «ВКонтакте». URL: https://vk.com/video680721566_456239322 (дата обращения 16.03.2023).
10. Ситуацию с очисткой крыш на Южном Урале взяли на особый контроль // Жизнь района // URL: <https://zhiznraiona.ru/situaciyu-s-ochistkoj-krysh-na-yuzhnom-urale-vzyali-na-osobuj-kontrol/> (дата обращения: 16.03.2023).
11. Алексей Теслер: Telegram-канал URL: <https://t.me/alexeytexlerofficial/798> (дата обращения 16.03.2023).
12. Толоконникова А. В., Максимова А. В. Пользовательский контент в выпусках новостей на российских телеканалах // Медиаскоп. 2019. Вып. 3. С. 8.
13. Роман Старовойт: Telegram-канал. URL: https://t.me/gubernator_46/2677 (дата обращения: 19.03.2023).
14. ВСУ обстреляли три населенных пункта в Курской области // Газета.ru. 19 марта 2023. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/03/19/20004667.shtml> (дата обращения 19.03.2023).

Об авторе

Баженова Анастасия Романовна – студентка, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина (г. Тамбов, Россия)

О научном руководителе

Серова Светлана Александровна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина (г. Тамбов, Россия), SPIN-код: 5385-8473. E-mail: serova.svetlana@mail.ru

О рецензенте

Видная Ольга Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина (г. Тамбов, Россия), SPIN-код: 5385-8473. E-mail: olga0871@mail.ru

**«ЖЕНСКИЙ ВОПРОС»:
ЖЕНЩИНА КАК АВТОР И ПЕРСОНАЖ ТЕКСТОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА НОВГОРОДСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ «ЛИТЬЕ»)**

Боденчук В. А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: *bodenchuk-vik@yandex.ru*

**"WOMEN'S QUESTION":
WOMAN AS AN AUTHOR AND AS AN CHARACTER OF TEXTS
(BY THE MATERIALS OF MAGAZINE "LIT'YO" NOVGOROD
ASSOCIATION OF PROLETARIAN WRITERS'S)**

Bodenchuk V. A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: *bodenchuk-vik@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуется «женский вопрос» по материалам журнала «Литье» Новгородской ассоциации пролетарских писателей. Представлен анализ женского образа в художественных и публицистических текстах новгородских авторов, а также информация об активной журналистской и творческой деятельности женской части населения губернии. Отмечается большая роль понятий идеологии и класса в создании женского персонажа и политике привлечения слабого пола в сферы печати и словесного искусства.

Ключевые слова: новгородика, «женский вопрос», женский образ, НАПП, пролетарская литература.

Abstract. The article examines the “women’s issue” based on the materials of the journal “Litye” of the Novgorod Association of Proletarian Writers. The article presents an analysis of the female image in artistic and journalistic texts of Novgorod authors, as well as information about the active journalistic and creative activities of the female part of the population of the region. The great role of the concepts of ideology and class in the creation of a female character and the policy of attracting the weaker sex to the spheres of printing and verbal art is noted.

Keywords: novgorodica, “women’s question”, female image, NAPW, proletarian literature.

Решение «женского вопроса» стало одним из аспектов политики молодого советского государства в 1920–1930-е гг. Женщины приобретали права, которыми не могли пользоваться до революции. Благодаря этому для женской части населения, в частности, для работниц и крестьянок, открывались новые возможности.

Рапповцы и уж тем более новгородская ассоциация тоже не могли обойти вниманием «женский вопрос».

До начала функционирования НАПП в начале 1920-х гг. «женским вопросом» в области печати и литературы занимались партийные органы. Так, по материалам издания РКП(б) губисполкома можно увидеть, как планировалось проводить работу по вовлечению женской части населения в рабкоры и селькоры: «...наметить ряд активных работниц и крестьянок, сделав их корреспондентками в местную газету, для чего договориться с редакциями газет и вовлечь их в работу кружков-корреспондентов» [1].

Устраивались губернские конференции, на которые направлялись мужчины и женщины. В населенных пунктах Новгородской губернии создавались литературные группы и кружки. Под покровительством НАПП в Новгороде действовал кружок «Перепутье».

«Перепутьевцы» – начинающие писатели, как писали напповцы в одном из номеров своего журнала «Литье», многие из участников этого кружка, а именно «т. Юстинов, Бродицкая, Вербицкий уже начали печататься в литературной странице газеты «Звезда»» [2].

В «Литье» авторство некоторых текстов трудно определить: вместо обычной подписи можно увидеть псевдоним или криптоним, неизвестно, мужчина или женщина «скрывается» за ними. Обнаружено, что восемь авторов имеют женские имена: Т. Трифонова (4 статьи), Р. Карельская (2 стихотворения), В. Иванова (1 рецензия), В. Завилов (1 рецензия), Н. Сергеева (2 рецензии), Р. Мессер («некролог», статья и рецензия), Бродицкая (см. выше) и Васильева («ответ на статью»).

В общем числе 54 авторов, чьи имена указаны без использования криптонимов, – это 15%.

Васильева, вероятно, одна из читательниц журнала: «жена рабочего М. Н. Васильева» [3]. Она, будучи супругой представителя трудящихся масс, могла интересоваться журналом и прислала письмо, где изложила свое мнение по поводу ранее опубликованной статьи М. Манюкова. Такая читательская активность поддерживалась редакцией, поэтому в журнале можно увидеть тексты читателей «Литья».

Уже упомянутая нами Ю. Бродицкая, оказавшаяся в конце 1920-х гг. «на *перепутье* классовых и творческих дорог», станет известна в дальнейшем, когда выберет писательскую стезю и напишет несколько художественных произведений, в частности, для детского и юношеского чтения (например, «Десятому классу лично», «Сила дружных»).

Обращается к детским книгам и Т. Трифонова, в своих статьях она затрагивает проблему выбора и качества книг для маленьких читателей. Материал, вероятно, в первую очередь, адресован читательницам, у которых есть дети [4; 5]. Отбор художественных произведений осуществляется с точки зрения пользы и «классовости». В другой работе уделяется внимание женскому образу, автор отмечает, что женщина изображалась как второстепенный по сравнению с героем-мужчиной персонаж, «и только с революцией в литературу проникает новая женщина, поднявшая властный голос полноправного борца и строителя» [6].

Наповцы нередко создают в своих текстах женские образы. Женщина предстает чаще всего как положительный персонаж. Героиня чутка и отзывчива, она хорошая жена и мама (это супруга рабочего Глафира в рассказе Вапаева) [7]. Она достойна сочувствия (мать главного персонажа, прачка «с ввалившейся грудью и черным лицом») [8]. Осознавая тяжесть женского сельского труда. лирический герой стихотворения И. Михайлова [9] уверяет свою сестру, что с приходом нового времени улучшится жизнь в деревне. Отрицательная же героиня – это, напротив, плохая жена и хозяйка. Так, в стихотворении С. Михайлова [10] молодая супруга больше заботится о карьере мужа, нежели о семейном уюте.

В рассказе «Головня» [11] женский персонаж появляется в кинокартине, которую смотрит мужчина. Автор сравнивает две схожие и одновременно совершенно разные ситуации: глупый поступок Родионова сравнивается с самоотверженным подвигом девушки из кинокартины. Родионов, не желая довести работу до конца и проявляя халатность, становится виновником пожара казармы. По сюжету фильма тоже случился пожар, но с другим смыслом: «... рядом с маяком мелькнуло белое платье девушки. <...> Если сейчас не дать огня, разобьется пароход, потонут люди. Осталось одно: поджечь дом» [11]. Девушка предотвращает большую беду огромной ценой (и здесь понятна идея: личное в жертву коллективу).

В некоторых произведениях пролетарских писателей женщина является главной героиней. Например, в рассказе С. Дерихина показана история отношений ученого и его жены-фельдшера на фоне Гражданской войны. Девушка упрекает супруга в том, что у него нет «шестого чувства» [12]. Она приравнивает это чувство к другим: зрению, слуху, обонянию; «шестое», гражданское, чувство свойственно лишь разумным существам, да и то далеко не всем: «...пробил час, когда судьбу человечества решает только имеющие это чувство» [12]. Обладают им люди, стоящие по разную сторону баррикад и изменяющие своими действиями современный уклад жизни. Так девушка

отмечает, что «коммунисты имеют это шестое чувство, их явные враги – тоже» [12].

Главный герой, выражающий позицию автора, не мужчина, а девушка. Ведь именно сейчас, в настоящих условиях, изменяются взгляды на положение женщины в обществе. С. Дерихин отмечает: «...единственный раз за два года совместной жизни возразила она ему» [12]. К тому же девушка, в отличие от своего супруга, из «простых»: «...он готовился к получению звания ученого, а она была только фельдшерницей заразного барака» [12].

Главные герои противопоставлены друг другу не только по роду деятельности, статусу, но и по своим именам: «его звали Аполлон Грацианович, ее – Мавра Федотовна» [12]. Казалось бы, они являются оппонентами по точке зрения на происходящие события: интеллигент Перекатов заключает, что его жена «сегодня проснулась большевичкой» и называет ее увлечение «блажью» [12]. На самом деле Перекатов просто старается остаться на плаву при нестабильных условиях революции.

Ему не важно, кто стоит у власти – белогвардейцы или красноармейцы. Героя волнует одно: «...нарушение порядка, которое всегда ставило его в тупик, как сама революция» [12]. И, конечно, в первую очередь, Перекатов беспокоится за себя: «он, будущий профессор, тащит [еду] из последних сил для этих, как их там... комсомольцев... жена снова все раздает своим товарищам по подвалу, что из-за них-то она и сидит, и жизнь его выбита из колеи...» [12]. Действительно, супруга разительно отличается от своего мужа. Именно она разъясняет истинный смысл выражения, вынесенного в заголовок рассказа. Шестое чувство – «классовое» [12]. И Мавра Федотовна, по ее мнению, обладает этим чувством с излишком. Оттого-то в ее глазах «сверкнет огонек» [12], который не понятен Перекатову. Еще раз он увидит его, когда подслушает тайный разговор жены со шпионом Буденного: «загадочный, один раз им виденный огонек осветил их [глаза] изнутри» [12].

Подводя итоги, следует сказать, что решение «женского вопроса» на «культурном фронте» осуществлялось разными способами: активным включением способных корреспонденток и начинающих писательниц в дела печати и литературы, созданием идеального образа современной женщины в художественных и публицистических произведениях. Идеологический, классовый принцип играл в обоих случаях первостепенную роль: авторами и героями становились представительницы рабочего класса и крестьянства. Перед напловцами стояла задача показать идеальную женщину с пролетарской точки зрения, чтобы она стала примером в жизни других женщин. Поэтому в одних текстах женский персонаж выступает верным и мудрым спутником

главных героев-мужчин, строящих новое государство. В иных текстах женщина самостоятельна: героиня борется за свои права, тянется к образованию, интересуется вопросами политики и экономики, развивая в себе «шестое чувство» – классовое сознание.

Поскольку «наповцы консультировали литературные группы в Демянске, Боровичах и других населенных пунктах» [13, с. 22] и проводили работу по увеличению количества рабкоров и селькоров из женской части населения, можно сказать, что минимальную задачу по привлечению женщин в литературу они выполнили. Чтобы оценить, насколько это было успешным в условиях того времени, необходимо новгородскую статистику сопоставить со статистикой в других регионах.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 23-28-01762, <http://rscf.ru/project/23-28-01762/>

Литература и источники

1. [Б.п.] План работы Губкома РКП среди женщин // Красное знамя. 1924. № 2. С. 80.
2. Г-н Е. Учимся литературному мастерству // Литье. 1927. № 1. С. 16.
3. Васильева М. Н. Какие же нужны рисунки // Литье. 1929. № 3–4 (8–9). С. 15.
4. Трифонова Т. Что читать детям // Литье. 1929. № 1. С. 10.
5. Трифонова Т. За пролетарскую детскую литературу // Литье. 1929. № 10. С. 13, 16.
6. Трифонова Т. Женщина в современной литературе // Литье. 1929. № 3–4 (8–9). С. 6.
7. Вапаев. Потомственный почетный пролетарий // Литье. 1929. № 11/1. С. 5–8.
8. Черненко А. Пашка Крюков // Литье. 1927. № 1. С. 5–7.
9. Михайлов И. На голос из глуши // Литье. 1928. № 2. С. 7.
10. Михайлов С. Жена командира // Литье. 1929. № 2 (7). С. 5–8.
11. Ку克林 Г. Головня // Литье. 1929. № 3–4 (8–9). С. 11.
12. Дерихин С. Шестое чувство // Литье. 1929. № 10. С. 1–3.
13. Боденчук В. А., Шадурский В. В. Журнал «Литье» как орган новгородской ассоциации пролетарских писателей // Российские исследования. 2022. Т. 3. № 1–2. С. 13–22.

Об авторе

Боденчук Виктория Александровна – студентка, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия)

О научном руководителе

Шадурский Владимир Вячеславович – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 8263-7010. E-mail: shadvlad@mail.ru

О рецензенте

Бердяева Ольга Сергеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 3358-8283. E-mail: bos4@mail.ru

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ НОВГОРОДСКИХ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ (1816–1831 ГГ.)

Большева М. С.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: *poisk.mihailova2016@yandex.ru*

SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF NOVGOROD MILITARY SETTLEMENTS (1816–1831)

Bolsheva M. S.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: *poisk.mihailova2016@yandex.ru*

Аннотация. Историография вопроса о Новгородских военных поселениях в целом достаточно обширная и разнообразная, представлена работами разных жанров и объемов. Выделяются периоды в историографии: дореволюционный, советский, современный. Источниковая база по вопросу военных поселений включает в себя как опубликованные и так неопубликованные источники (архивные материалы). Целью моей статьи является обзор и систематизация источников и историографии по Новгородским военным поселениям 1816–1831 гг.

Ключевые слова: историография, источник, военные поселения.

Abstract. Historiography on the topic Novgorod military settlements is quite extensive and diverse, it is represented by the works of different genres and volumes. Historiography includes the following periods: pre-revolutionary period, soviet period, modern period. The source base on the issue of military settlements covers both published and unpublished sources (archive recording). The purpose of my article is to review and systematize the archive recording and historiography of Novgorod military settlements (1816–1831).

Keywords: historiography, source, archive recording, military settlements.

Тема, посвященная Новгородским военным поселениям, на данный момент недостаточно изучена. Отдельных фундаментальных монографий, посвященных Новгородским военным поселениям, нет, но есть некоторые работы, посвященные данному вопросу и фрагменты в исследованиях, которые рассматривают военные поселения в целом.

Историография вопроса о военных поселениях в целом достаточно обширная и разнообразная, так как мы можем видеть работы разных жанров и объемов.

Базис для изучения проблематики военных поселений был заложен еще в дореволюционный период. В этот период историография рассматривала как общие вопросы, касающиеся военных поселений так и вопросы, посвященные управлению, хозяйственному функционированию военных поселений. Ценность дореволюционной историографии заключается в том, что авторам были доступны архивные материалы (отчеты, законодательные акты). В историографии этого дореволюционного периода Т. Н. Кандаурова [1] выделяет 3 периода:

1. Начальный период изучения военных поселений 1825–1860 гг. В этот период начинается накопление теоретического материала, фактов, появляются в научной среде отдельные статистические данные.

2. 60–80-е гг. XIX века. В этот период появляются работы М. И. Богдановича, А. Н. Петрова [2], П. Г. Щебальского. Для них характерно появление систематизации, интерпретации архивных документов и прочих тематических источников.

3. 90-е гг. XIX – начало XX века. В этот период появляется несколько новых работ. Историографию о военных поселениях пополняют Н. К. Шильдер, А. А. Кизеветтер [3]. В этих работах мы видим уже обобщения, анализ феномена военных поселений в контексте внутренней политики Александра I.

В дореволюционной историографии изучался вопрос о хозяйственной структуре и управлении военными поселениями. Данный вопрос был проанализирован в работе А. Н. Петрова [2] «Устройство и управление военными поселениями в России». Другой исследователь, А. С. Лыкошин [4], обращает внимание на работу полковых и ротных комитетов.

Дореволюционная историография накопила достаточно обширную базу для дальнейшего изучения вопроса о военных поселениях.

Следующая волна изучения проблемы военных поселений приходится уже на Советский Союз. Здесь появляются работы С. Я. Штрайха, С. Я. Гессена и А. А. Кункля, которые носят научно-популярный характер. Их цель – познакомить народные массы с классовой борьбой в русской армии XIX в. Важно отметить, что уже в этот период появляется попытка оценить феномен военных поселений с точки зрения формационной теории.

В 50-60-е гг. свой след в изучении военных поселенцев оставил В. А. Федоров [5]. В. А. Федоров попытался выделить категории военных поселенцев и обозначить их правовое положение.

Фактический материал, который использовался при изучении военных поселений, в основном заимствован из работ дореволюционных авторов.

В последнее время интерес к военным поселениям возрос в историографии. Анализируются как политические, так и социально-экономические стороны истории поселения войск. Данные работы способствуют дальнейшему созданию обобщенных исследований по вопросу.

Немаловажной проблемой занимался Б. Б. Давыдов [6]. Он собирал и анализировал общественное мнение по вопросу военных поселений. Его работы позволяют выявить отношение современников к феномену военных поселений.

Совсем недавно в свет вышла книга И. В. Хохлова «Между миром и войной» [7]. Очерки истории гарнизонов Новгородской земли, губернии и области XVII–XX в. содержит интереснейшие сведения о разных сторонах жизни военных, служивших в новгородских гарнизонах: муштра, учения, походы, сражения и подвиги, строительство военных зданий и сооружений, казармы, храмы, лазареты, офицерские рестораны, балы, музыкальные вечера, театральные представления, народные гуляния, церковные и государственные праздники, первые лыжные гонки, пробеги автомобилей и перелеты аэропланов, покровительство особ царствующего дома и роль церкви.

На современном этапе вопросом Новгородских военных поселений занимается О. В. Матвеев [8–10]. В работе «Восстание 1831 года в Новгородских военных поселениях» [11] О. В. Матвеев рассматривает основные причины создания военных поселений, их структурное оформление, опыт графа А. А. Аракчеева в с. Грузине, правовое положение военных поселян, бюджет Новгородских военных поселений, комплексно исследует ход восстания 1831 года в Новгородских военных поселениях, в том числе в Старой Руссе.

Получить информацию об истории возникновения идеи о военных поселениях, особенностях построения домов в новгородских поселениях, о планировке самих военных городков, а также об архитекторах, по проектам которых проходило строительство, мы можем получить в историко-архитектурном очерке В. И. Пилявского «Новгородские военные поселения» [12].

Неопубликованными источниками стали архивные дела из Государственного архива Новгородской области (далее ГАНО), отложившиеся, преимущественно, в фонде 581 (Грузинская вотчина графа А. А. Аракчеева, Новгородский уезд Новгородской губернии, 1796 г. – 1834 г.) [13].

Наиболее полными сведениями среди документальных источников располагают материалы законодательного характера. Часть этих документов вошла в Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗ) [14] и Свод

Военных Постановлений [15]. В этих документах можно получить информацию о внутреннем развитии системы поселений, а также экономических и политических тенденциях военных поселений.

Другим видом источников являются отчеты по отрядам, дивизиям и корпусам [16]. Отчеты содержат статистическую информацию об экономических и демографических моментах и охватывают и бытовую сторону жизни поселян: сельскохозяйственные, строительные, промысловые работы. Минусом этих источников является фрагментарность сведений о хозяйственной жизни.

Немаловажным типом источников являются изобразительные источники. К ним относятся карты, планы округов военных поселений, схемы и чертежи зданий и сооружений. Данный тип источников широко используется В. И. Пилявским [12].

Нельзя обойти стороной источники личного происхождения. К данным источникам следует относиться внимательно, обращать внимание на субъективную позицию автора. К источникам личного происхождения относятся опубликованные в 1876 г. воспоминания А. К. Гриббе [17]. Книга А. К. Гриббе «Граф Алексей Андреевич Аракчеев» знакомит нас с личностью А. А. Аракчеева, отношениями его с императором Александром I. Она содержит воспоминания о Новгородских военных поселениях.

Наиболее интересными и ценными являются воспоминания начальника Старорусского отряда военных поселений генерал-майора С. И. Маевского [18]. Данная книга состоит из нескольких частей: «Война и мир» и «Аракчеевщина». В качестве приложения дана переписка графа Аракчеева с генералом Маевским (50 стр.) – это оригинальные исторические документы.

Таким образом, источниковая и историографическая база для изучения темы Новгородских военных поселений достаточно многогранна. Исследователей интересует разнообразный спектр тем: истоки военных поселений на Новгородской земле, хозяйственная жизнь военных поселян, внутренние противоречия данной системы, успехи и неудачи военных поселений. Для современного исследователя важно критически относиться к работам, понимая исторический контекст времени, когда эти исследования вышли в свет, четко разделять факты и идеологический контекст.

Литература и источники

1. Кандаурова Т. Н. Херсонские военные поселения. 1817–1832 гг. (Административно-хозяйственная структура). Автореферат дис... канд. ист. наук. Москва, 1990. 27 с.
2. Петров А. Н. Устройство и управление военными поселениями в России // Граф Аракчеев и военные поселения. Санкт-Петербург. 1871. 308 с.

3. Кизеветтер А. А. Исторические силуэты. Ростов на Дону: Феникс, 1997. 480 с.
4. Лыкошин А. С. Военные поселения // Великая реформа. Т. II. Москва. 1911. 254 с.
5. Федоров В. А. Солдатское движение в годы декабристов. 1816–1825 гг. Москва: Изд-во Моск. ун-та. 1963. 208 с.
6. Давыдов Б. Б. Военные поселения в России первой четверти XIX века в оценке прусского офицера // Вестник архивиста. 2009. № 1. С. 150–154.
7. Хохлов И. В. Между миром и войной. Очерки истории гарнизонов Новгородской земли, губернии и области XVII–XX в. СПб., 2019. 592 с.
8. Матвеев О. В. Восстание 1831 года в Новгородских военных поселениях// Новгородский архивный вестник. № 3. Великий Новгород, 2002. С. 58–70.
9. Матвеев О. В. К вопросу об истоках идеи создания военных поселений на Северо-Западе России // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: тезисы докладов и сообщений научной конференции, Новгород, 15 ноября 1994 г. Новгород: Изд-во НовГУ, 1994. С. 105–108.
10. Матвеев О. В. Правовое положение военных поселян Новгородской губернии // Прошлое Новгорода и новгородской земли: тез. докл. и сообщений науч. конф., Новгород, 12–14 нояб. 1996 г. 1996. С. 119–126.
11. Матвеев О. В. Причины создания системы военных поселений. Поиски формы // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли: материалы шестой науч. конф. историков-архивистов, Великий Новгород, 29–30 мая 2006 г. Великий Новгород: Российское об-во историков-архивистов, 2006. С. 23–29.
12. Пилявский В. Н. Новгородские военные поселения (историко-архитектурный очерк) // Новгородский исторический сборник. Вып. 9. Новгород, 1959. С. 119–154.
13. Государственный архив Новгородской области (ГАО) фонд 581 (Грузинская вотчина графа А. А. Аракчеева, Новгородский уезд Новгородской губернии, 1796 г. – 1834 г.).
14. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое. Санкт-Петербург. 1830. Т. I–XLV.
15. Свод военных постановлений. Санкт-Петербург. Кн. 1–24. 1838–1914. 48 с.
16. Отчет по военным поселениям Старорусского отряда // Новгородский сборник. Вып. 3. Новгород, 1865. С. 137–213.
17. Гриббе А. К. Граф Андрей Алексеевич Аракчеев. URL: http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Arakcheev/26_Gribbe.htm (дата обращения: 28.12.2019).
18. Маевский С. И. Мой век, или История генерала Маевского. 1779–1848. URL: <https://biography.wikireading.ru/280478> (дата обращения: 06.12.2019).

Об авторе

Большева Мария Сергеевна – студентка, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия)

О научном руководителе

Матвеев Олег Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 2817-0476. E-mail: Oleg.Matveev@novsu.ru

О рецензенте

Васильев Ярослав Анатольевич – кандидат исторических наук, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Новгородской группы, Санкт-Петербургский институт истории РАН; доцент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 4212-2187. E-mail: vasilev-yaroslav@yandex.ru, Yaroslav.Vasilev@novsu.ru

**ТЕРМИН *СЛОВО*: ОТ МАКСИМА ГРЕКА
ДО ФЕДОРА БУСЛАЕВА**

Буданова С. О.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: *lana.budanov@mail.ru*

TERM *WORD*: FROM MAXIM GREEK TO FYODOR BUSLAEV

Budanova S. O.

The Herzen State Pedagogical University of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: *lana.budanov@mail.ru*

Аннотация. Исследование посвящено описанию изменения того, как славянские грамматики трактовали термин *слово*. Целью работы стало описание динамики изменения термина *слово* на протяжении XVI–XIX в. с выявлением наиболее сильных влияний. Материалами для исследования послужили грамматические тексты от Максима Грека до Федора Буслаева, а также монография Игнатия Викентьевича Ягича, труд Бориса Андреевича Успенского. Полученные результаты позволяют значительно уточнить важные аспекты формирования отечественной лингвистической терминологии.

Ключевые слова: лингвистическая терминология, слово, речь, предложение, славянские грамматики.

Abstract. The study is devoted to describing the change in how Slavic grammarians interpreted the term *word*. The purpose of the work was to describe the dynamics of the change in the term *word* during the 16th – 19th centuries with the identification of the strongest influences. The materials for the study were grammatical texts from Maxim Grek to Fyodor Buslaev, as well as the monograph of Ignatius Vikentievich Yagich, the work of Boris Andreevich Uspensky. The obtained results make it possible to significantly clarify important aspects of the formation of domestic linguistic terminology.

Keywords: linguistic terminology, word, speech, sentence, Slavic grammarians.

Нижней хронологической рамкой исследования выступают труды Максима Грека (1475–1556), находящегося у истоков церковнославянской грамматической мысли. Термин *слово* Максим трактовал как некоторую общность, объединение восьми частей речи: «имѧ», «рѣ», «прѣсѣиѧ», «члѣнь», «вмѣсто ѡимень», «прѣлѣ», «прѣрѣиѧ», «сѡбѣ» [1, с. 595]. Следовательно, слово может пониматься как речь, но при этом и как синтагма, и как предложение, составленное из предложений: «Ѥ ꙗко гл҃оуѧ изъѡуплѣѧ изъ (сѡ)гласѡуѧмъ,

изъръшajúт' склáды, ѿ склáды речѣнiа, ѿ рече"а добрòсчннѣнаго слóва», «че, ло, вѣкѣ. ѿ трѣх склáды, ѣдинно речѣнiе еже сотвори́ли. Та́коде пáкы речѣнiа чѣтыри изтворѣ́ша слóво. ꙗ́ковѣ что; члѣкъ ѣсть живóтно словѣсно» [1, с. 602]. У Максима Грека еще не было понимания слова как единицы, составляемой из морфем (так как предложение у него составляется из слогов). Он накладывает синтаксические роли на морфологические классы слов, не отделяя «части слова» от уровня синтаксиса. Похоже, что в понятии «части слова» само «слово» понимается либо как «предложение», либо как речь, либо как что-то общее.

В тексте греко-славянской грамматики коллективного авторства «Адельфотес» [2] (1591 год) **СЛОВО** (λόγος) так же, как и в текстах Максима Грека, делится на части (существительное, местоимение, глагол...) и, соответственно, может пониматься как «речь» (по аналогии с современным термином *часть речи*). Оно состоит из предложений (в греческом варианте – термин λέξις): «Речѣнiе ѣсть чáстѣ малáа изчннiтѣльнаго слóва рáздѣлiтѣльнаа. Слóво ѣсть речѣнiи сложенiе, мýсль самосвершѣнъ ꙗ́вляющее.» [2, л. 9]. **СЛОВО** являет «мысль самосвершенную»: считаем вполне обоснованным утверждать, что в рассматриваемом труде оно трактуется как синтагма или предложение.

Лаврентий Зизаний в труде «Граммати́ка словенска съвершеннаго искусства осми частii слова» дал определение и пример «предложения»: «Речѣнiе ѣсть, чáстѣ малáа ѿ слóва в́знимáема. ꙗ́ко, ходитъ» [3, л. 15, об.]. Предложение можно «изымать» из слова, оно обладает лексическим значением и воспроизводимостью. **Слово** представляет собой собрание предложений (того, что обозначает слово в его современном понимании) и выражает «самосвершенную», законченную мысль: «Слóво ѣсть речѣнiи сложенiе. Ѣже ꙗ́вляеть мýсль самосвѣшѣнъ.» [3, л. 16]. Так, предложение является носителем функции, в которой реализуется лексическая единица в слове. Само предложение у Лаврентия Зизания даже ближе к понятию словоформы, которая как раз может функционировать только в системе «слова» – предложения.

Мелетий Смотрицкий (1577–1633 г.) в труде «Грамматика словенская» [4] 1619 года пишет: «Слóзи пронзвóдѣ Речѣнiе» [4, л. 19, об.]. Предложение представляет собой набор из слогов, являясь аналогом современного слова. «Ѣстѣже Слóво, речѣнiи сложенiе, рáзумносвѣшѣнъ ꙗ́вляющее, ꙗ́кѣ, оуповах на

мѣтъ Бѣію» [4, л. 19, об.]. **Слово** складывается из речений, представляет собой особую совершенную, являющую разум, мысль – это понятие современного предложения. Также отметим, что «части слова» у Смотрицкого – это понятие, приближенное к нынешним «частям речи».

Василий Евдокимович Аодуров (1709–1780) в «Грамматике» [5] 1738 года, относимую к «доломоносовскому» [5, 4 с.] периоду отечественной русистики, начал со слов: «Но понежо чловѣческая рѣчь состоитъ изъ разныхъ словъ, которыми другъ другу мысли свои изъясляютъ, а всякое слово содержитъ в себѣ один или несколько слоговъ» [5, с. 93]. Слова у Аодурова состоят «из одного или нескольких» слогов, составляют «человеческую речь», «целую речь», они изъясляют некоторые мысли. Но здесь имеет место смешение двух понятий: «слово» как слоговое образование и «слово» как единица более крупная. Похоже, у автора Грамматики не было понятия-аналога для современного предложения, он в нем не нуждался. Точного термина Аодуров не привел, однако слова, объединенные в речи в смысловые отрезки, можно считать синтагмами. Произошел «слом» понятия о слове.

Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765) в «Грамматике русского языка» [6] 1755 года повторил мысль Смотрицкого: «слово» имеет «осмь частей знаменательныхъ» [6, с. 26]. Здесь он, безусловно, говорит о современной трактовке части речи. Понятие «слово» же приобрело значение, отличное от толкований, приводимых в предыдущих грамматиках. Аналогом современного слова все также выступает предложение, которые «состоятъ 1) изъ двухъ или многихъ складовъ» [6, с. 50], однако теперь предложения складываются в речи, которые следует понимать, как синтагмы или предложения: «Сложеніе знаменательныхъ частей слова, или реченій, производить рѣчи, полной разумъ въ себѣ составляющія, через снесеніе разныхъ понятий» [6, с. 39]. Здесь слово у исследователя понимается как речь человека в целом. На наш взгляд, Ломоносов остался приверженцем греческой грамматической традиции и по каким-то причинам не учел позицию Аодурова. Однако последняя «в значительной степени подготовила почву для появления как грамматики Ломоносова, так и последующих опытов кодификации русской речи» [5, с. 88].

В «Российской грамматике» [7] (1783–1788) Антон Алексеевич Барсов (1730–1791) привел две синонимичные пары понятий. «Речение» и «слово» складываются из слогов и изображают мысль: «Речение или слово есть изображеніе голосомъ, а по тому <и> буквами, одной час<т>ной мысли, состоящее изъ одного или нѣсколькихъ слоговъ» [7, с. 63]. «Предложение» (propositio) было перемещено из области риторики в грамматику. Оно слагается из слов и имеет «совершенный», «полный» смысл. Слова относятся к частям

речи, где речь все же понимается как современное предложение или синтагма (то есть «части слова» были заменены на «части речи»).

В труде Александра Христофоровича Востокова (1781–1864) «Русская грамматика» [8] (1831) трактовки понятий «части речи» и «слово» более не меняются. Автор разграничил «речь» и «предложение»: «Рѣчь есть соединеніе словъ, выражающее мысли вообще. Но когда рѣчь ограничивается выраженіемъ одной мысли, тогда она называется предложеніемъ» [8, с. 193]. Востоков уточнил мысль Барсова, поясняя, что «речь» выражает «мысли вообще», а «предложение» – только одну мысль.

Федор Иванович Буслаев (1818–1897) в своих грамматических трудах (например, «Учебник русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою» [9] (1896) закрепил в терминах понятия «слово», «предложение» и «части речи».

Таким образом, в послеломоносовский период термин «слово» обрел значение лексемы как составной части предложения, и более содержание этого понятия не менялось.

Литература и источники

1. Ягич И. В. Исслѣдованія по русскому языку. Санкт-Петербург: Изд. отд. русского языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, 1885–1895. Т. 1. 1068 с.
2. Адельфотес. Грамматика доброглаголиваго еллино-словенскаго языка. Львов: Типография братства, 1591. 182 л.
3. Зизаний Л. И. Грамматика словенска съвершеннаго искусства осми частіи слова. Вильно, 1596. 96 л.
4. Мелетий Смотрицкий. Грамматики славенския правилное синтагма. Евье, 1619. 252 л.
5. Успенский Б. А. Первая русская грамматика на родном языке: доломоносовский период отечественной русистики. Москва: Наука, 1975. 222 с.
6. Ломоносов М. В. Российская грамматика. Санкт-Петербург: Имп. акад. наук, 1755 г. 212 с.
7. Барсов А. А. Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / подгот. текста и текстол. коммент. М. П. Тоболовой; под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. Москва: Изд-во МГУ, 1981. 776 с.
8. Востоков А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Рос. акад., 1844. 356 с.
9. Буслаев Ф. И. Учебник русской грамматики, сближенной с церковно-славянскою, с приложением образцов грамматического разбора: для сред. учеб. заведений. Москва: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1896. 236 с.

Об авторе

Буданова Светлана Олеговна – магистрант, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия)

О научном руководителе

Ситько Юрий Леонидович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, филиал МГУ в г. Севастополе (г. Севастополь, Россия), SPIN-код: 6582-1213. E-mail: yurii.sitko@gmail.com

О рецензенте

Заика Владимир Иванович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой филологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 9877-5535. E-mail: Vladimir.Zaika@novsu.ru

УПОМИНАНИЕ ТКАНЕЙ В НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТАХ

Бусикова А. С.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: *s244111@std.novsu.ru*

MENTION OF FABRICS IN NOVGORODIAN BIRCHBARK LETTERS

Bysikova A. S.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: *s244111@std.novsu.ru*

Аннотация. В статье рассмотрен корпус новгородских берестяных грамот из раскопок 1951–2021 гг. с целью выявления текстов, содержащих сведения о тканях. Анализ этой информации позволил получить новые данные для изучения использования тканей в повседневной жизни средневекового человека.

Ключевые слова: берестяные грамоты, Новгород, ткани.

Abstract. The article examines the corpus of Novgorod birch bark letters from the excavations of 1951–2021 in order to identify texts containing information about fabrics. The analysis of this information allowed us to obtain new data for the study of the use of fabrics in the daily life of medieval man.

Keywords: birchbark letters, Novgorod, fabrics.

Статья посвящена анализу новгородских берестяных грамот, которые являются важным источником для изучения тканей, поскольку отражают повседневную жизнь человека. В результате анализа берестяных грамот из раскопок 1951–2021 гг. был выявлен 21 документ, содержащий различные сведения о тканях: 18 обнаружены в культурном слое Новгорода, один – в Старой Руссе, один – в Пскове и один – в Торжке.

11 берестяных грамот содержат информацию о таких видах ткани, как холстинка, полотно, зендянь, серь, водмола, сукно, шелк.

Холстинка упоминается в берестяной грамоте № 21 (10-е – нач. 20-х гг. XV в.): «[Если] ...холстинку выткала, то ты ко мне ее пришли» [1, с. 650–651]. В тексте грамоты упоминается слово «уозцинку», которое интерпретируется как холст [2, с. 21–22]. В поздней проработке можно встретить вариант прочтения этого слова как «узчинка» – узкое полотно [1, с. 650–651].

Полотно упоминается в грамоте № 384 (вт. пол. XII в.). В тексте нет прямого указания на слово полотно. Оно выступает как вариант слова «тръкъвище», которое было интерпретировано как «кусоч ткани, полотенце» [3, с. 84–86]. Позже появляется прочтение этого слова как «полотняная ткань или одежда» [1, с. 359]. В грамоте № 500 (20–30-е гг. XIV в.) содержится прямое указание на слово полотно, упоминаемое в форме «польтна» [1, с. 543–544].

Зендянь упоминается в грамоте № 125 (кон. XIV в. – 1400-е гг.), в которой отражена просьба матери к сыну о покупке «зъндянцю добру» [1, с. 657]. Изначально под словом «зъндянцю» подразумевалась хлопчатобумажная ткань [4, с. 59–60], но позже слово «зъндянцю» стали интерпретировать как шелковую ткань [1, с. 657].

Серь упоминается в грамоте № 130 (80-е гг. XIV в. – 1400-е гг.), в которой речь идет о том, что взяли или возьмут в качестве дани или скупки. В тексте грамоты употреблено слово «хърь», которое условно интерпретировано как «серь», а происходит это слово от древненовгородской формы «хър», что означает серый [1, с. 597].

Водмола упоминается в грамоте № 130 (80-е гг. XIV в. – 1400-е гг.) как предмет дани или скупки. Слово заимствовано из нижнемецкого языка и означает «грубую домотканую шерстяную материю» [4, с. 67]. Слово «водмоль» рассматривают вместе со словом «хърь», поскольку считают, что это названия разных сортов одного вида ткани [1, с. 597]. В грамоте № 927 (вторая половина XII в.) упоминается самый ранний вариант слова водмола. Ткань данного вида скорее всего предназначалась для изготовления монашеской одежды [1, с. 481–482].

Сукно упоминается в грамоте № 1114 (первая пол. XII в.): «(заплатите) яченьком 17 лукон за сукна» [5, с. 23–25]. С одной стороны, плата за сукно объясняется как натуральный платеж зерном, который часто встречается при работе с берестяными грамотами. С другой стороны, «лукно жита» представляется как денежная единица, известная за пределами Руси и эквивалентная двум динарам [5, с. 23–25]. В грамоте № 1116 (первая пол. XII в.) сукно не упоминается, но является интерпретированным в результате проработки грамоты с точки зрения особенностей древненовгородского диалекта [5, с. 23–25]. В псковской грамоте № 7 (кон. XIII – нач. XIV в.) речь идет о транспортировке сукна на ладье. В грамоте есть указание на слово сукно: «что еси възле сукна» [6, с. 205–209]. Сукно упоминается в грамоте № 245, в которой речь, вероятно, идет о размерах и стоимости качественной красной ткани [1, с. 275].

Шелк упоминается в берестяной грамоте № 2 из Торжка (сер. 80-х – кон. 90-х гг. XII в.) о продаже шелка. В грамоте слово «паволокоу» интерпретируется как «шелковая ткань» [7, с. 121–122]. В старорусской грамоте № 8 шелк упоминается как элемент украшения полотна [8, с. 149].

Три берестяные грамоты содержат упоминания о цветовой гамме тканей. В грамоте № 245 (вторая пол. XI в.), текст которой изначально не был восстановлен [9, с. 67], упоминается красное сукно хорошего качества. Слово красный является интерпретацией слова «чърьмно», которое означает красный цвет [1, с. 275]. В грамотах № 262 (70–90-е гг. XIV в.) и № 263 (70–90-е гг. XIV в.) упоминаются «портище зелени» и «портище голубени», которые означают одежду зеленого и голубого цветов [9, с. 88–91]. В поздней трактовке «портище» – отрез ткани для пошива одного кафтана [1, с. 609].

Две грамоты содержат сведения об украшении тканей. В старорусской грамоте № 8 (перв. пол. XII в.) упоминается «подъли на звездъке великое жълтое» [8, с. 149]. Речь идет скорее об узорном шелке, так как слово «звездъке» часто использовалось для описания этой ткани. Слово «звездъке» может также означать «узор из звезд на ткани» [1, с. 328]. В новгородской грамоте № 288 (10–30-е гг. XIV в.) представлены цвета шелка, которые, вероятно, использовались для украшения полотна. В грамоте также есть слово «золотнике», которое изначально описано как слово, встреченное впервые [8, с. 117]. В поздней версии «золотнике» выступает как мера веса, которую использовали при работе с дорогими тканями [1, с. 541].

В двух грамотах упоминаются меры длины для тканей. В грамоте № 130 (80-е гг. XIV в. – 1400-е гг.) в качестве единицы измерения сери используется локоть [1, с. 597]. В грамоте № 288 (10–30-е гг. XIV в.) локоть – единица измерения полотна [8, с. 117]. Слово полотно – интерпретация слова «хамъ», которое в позднем разборе грамоты трактовалось как ткач или ткацкое дело [1, с. 541].

В трех грамотах упоминается стоимость тканей. В грамоте № 609 (90-е гг. XII – 10-е гг. XIII в.) представлена цена товаров, среди которых «полотне 2 коуне» [10, с. 117]. В грамоте № 927 (вторая половина XII в.) с помощью куны измеряется стоимость водмолы [1, с. 481–482], а в грамоте № 1057 (вторая половина XII в.) стоимость водмолы представлена гривнами и кунами [11, с. 158].

В трех грамотах упоминается покупка, продажа тканей, отправка в виде посылки. Грамота № 125 (кон. XIV в. – 1400-е гг.) иллюстрирует просьбу матери к сыну о покупке «зъндянцю добру» [1, с. 657]. В грамоте № 2 из Торжка (сер. 80-х – кон. 90-х гг. XII в.) упоминается продажа шелка

[7, с. 121–122]. В грамоте № 1053 (первая половина XIV в.) речь идет о просьбе отца к сыну отправить «полотена» для его сестры [11, с. 153–154].

В трех грамотах ткани упоминаются в описи имущества. В грамотах № 262 (70–90-е гг. XIV в.) и № 263 (70–90-е гг. XIV в.) ткани представлены как «портище зелени» и «портище голубени». В грамоте № 500 (20–30-е гг. XIV в.) представлена подробная опись имущества, которая включает «полътна 2 локти» [1, с. 543–544].

В двух грамотах ткани упоминаются в рамках составления реестров. В грамоте № 130 (80-е гг. XIV в. – 1400-е гг.) представлен реестр натурального оброка, в котором упоминается количество локтей сери, а также водмолы [1, с. 597]. В грамоте № 609 (90-е гг. XII – 10-е гг. XIII в.) представлен реестр доходов и выплат, в котором упоминается «полотне 2 коуне» [1, с. 425].

Таким образом, берестяные грамоты позволяют узнать о видах тканей, их цветовой гамме и украшении. В грамотах представлены меры длины, необходимые для работы с тканями, а также их стоимость. Ткани могли покупать, продавать, отправлять в виде посылки. Ткани упоминаются в списках приданого, описях имущества и различных реестрах.

Литература и источники

1. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 867 с.
2. Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). Т. II. Москва: Изд-во АН СССР, 1954. 92 с.
3. Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). Т. VI. Москва: Наука, 1978. 118 с.
4. Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). Т. III. Москва: Изд-во АН СССР, 1958. 159 с.
5. Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из раскопок 2019 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе. Вопросы языкознания. 2020. № 5. С. 22–37.
6. Зализняк А. А., Колосова И. О., Лабутина И. К. Псковские берестяные грамоты № 6 и 7 // Российская археология. 1993. № 1. с. 205–209.
7. Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). Т. XI. Москва: Русские словари, 2004. 288 с.
8. Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). Т. VII. Москва: Наука, 1978. 192 с.
9. Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). Т. V. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 328 с.
10. Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Т. VIII. Москва: Наука, 1986. 312 с.
11. Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Т. XII. М.: Языки славянской культуры, 2015. 288 с.

Об авторе

Бусикова Анастасия Сергеевна – студентка, лаборант Центра археологических исследований, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия)

О научном руководителе

Торопова Елена Владимировна – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 6061-3693. E-mail: toropova_elena@mail.ru

О рецензенте

Самойлов Кирилл Глебович – научный сотрудник Центра археологических исследований, старший преподаватель кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 5840-6817. E-mail: jevoli@mail.ru, Kirill.Samoylov@novsu.ru

РОССИЙСКАЯ РЕКЛАМА: СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ НОВЫХ МЕДИЙНЫХ РЕАЛИЙ

Быкова М. К.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

(г. Москва, Россия)

E-mail: *mashaplagin31@gmail.com*

RUSSIAN ADVERTISING: BUSINESS BEHAVIOUR STRATEGIES IN THE NEW MEDIA REALITIES

Bykova M. K.

Financial University under the Government of the Russian Federation

(Moscow, Russia)

E-mail: *mashaplagin31@gmail.com*

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению стратегий поведения бизнеса в условиях новых медийных реалий, с которыми столкнулась Россия после февраля 2022 года. Автор проанализировал текущий рынок российской рекламы и рассмотрел то, как компании приспосабливаются к вынужденным условиям и находят решения по выходу из кризиса. Также в статье приведены статистические данные и мнения экспертов, позволяющие более полно сформировать представление о состоянии рынка рекламы в России в 2022–2023 годах.

Ключевые слова: реклама, санкции, интернет-реклама, рекламодатели, рекламные агентства, социальные сети, перестройка рынка.

Abstract. This article considers strategies for business behaviour under the new media realities facing Russia after February 2022. The author has analysed the current Russian advertising market and examined how companies are adapting to the forced conditions and finding solutions to overcome the crisis. The article also includes statistical data and expert opinions to give a more complete picture of the state of the advertising market in Russia in 2022–2023.

Keywords: advertising, sanctions, online advertising, advertisers, advertising agencies, social media, market restructuring.

Российский экономический кризис февраля 2022 года затронул рынок рекламы и маркетинга, из-за чего старые подходы к продвижению бизнеса стали неактуальными. Однако игроки рекламного рынка нашли решения, позволяющие снизить полученные риски и продолжить свое развитие в медиапространстве. Исследование автора статьи направлено на анализ текущей ситуации на рынке российской рекламы и выявление стратегий поведения бизнеса в период трансформации рынка. Благодаря пониманию того, как российские компании реагируют на вынужденные условия, возможно

спрогнозировать дальнейшее положение рынка рекламы в России и оценить его состояние. Методами исследования стали наблюдение, анализ текущей ситуации на рекламном рынке и мониторинг новостной повестки о маркетинге и рекламе в России.

В период кризиса в 2022 году наибольшее падение среди сегментов на рынке рекламы показала реклама в Интернете – ее объем за первые полгода с середины февраля снизился на 34%. В то время как реклама на телевидении уменьшилась лишь на 17%, а на радио – на 3% [1]. Такая большая процентная разница между сокращением рекламы связана преимущественно с тем, что в digital-пространстве большую долю рынка занимают иностранные платформы и зарубежные рекламодатели. А традиционную рекламу в России используют, как правило, отечественные компании. Рассмотрим рынок рекламы в 2022–2023 годах с точки зрения рекламодателей, рекламных агентств и рекламных площадок и сформулируем их стратегии поведения в условиях новых реалий.

По словам вице-президента АКАР, на всех иностранных рекламодателей на российском рынке в 2021 году приходилась примерно четверть всех рекламных бюджетов [2]. Однако переломный 2022 год изменил положение бизнеса на рынке рекламы. 1148 компаний приняли решение следовать стратегии избегания – ухода с российского рынка. Они или полностью приостановили деятельность в России, или ограничили инвестиции и разработки. Однако уход зарубежных компаний стал драйвером роста отечественной рекламы. Исходя из рейтинга крупнейших рекламодателей России 2022 года, практически все иностранные компании заморозили свои активы. А первые места занимает российский бизнес – «Сбер», «Ozon», и «Яндекс». Последний вызывает наибольший интерес для изучения: на момент 2021 года «Яндекс» занимал лишь 16 строчку в рейтинге, а сегодня компании удалось подняться до третьего места в топ-30 крупнейших рекламодателей России [3].

В период турбулентности рекламной отрасли изменилась и структура рынка рекламных агентств. Японский рекламно-коммуникационный холдинг Dentsu занял стратегию приспособления. Руководители компании, принявшие решение уйти с российского рынка, передали права на владение совместным предприятием локальным партнерам [4]. И вскоре Dentsu сменил название на Okkam и продолжил занимать лидирующие позиции. Аналогично поступила французская компания Publicis Groupe. Ее руководители передали российские активы местному топ-менеджеру. И в ближайшее время компания была переименована в ГК «Родная речь». По мнению одного из социологов, во время кризисов усиливаются горизонтальные связи, которые компенсируют рушащиеся рыночные механизмы. Так, в 2022 году многие компании

последовали стратегии сотрудничества. Игроки рынка рекламы заключали новые партнерства, которые в период неустойчивости рынка стали важной формой взаимной поддержки. Так, например, Label Up – сервис для размещения рекламы у блогеров – и продюсерский центр инфлюенсеров Insight People объединились для создания новой экосистемы инфлюенсер-маркетинга. Отмечалось, что «Insight People будет наращивать базу резидентов во всех регионах России, а Label Up займется представлением коммерческих интересов резидентов и продажей рекламных кампаний крупным брендам» [5].

Отдельное внимание следует уделить рекламным площадкам. Многие зарубежные компании покинули российский рынок, из-за чего отечественному бизнесу пришлось молниеносно реагировать на грядущие изменения. Ранее главными платформами для реализации контекстной рекламы были «Яндекс» и Google – конкурирующие между собой компании. Однако после февраля 2022 года Google прекратил продажу рекламы в России. На паузу поставлены контекстная реклама, монетизация и реклама на YouTube, а также партнерская сеть. В связи с этим единственным крупным сервисом для осуществления контекстной рекламы стал «Яндекс». Платформа имеет в своих активах большой спектр инструментов для реализации рекламных кампаний. А именно: рекламную сеть, медийную рекламу, размещение на картах, рекламную подписку и многое другое. Те, кто смог подстроиться под изменения, быстро перешел на платформу «Яндекс». Однако в связи с тем, что эта площадка стала единственной крупной в своей нише, сюда пришел большой трафик рекламодателей. Из-за сильной конкуренции подорожали все ключевые показатели, и стоимость одного показа или клика сильно увеличилась. Стратегия поведения «Яндекса» в период турбулентности сильно отличается от стратегии социальной сети «ВКонтакте». В то время как «Яндекс» не разрабатывает масштабные кампании по улучшению рекламных инструментов и созданию новых возможностей для бизнеса, «ВКонтакте» занимает стратегию полного замещения запрещенной в России социальной сети. Эта площадка постоянно модернизирует инструменты продвижения и разрабатывает меры поддержки для бизнеса. По мнению Т. Л. Каминской, новая реальность в медиапространстве дает возможности создания сообщества, готового перейти на другие платформы [6]. В марте 2022 года ВКонтакте запустил программу для блогеров и определенное время выплачивал 100% дохода от рекламы инфлюенсеру [7]. Эта поддержка комьюнити блогеров была направлена на приток новых пользователей в «ВКонтакте». По данным экспертов, в марте 2022 года соцсеть установила рекорд: 50 миллионов человек ежедневной

аудитории и 75 миллионов пользователей в месяц [8]. Помимо этого, уже в апреле 2022 года «ВКонтакте» анонсировал новый проект – VK реклама. Сервис подразумевает совершенно новую платформу для запуска эффективных рекламных кампаний. Социальная сеть предлагает расширенный спектр инструментов, возможность настраивать таргетированную рекламу вне поля ВКонтакте – в собственной рекламной сети, а именно в сервисах «Одноклассники», Skillbox, Delivery Club и т. д. Разработчики VK рекламы внедрили в функционал сервиса искусственный интеллект. Пользователи площадки могут создавать текстовые и видео креативы при помощи нейросети. А также добавлены расширенная статистика по кампаниям и больше узких интересов для точности попадания в целевую аудиторию. Помимо прочего, «ВКонтакте» разработал площадку для обучения по развитию бизнеса в социальной сети. Благодаря сервису компании могут на бесплатной основе изучать механизмы работы социальной сети. Эксперты «ВКонтакте» подготовили и разместили на платформах видеокурсы и полезные материалы, что помогает бизнесу приспособиться к новой площадке и эффективно задействовать ее как канал привлечения клиентов.

Не случайно в социальную сеть «ВКонтакте» переключались многие бизнес-ниши товарных единиц и продуктов питания. Например, сеть фастфуда Burger King показывает отличные результаты на данной площадке. Сообщество насчитывает более 2 миллионов подписчиков, в то время как аккаунт в запрещенной социальной сети имеет лишь 82,5 тысячи фолловеров. Burger King задействует в своем продвижении разные инструменты, которые предлагает «ВКонтакте». А именно: таргетированную рекламу, вирусный маркетинг, контент-маркетинг, создание клипов и использование чат-ботов при формировании воронки продаж.

Трансформация медиа в 2022 году повлекла за собой перестройку годами выстроенной структуры рынка российской рекламы. Компании реагировали на новые реалии по-разному.

Можно выделить следующие стратегии поведения бизнеса в период изменений на рынке рекламы в России: избегание, приспособление, замещение, объединение/сотрудничество. Большая часть зарубежного бизнеса заняла стратегию избегания – ухода с российского рынка. Однако отток иностранных компаний создал благоприятные условия для развития отечественного бизнеса и комфортный микроклимат для внутренней конкуренции. В связи с уходом зарубежных рекламных площадок наблюдается большой рост российских платформ, таких как «Яндекс» и «ВКонтакте». Они стали достойными площадками в рамках стратегии «импортозамещения». Далеко не все решились

на переход в другие каналы продвижения. Однако по словам аналитиков, компании, которые перенаправили высвободившийся бюджет в другие каналы, сохраняют устойчивость в текущих реалиях, и таким компаниям почти в 1,5 раза чаще удастся занимать стабильную позицию на своем рынке [9].

Литература и источники

1. Рынок интернет-рекламы сократится на 43% к концу 2022 года // New Retail: портал о розничной торговле. URL: https://new-retail.ru/novosti/retail/rynok_internet_reklamy_sokratitsya_na_43_k_kontsu_2022_goda2567/ (дата обращения: 10.02.2023).
2. Объем рынка маркетинговых коммуникаций в 2022 году // Ассоциация коммуникационных агентств России (АКАР): сайт. URL: https://www.akarussia.ru/press_centre/news/id10310 (дата обращения: 10.02.2023).
3. Рейтинг крупнейших рекламодателей России 2022 // Sostav: новости рекламы и маркетинга: сайт. URL: <https://www.sostav.ru/publication/top-30-advertizers-2022-53923.html> (дата обращения: 10.02.2023).
4. Dentsu передаст права на владение российским бизнесом локальным акционерам // Ведомости, 16 марта 2022: сайт. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2022/03/16/913810-dentsu-peredast-prava-na-vladenie-rossiiskim-ofisom> (дата обращения: 10.02.2023).
5. Рекламный бизнес 2022: новое рождение отрасли // Sostav: новости рекламы и маркетинга: сайт. URL: [https://www.sostav.ru/publication/reklamnyj-rynok-2022-ukhod-globalnykh-agentstv-lokalnye-reklamodately-i-markirovka-didzhitel-kreativov-57880.html](https://www.sostav.ru/publication/reklamnyj-rynok-2022-ukhod-globalnykh-agentstv-lokalnye-reklamodатели-i-markirovka-didzhitel-kreativov-57880.html) (дата обращения: 10.02.2023).
6. Каминская Т. Л. Новая российская медиареальность: процессы адаптации // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2022. № 3. С. 109–113.
7. «ВКонтакте» выплатит авторам 600 млн рублей в ближайший месяц // Ведомости, 9 марта 2022: сайт. URL: <https://www.vedomosti.ru/media/articles/2022/03/09/912768-vkontakte-viplatit-avtoram-600-mln> (дата обращения: 10.02.2023).
8. «У нас два рекорда»: как меняется «ВКонтакте» после ухода конкурентов // РБК. Санкт-Петербург и область: сайт. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/06/06/2022/629dc7919a79478fb4a934cc (дата обращения: 10.02.2023).
9. Перестройка рынка интернет-рекламы 2022 – как бренды заменяют ушедшие рекламные площадки // Adindex: сетевое издание. URL: <https://adindex.ru/publication/opinion/digital/2022/10/28/307440.phtml?erid=2VtzqvbyQEс> (дата обращения: 10.02.2023).

Об авторе

Быкова Мария Константиновна – студентка, Финансовый университет при Правительстве РФ (г. Москва, Россия), SPIN-код: 8981-1032

О научном руководителе

Каминская Татьяна Леонидовна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой журналистики, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 5974-1246. E-mail: Tatyana.Kaminskaya@novsu.ru

О рецензенте

Василенко Ирина Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 9452-8499. E-mail: niv05@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В МОЛОДЕЖНЫХ ПРОГРАММАХ НОВГОРОДСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Васюнова А. А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: *anastasiavasyunova@yandex.ru*

REGIONAL IDENTITY IN THE STUDENT PROGRAMS OF THE NOVGOROD TELEVISION

Vasyunova A. A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: *anastasiavasyunova@yandex.ru*

Аннотация. В работе рассматривается роль материалов молодежных телепрограмм, выпускаемых на новгородском телевидении за период с 1992 по 2021, в формировании региональной идентичности, в том числе в период 1990-х годов, называемый исследователями временем «мировоззренческого раскола» в России.

Ключевые слова: региональная идентичность, молодежное телевидение, региональные СМИ.

Abstract. The article examines the role of student television programs produced on Novgorod television for the period from 1992 to 2021 in the formation of regional identity, including in the period of the 1990s, called by researchers as the time of the “ideological split” in Russia.

Keywords: regional identity, student television, regional media.

От терминологии к практике

Тема влияния СМИ на формирование региональной идентичности изучается российскими исследованиями уже третий десяток лет. Тем не менее еще многие аспекты этого явления не рассмотрены в полной мере. В частности, неосвещенным остался вопрос про влияние на формирование региональной идентичности молодежных, в частности студенческий, СМИ.

Для рассмотрения этого аспекта необходимо остановиться на определении понятия. За несколько десятков лет понятие вошло в использование в разных научных сферах – от социологии до экономики. Так, А. А. Алаудинов рассматривает региональную идентичность в качестве сложносоставного общественно-политического феномена и определяет как процесс восприятия индивидами себя вследствие интериоризации и

категоризации соответствующего социального пространства, при этом индивид является носителем преемственности общностей своей территории [1].

Кандидат философских наук Д. С. Докучаев отмечает, что региональная идентичность человека определяется на двух уровнях: «личностном», то есть, «соотнесении «самости» человека с ... интеллектуальными, духовными, эмоциональными и другими явлениями и их материальной средой», а также «социальном», что означает осознание принадлежности к региональному сообществу, «представления о тождественности и целостности которого формируются в рамках социального взаимодействия» [2, с. 9]. Политологи, авторы пособия «Регионоведение России», Ю. Ф. Абрамов и И. И. Арсентьева подчеркивают важность самоопределения с точки зрения региональной идентичности. По их мнению, отождествление себя с регионом дает личности мотивацию [3].

Систематизируя причины и способы формирования региональной идентичности, авторы исследований разрабатывали ее схемы, иначе – модели. Среди наиболее часто используемых – «акторы» и «смыслы». «Актеры», как описывает их Н. А. Левочкина, – те, кто инициирует общественное обсуждение. Это и политики, и городские и областные деятели (губернатор, мэр, министры), и эксперты, и журналисты. Термин «смыслы» используется в ее работах в прямом значении: мысли и чувства, которые «актеры» передают в отношении региональной идентичности и ее осмысления в своих сообщениях; соотношение старого и нового в имидже региона (в случае крупных изменений) [4].

Именно журналист, как один из акторов, инициирует общественное обсуждение в контексте региональной идентичности, формирует, а также доносит «смыслы» до целевой аудитории. Более того, исследователи подчеркивают главенство роли областных СМИ в поддержании региональной идентичности. В. Ю. Литвинов провел исследование в 2020 году, согласно которому участники опроса по-разному оценивают представления, формируемые в их сознании СМИ. Но эти образы несут «скорее положительный характер и указывают в основном на преимущества территорий, не упоминая об их возможных недостатках». Исследование позволило автору сделать вывод о том, что респонденты, опираясь на малый личный опыт, имеют представления о региональном образе, формируемые СМИ [5].

Доцент факультета экономических наук НИУ «ВШЭ» Л. Г. Егорова также пишет о тесной связи между «феноменом идентичности» и медиадискурсом региональных СМИ. Наблюдая за медиаповесткой Крыма, исследователь выделила процессы медиаконструирования крымской идентичности с

привлечением таких тематических направлений, как географическое, историческое, культурное и другое [6].

Все вышесказанное позволяет предположить, что раз молодежные медиапродукты (в том числе, студенческие программы, журналы, газеты и т. д.), являясь частью регионального медиаполя, работают с более узко определенной целевой аудиторией, то их влияние на идентичность можно назвать высоким, но его фокус будет смещен на людей определенного возраста и даже статуса.

В качестве примера рассмотрим одно из крупнейших медиапроизводств молодежного контента в Новгородской области – Творческое Объединение «Университет», которое на данный момент реформатировано в отдел и является частью управления информации и коммуникационной политики НовГУ имени Ярослава Мудрого.

Творческое Объединение «Университет»: идентичность молодежи

С момента своего основания в 1992 году до 2021 года включительно ТО «Университет» ориентировалось на производство контента телевизионного формата. Весь этот период редакция сотрудничала с региональными телевизионными компаниями: «ТВС-Новгород», «Славия», «Новгородское областное телевидение». Иными словами, программы, создаваемые командой университетских журналистов, транслировались на всю Новгородскую область на протяжении почти 30 лет [7].

Создатели контента Творческого Объединения «Университет» не заявляли о прямом влиянии на формирование региональной идентичности у жителей Новгородской области и, в частности, у студентов НовГУ [8]. Тем не менее, рассмотрев историю возникновения и работы творческой редакции, можно выделить факторы, благодаря которым контент Объединения выполнял эту, скорее всего незаметную даже для создателей, функцию.

Во-первых, программы ТО «Университет», как часть университетского медиаполя, выполняло те же задачи, которые первый ректор НовГУ В. В. Сорока возложил на газету ВУЗа «Новгородский университет». После объединения институтов Великого Новгорода в один вуз, печатный орган стал инструментом для коммуникации внутри структуры университета. Кроме того, руководитель вуза реализовывал масштабные планы по привлечению к обучению студентов со всего региона [9].

Во-вторых, функционировать на региональном уровне новое Объединение начало в 1997 году. То есть в кульминацию периода, называемого исследователями временем «мировоззренческого раскола». Как отмечает Е. В. Еремина, именно в это время в новой России как части бывшего СССР,

наиболее остро проявляется кризис идентичности: общество находится в поиске новой национальной идеи, которая соответствовала бы иным социальным и экономическим условиям. При этом этот кризис проявляется на всех уровнях: от страны, до региона и локального поселения [10].

Первую программу, «Логос», создавали в выдуманном жанре «Телевизионного кафе». На первый взгляд, она выполняла исключительно корпоративную задачу – сформировать образ вуза. В студии с тематическими декорациями проводили интервью с ректоратом и преподавателями, говорили о важных для университета темах. Тем не менее еще одним желанием создателей «Логоса» была организация условного пространства для самовыражения и общения молодежи.

Эту же цель подхватят следующие телепрограммы ТО «Университет». Спустя два года взамен «Логоса» в эфир начнет выходить одноименный студенческий канал. Изнутри он делился на несколько передач, выходивших друг за другом. Им дали названия «НУ-ТВ», «Пока молодой» и «Гайд-Парк». При этом каждая передача будет уделять внимание в той или иной мере жизни студентов и молодежи.

Так, «НУ-ТВ» делилась на тематические рубрики, в рамках которых выходили сюжеты на тему конкретного выпуска. «Гайд-Парк» же стал первым телевизионным ток-шоу среди молодежных телепрограмм. Формат позволял высказаться гостям от 12 до 20 лет, которым взрослые не всегда давали эту возможность. Это вызывало ажиотажный интерес среди горожан [7].

Отход от принципов традиционной советской журналистики, создание креативного контента на те темы, которые интересуют молодежь и тот факт, что создателями сюжетов являются студенты, позволил ТО «Университет» сформировать вокруг программ неофициальное и нечетко определенное сообщество.

Молодые люди чаще были целевой аудиторией программ, но не являлись почитателями, то есть «фанатами». Так или иначе многие отождествляли себя с героями передач, с университетом (будучи студентами или преподавателями) и, как следствие, зонами города, где были созданы возможности для молодежи. Что касается конкретных программ, среди которых был прямой последователь «НУ-ТВ» – «Молодой канал», то после закрытия программы даже спустя годы зрители и участники вспоминали периоды своей жизни, напрямую соотнося их с выходом передачи в эфир. Мне как корреспонденту нередко рассказывали об этом за кадром. Многие воспоминания фиксировали другие тематические сюжеты. О тех смыслах, которые программы ТО «Университет» сформировали

у зрителей о жизни вуза и региона, герои рассказывали в материале о 25-летию Объединения [11].

Таким образом, телепередачи ТО «Университет» стали частью необходимой базы, на основе которой формировалась региональная и локальная идентичность молодежи начала двухтысячных. Позднее это влияние стало уходить на спад, выводя на первый план решение корпоративных задач. Тем не менее, значение тех смыслов, которые передачи двухтысячных создали, по сегодняшний день вспоминает немалая часть целевой аудитории.

Литература и источники

1. Алаудинов А. А. Региональная идентичность как основа формирования общенациональной политической идентичности: дис. ... канд. политических наук / Московский гос. ун-т. Москва, 2012. 188 с.
2. Докучаев Д. С. Региональная идентичность российского человека в современных условиях: Автореферат дис. ... канд. филос. наук / Ивановский гос. ун-т. Иваново, 2011. 24 с.
3. Регионоведение России: учебное пособие. Иркутск: ИГУ. 2006. 164 с.
4. Левочкина Н. А. Региональная идентичность: понятие и сущность // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 1–3. С. 446–453.
5. Литвинов В. Ю. Влияние СМИ на региональные образы России в общей картине мира молодежи // Национальный психологический журнал. 2020. № 2 (38). С. 158–169.
6. Егорова Л. Г. Влияние медиадискурса на формирование региональной идентичности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2021. № 1. С. 165–173.
7. Васюнова А. А. Эволюция молодежных программ на региональном новгородском телевидении // Дни науки и инноваций НовГУ: материалы XXIX Всерос. науч. конф. преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ. Великий Новгород, 25 апреля – 13 мая 2022 г.: в 4 ч. / сост. и науч. ред. О. В. Алексеева, Г. В. Волошина; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2022. Ч. 1. С. 43–48.
8. Вчера... завтра: сб., посвящ. 10-летию спец. «Журналистика» в НовГУ / сост.: А. Л. Семенова; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2005. 74 с.
9. Васюнова А. А. «Новгородский университет»: от черно-белому к цветному формату // Дни науки и инноваций НовГУ: материалы XXVIII научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ. В 2-х частях. Часть 1. Сост. и науч. редакторы О. В. Труфанова, Г. В. Волошина. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого. 2021. С. 30–34.
10. Еремина Е. В. Понятие региональной идентичности и специфика ее формирования в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 5. С. 276–287.
11. Михайлов В. М. 25 лет ТО «Университет»: [видео] // «Alma Mater». URL: <https://www.novsu.ru/video/?hash=4246623f0d267df80cef6eda0f09c67d> (дата обращения: 30.03.2023).

Об авторе

Васюнова Анастасия Андреевна – магистрант, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия)

О научном руководителе

Семенова Александра Леонидовна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 2129-7763. E-mail: alsemenova@mail.ru

О рецензенте

Каминская Татьяна Леонидовна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой журналистики, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 5974-1246. E-mail: tlkam1@mail.ru

ПЕРВОЕ ГОРОДСКОЕ ИЗДАНИЕ НОВГОРОДА (1990–1995)

Владиминова А. М.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: *vasilevsckaya.anuta@yandex.ru*

FIRST CITY EDITION OF NOVGOROD (1990–1995)

Vladimirova A. M.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: *vasilevsckaya.anuta@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассмотрена история городской газеты «Новгород» за период с 1990 по 1995 год. Также дана краткая характеристика городских изданий в целом. На начальном этапе своего существования газета «Новгород» претерпела важные изменения как в структуре и оформлении, так и в контенте. Целью данной работы стало их изучение. В заключении представлен вывод о том, как повлияло на газету ее бесплатное распространение.

Ключевые слова: история журналистики, городское издание, газета «Новгород».

Abstract. The article deals with the history of the city newspaper Novgorod for the period from 1990 to 1995. It also gives a brief description of the city's edition. At the initial stage of its existence, the newspaper Novgorod underwent important changes in both structure and design, as well as in content. Thus, the purpose of this paper was to study them. The conclusion is presented on how the free distribution of the city newspaper influenced it.

Keywords: history of journalism, city edition, Novgorod newspaper.

Городские печатные издания не потеряли актуальность и продолжают выходить по сей день, но по сравнению с областными и федеральными, они исследуются намного реже. Это касается и городской еженедельной газеты «Новгород». Поэтому целью данной статьи является более подробный анализ газеты «Новгород» в период ее становления с 1990 по 1995 год.

Говоря о городских изданиях, для начала нужно обозначить, что понимается под этим термином. Как считает А. В. Селиверстов, это «качественное издание, массовое или специализированное, которое распространено в одном городе с единым социально-экономическим устройством» [1, с. 788]. Главные функции городской газеты с точки зрения учредителя – освещение городской повестки и приобщение граждан к проходящим в городе мероприятиям, информирование о событиях местного уровня.

Именно интерес читателей к подобной информации, по мнению А. В. Виннийчук, стал главной предпосылкой появления городских изданий [2]. Система местных газет окончательно была сформирована в 60-е годы XIX века и далее продолжила свое развитие, но не все города могли позволить себе создание и поддержание городской газеты.

В Новгороде первое печатное городское издание появилось только в 1990 году по предложению Городского Совета. По словам создателей городской газеты, она должна была включать в себя поиск и поддержку новых форм в экономике, большой исторический раздел, все многообразие проблем культуры, духовности, нравственности, неспешный, но углубленный и компетентный анализ городских событий, реакцию городского общества на происходящее в стране [3].

Первый номер газеты «Новгород» был подписан 19 октября 1990 года, эта дата считается отправной точкой и указывается в современных номерах. Впервые ознакомиться с новым изданием жители города смогли 30 октября 1990 года. На первой полосе большими буквами прописано название газеты, а слева – изображение Софийского собора. Ниже указаны дата, номер и цена в 15 копеек. После этого следует приветственное слово от редакции. Заглавной публикацией стала статья «Какая власть на дворе?» о неопределенности в период кризиса советской власти. Тираж составил 15 тысяч экземпляров.

Редактором газеты была Светлана Васильева. Под ее руководством 20 ноября 1990 года вышел второй номер. По оформлению он отличался от первого только черно-белым вариантом. Интерес вызывает небольшое объявление на первой полосе, в котором редакция приглашала читателей обсудить номера газеты. Также в этом номере опубликовано интервью с В. В. Сорокой о создании новгородского университета.

Именно в 1990 году наметились основные характеристики газеты «Новгород». Она выходила еженедельно в формате А3 на восьми полосах в черно-белом варианте. Кроме того, стоит отметить стилизованное оформление: название дополнялось изображением Софийского собора, как и номера страниц, а рубрики были оформлены в виде новгородских печаток. Эти примеры можно считать маркерами новгородского культурного кода.

Следующий номер вышел только 4 января 1991 года, тираж уменьшился: к этому моменту составлял 12 500 экземпляров.

В номере от 11 января 1991 года появилось первое рекламное объявление. Главными рубриками были: «Официальная часть» (постановления от Городского Совета), «Вернисаж» (об искусстве), «Кулисы» (о театре). Позже к

ним добавились «Доброжелатель», «Дискуссионный клуб», «Почта Новгорода», «Личное мнение», «Спаси и сохрани» (про экологию), «Русская музыка».

Первая полоса включала: название, дату, номер и цену; содержание и изображение (зачастую сатирического характера), а также пояснение к нему. Основными темами публикаций были решения горсовета, интервью с жителями города, социальные проблемы, споры о переименовании улиц, программы праздничных мероприятий, происшествия и правила поведения в опасных ситуациях, которые были написаны от лица силовых структур.

В № 13 появилась рубрика «Лапша за неделю», в которой публиковались забавные новости от граждан, произошедшие за неделю. На последних полосах – «Кино» и «На любой вкус» (рубрика о рецептах). Много внимания уделялось истории города: публикации в рубриках «Новгород в отечественной истории», «Свидетели веков», «Утрачено навеки». В номере от 27 сентября 1991 года стали публиковаться новости о событиях спорта.

Номер от 4 октября 1991 года вышел на 16 полосах. Важным событием стал выход приложения «Муравьи» для детей с рассказами, конкурсами и советами. С этого момента газета поочередно выходила на 8 и 16 полосах. Из номера в номер публиковался список реабилитированных жителей Новгородской области, которые были осуждены и расстреляны в период с 1937 по 1938 год в Ленинграде, в мартирологе «Левашовская пустошь». Добавились рубрики «Кто есть кто», «Из первых рук», «Печальная хроника», «Рецепты здоровья», «Гости города», «Новые назначения», «Наши за границей».

К 1992 году тираж вернулся к отметке в 15 тысяч экземпляров, а позже увеличился до 19 тысяч. Не изменив тематику, газета повысила цену. Номер на 8 полос стоил 30 копеек, на 16 полос – 60 копеек. Развлекательный контент дополнился кроссвордом, рубрикой «Клуб знакомств» и комиксом под авторством Александра Чатулова. Но стоит отметить, что по сравнению с ранними номерами сатирической составляющей стало меньше.

Значимой датой для газеты стало 10 июля 1992 года. Именно в этот день в шапке номера вместо цены появилась следующая запись: «В городе Новгороде газета распространяется бесплатно. За пределами города цена договорная» [3]. Такое решение было связано со спадом интереса со стороны читателей. Редакции было трудно привлечь внимание аудитории из-за наличия других изданий, к которым уже все привыкли и которые во многом были более оперативными и качественными. Поэтому было решено сделать газету бесплатной только для жителей города и распространять ее по почтовым ящикам, чтобы каждую неделю горожане получали новый номер. Для

возмещения финансовых потерь из-за отмены подписки редакция стала активнее сотрудничать с рекламодателями, которых привлекал увеличившийся до 77 тысяч тираж. Появились рекламные блоки, которые в последующих номерах занимали одну или две полосы. Реклама публиковалась самая разная – от банковских предложений и инвестиций до продажи стройматериалов. Были и сомнительные объявления касательно игорных заведений или встреч с представителями американских христианских организаций.

В 1993 году тематика газеты мало изменилась. Увеличился тираж до 85 тысяч экземпляров к концу года. На страницах «Новгорода» продолжали выходить официальные материалы, статьи об истории города и социальных проблемах. Последние полосы отводились для ТВ-программы и рекламы. Но стоит отметить, что рекламные вставки появлялись и в начале издания. Публиковались также рекламные статьи. Одной из них можно считать интервью с основателем финансовой пирамиды АО «МММ» Сергеем Мавроди в ноябрьском № 48. С точки зрения современности подобная реклама также относится к сомнительной.

Начались изменения в оформлении. Осенью 1993 года стилизованные рубрики в виде новгородских печаток стали исчезать со страниц газеты. Даже их названия стали нейтральными: «Выборы», «Происшествия», «Кстати» и другие. Они помещались над материалом и выделялись курсивом без добавления других визуальных элементов. Стало больше линий и рамок для отделения публикаций. Возможно, такие изменения были связаны со сменой учредителя в декабре 1993 года, которым стала городская Управа и журналистский коллектив, а позже в мае 1994 года – городская Администрация и журналистский коллектив.

Тенденция увеличения рекламы продолжилась и в 1994 году. Объявления занимали уже 4 полосы, а некоторые из них были разбросаны по всему номеру. Из-за этого официальный и неофициальный контент смешивается с рекламным, что создает чувство перегруженности и несерьезности публикуемого. Оформление к концу года стало более упрощенным и удаленным от новгородского культурного кода. В декабрьском № 49 номера страниц были оформлены без использования визуального образа Софийского собора. Сатирическая составляющая все же осталась в виде карикатур к публикациям и заголовкам по типу «Ехали-ехали да не доехали».

В апреле 1995 года главным редактором газеты «Новгород» стал Виктор Крутиков. С его приходом продолжились эксперименты с оформлением, которые привели к полному редизайну газеты. В № 36 от 7 сентября 1995 года изменился шрифт названия (без засечек) и исчезло изображение Софийского

собора. Реже печатались фотографии на первых полосах. Газета стала структурированной и нейтральной по сравнению с предыдущими версиями.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. В начале своего пути городская газета «Новгород» была локальной и содержала в себе много маркеров, отсылающих к культуре и истории Новгорода. На страницах издания было больше дискуссий вокруг социально значимых проблем, взаимодействия с читателями и сатирических публикаций, в том числе и карикатур. После изменений в ценовой политике газета стала не только бесплатной, но и массовой, из-за чего постепенно начала терять свою индивидуальность. Увеличилось количество рекламных материалов, в том числе сомнительного характера, и объявлений, которые занимали до четырех полос, что влияло на общее восприятие газеты. Но в 1995 году оформление изменилось, стало нейтральным и более структурированным благодаря добавлению линий и рамок.

Меньше всего изменения затронули контент. На протяжении всего периода газета «Новгород» исполняла возложенную на нее миссию и публиковала официальные новости от лица городской власти. В неофициальной части преобладали исторические статьи и заметки, афиши культурных мероприятий, интервью с известными жителями города и гостями, реклама. Поэтому можно сказать, что газета в этот период играла роль рупора для городской власти, роль информатора для жителей города и роль рекламной площадки для новгородских рекламодателей.

Литература и источники

1. Селиверстов А. В. Роль городской газеты в интеграции населения // Стратегические коммуникации в современном мире: сборник материалов по результатам научно-практических конференций Пятой и Шестой Международных научно-практических конференций, Четвертой и Пятой всероссийских научно-практических конференций, Саратов, 23 октября 2017 года – 18 апреля 2018 года. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2018. С. 788–793.

2. Винныйчук А. В. Возникновение и становление городских газет в России: середина XIX – начало XX века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № 14. С. 79–84.

3. История новгородских газет и журналов: взгляд из XXI века: сборник статей студентов и аспирантов. Вып. 2. / сост. А. Л. Семенова; под ред. Б. Н. Ковалева и Е. В. Лигус; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород. 2012. 207 с.

Об авторе

Владимирова Анна Максимовна – магистрант, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия)

О научном руководителе

Семенова Александра Леонидовна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 2129-7763. E-mail: alsemenova@mail.ru

О рецензенте

Каминская Татьяна Леонидовна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой журналистики, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 5974-1246. E-mail: tlkam1@mail.ru

**ИЗУЧЕНИЕ РАННЕСОВЕТСКОГО ПРАЗДНИКА КАК ИНСТРУМЕНТА
ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В 1920–1930-Е ГГ.:
ИСТОРИОГРАФИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Высоцкий А. А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: *s250121@std.novsu.ru*

**STUDY OF EARLY SOVIET FESTIVAL AS A TOOL
FOR THE POLITICS OF MEMORY IN 1920–1930-S:
HISTORIOGRAPHY & PROSPECTS OF EXPLORATION**

Vysotsky A. A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: *s250121@std.novsu.ru*

Аннотация. В статье осуществлен анализ историографии раннесоветского праздника как инструмента политики памяти и отмечены перспективы исследования этого феномена в рамках memory studies.

Ключевые слова: раннесоветский праздник, политика памяти, историография, перспективы.

Abstract. The article analyzes historiography of early soviet party as a tool for the politics memory and describes the prospects of exploration of this phenomenon from the point of view of memory studies.

Keywords: early soviet party, politics of memory, historiography, prospects.

Феномен праздника является объектом исследования все большего количества гуманитарных и социологических наук. Он рассматривается и через призму memory studies (изучение памяти) – нового направления в исторической науке со складывающимся понятийным аппаратом, методологией и признанными предметами анализа [1]. В частности, праздник рассматривается как инструмент политики памяти, цель которой – рост влияния государства на коммеморативную сферу культуры. Политика памяти также выражена в мобилизации памяти, создании мифов, изменении национальных символов и др. [2, с. 13–14].

Миф – продукт культурного кризиса и столкновения культур [3, с. 429]. Большевики в 1920–1930-е гг. создавали новые мифы и инфраструктуру коллективной памяти при помощи коммеморативных практик: открытия

монументов, проведения праздников, изменения топонимии пространств и т. д. [4, с. 146; 5]. С целью создания культурной идентичности власть конструировала новый исторический нарратив посредством различных практик [6]. Одним из инструментов конструирования памяти были праздничные церемонии. Настоящая статья посвящена историографии изучения феномена раннесоветского праздника как инструмента политики памяти, выявлению основных подходов и перспектив исследований в рамках *memory studies*, в том числе культурной памяти и политики памяти, разграничение которых имеет методологическую нечеткость [4, с. 4–5].

В России *memory studies* стали переживать бурное развитие с начала 2000-х гг. [7], когда появились первые труды, рассматривавшие раннесоветский праздник как инструмент политики памяти. И. В. Нарский обращался к этому вопросу в рамках немецкой методологии «истории повседневности» при помощи анализа обычной жизни «маленького» человека и стратегий его выживания [8]. Германская историография видит в празднике «оппозицию» будням [9]. И. Нарский раскрывает раннесоветский праздник как инструмент политики памяти через инструментарий культуролога Я. Ассмана, в исследованиях которого центральное место занимает понятие «культурной памяти». Согласно его концепции, праздник является формой передачи и воскрешения культурного смысла [10, с. 20]. Следуя положениям Я. Ассмана, И. Нарский рассмотрел раннесоветские праздники 1917–1922 гг. в региональном измерении политики памяти Урала. По его мнению, новая власть использовала праздничную коммуникацию как средство самоутверждения и доказательства легитимности, о чем говорит четкая регламентация. Автор рассматривает раннесоветские торжества как «дни скорби», как «расправу с живыми» врагами, как «фильтр» памяти, осуществлявшиеся в целях закрепления культурной памяти. Историк обозначил широту популяризации новых советских праздников и роль обрядов в формировании культурной памяти безграмотного населения – повторение обрядов обеспечивает идентичность бесписьменного общества («обрядовая когерентность») [3, с. 429–441; 10, с. 59–60]. Ученый приходит к выводам, что «упорядоченный и полный смысла» раннесоветский праздник противопоставлялся властью и населением «беспорядочным и бессмысленным будням» [11]. Проведение частых праздников в 1917–1922 гг. как средства легитимации нового режима привело к признанию населением большевистских культурных ориентиров и интерпретационных стереотипов [3, с. 439–442].

Несколько иной подход к анализу праздничных мероприятий предложила С. Ю. Малышева, рассматривая их как значимый элемент социального

конструирования новой реальности на примере праздничной культуры Казани. Историк подчеркивает особенности символических аспектов праздничного пространства, трансляции и закреплении их в культурной памяти через призму представлений о времени и пространстве в системе советских исторических мифов [12]. Главное достижение исследования – рассмотрение советской политики памяти в контексте разных конфессиональных культур – русских и мусульман: «Трудящиеся каждого предприятия и организации должны были коллективно решать, праздники какой группы они будут праздновать». Специалист приходит к выводу, что раннесоветские праздники стали единственной межобщинной формой коммеморации, с начала 1930-х гг. они стали «своими» среди населения и «особенно» отмечались [13, с. 207–233; 14].

По мере развития направления *memory studies* появляются труды, цель которых – изучение всей коммеморативной сферы региона (праздники, музеи, топонимы). Яркий пример – книга Е. И. Красильниковой, в которой историк рассмотрела динамику коммемораций на протяжении межвоенного периода в городах Западной Сибири (1919–1941 гг.). Автор обращает свое внимание на праздники Октябрьской революции, юбилеи Первой русской революции, годовщины событий Гражданской войны. Историк делает общий вывод о динамике праздничной культуры региона: к середине 1920-х гг. репрезентация коллективной памяти в торжествах унифицировалась, в 1930-е гг. смысловое значение праздника стало доминантным, т. к. власть подавляла другие версии памяти об этих событиях [2, с. 257–303]. Исследование Е. Красильниковой внесло значимый вклад в изучение советской политики памяти, она впервые рассмотрела динамику изменений основных видов коммемораций региона во времени [15].

Американец Ф. Корни в рамках культурно-исторического подхода обратился к проблеме сакрализации Октябрьской революции в официальном дискурсе, форм и способов формирования в коллективной памяти четкой версии революционных событий («групповая динамика артикуляции памяти») [16, р. 216]. Историк, затронув вопрос о каналах трансляции «официальной» памяти, рассмотрел репрезентацию Октября в рамках праздников 1917–1920-х гг. Ф. Корни приходит к выводу о том, что непредсказуемость праздника как формы коммеморации привело к институционализации памяти об Октябре, в частности к созданию органа истпарта [16, р. 93].

Таким образом, в силу различия исследовательских подходов и теоретических инструментариев, раннесоветский праздник как инструмент политики памяти раскрывается по-разному: как «оппозиция» повседневности, как элемент социального конструирования новой реальности, через динамику

коммемораций, как форма сакрализации государствообразующего мифа. Невзирая на подобную диверсификацию, все вышеназванные авторы смогли раскрыть коммеморативную сущность праздничного торжества.

Важно отметить дальнейшие перспективы изучения раннесоветского праздника как инструмента политики памяти. Несмотря на бурный рост исследований в области *memory studies*, тема советской политики памяти 1920–1930-х гг. является малоизученной, что обусловлено скептицизмом к «модному» направлению и развитием исследований о современном состоянии памяти. Имеющиеся подходы в области изучения политики памяти не являются исчерпывающими. В частности, раннесоветский праздник может рассматриваться в рамках культуры воспоминаний. В отличие от памяти, воспоминания более динамичны, разнообразны и вариативны – подобный инструментарий представляется плодотворным для изучения раннесоветского праздника в контексте слома эпох и строительства новой культурной идентичности. Праздник как аспект материального измерения культуры воспоминаний может быть проанализирован в связи с социальным уровнем (акторы и институты) и ментальными позициями (образы прошлого). Подобный подход, предложенный А. Эррл, применяла Е. И. Махотина, рассматривавшая память о Второй мировой войне в ЛССР и современной Литве [17, с. 10–11]. Также значимо изучение церемониальной коммуникации в рамках регионов, которое позволит выявить локальные черты политики памяти и памяти местного населения – локальной идентичности.

Литература и источники

1. Сафронова Ю. А. Третья волна *memory studies*: двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С. 12–27.
2. Красильникова Е. И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.): монография. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. 570 с.
3. Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. Москва: РОССПЭН, 2001. 613 с.
4. Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. научн. тр. / отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. 223 с.
5. Исапилова З. А. Роль коммеморативных практик в процессе функционирования и развития исторической памяти // Манускрипт. 2016. № 2 (64). С. 70–73.
6. Лейбович О. Л. «Теперь не время помнить...» Большевизация исторической памяти в 1920–1930-е годы // Техногос. 2019. № 3. С. 38–46.
7. Нечаева А. А. Становление *memory studies* как отдельной области знания: основные вопросы и понятия // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. №4 (60). С. 121–129.
8. Гыйдел Э. Рецензия на: И. В. Нарский. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. // *Ab Imperio*. 2007. № 2: С. 481–485.

9. Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к российской философской школе // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2014. № 1. С. 7–21.
10. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
11. Нарский И. В. Конструирование мифа о гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917–1922 гг. // Ab Imperio. 2004. № 2. С. 211–236.
12. Карпова Г. Г., Малышева С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань: Рутен, 2005. 400 с. The Journal of Social Policy Studies. 5(4). 2010. С. 566–569.
13. Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Повседневная жизнь советского провинциального города: казус Казани: учеб. пособие Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 282 с.
14. Малышева С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005. 400 с.
15. Апанасенок А. В. Красильникова Е. И. Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. 572 с. // Провинциальные научные записки. 2017. № 2 (6). С. 72–73.
16. Corney F. C. Telling October: Memory and the making of the Bolshevik revolution. Ithaca: Cornell univ. press, 2004. 320 p.
17. Махотина Е. И. Преломление памяти: Вторая мировая война в мемориальной культуре современной и постсоветской Литвы. Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. 218 с.

Об авторе

Высоцкий Алексей Андреевич – студент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия)

О научном руководителе

Самойлова Ирина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 2103-8971. E-mail: Irina.Samoylova@novsu.ru

О рецензенте

Борисевич Даниил Андреевич – старший научный сотрудник отдела по научно-информационной работе и переводу документов на открытое хранение, ГОКУ Государственный архив новейшей истории Новгородской области; ассистент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 7049-8297. E-mail: danya_novsu@mail.ru

**К ВОПРОСУ ОБ ИДЕЙНЫХ ОСНОВАХ РАБОТЫ
КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ С НАСЕЛЕНИЕМ ОККУПИРОВАННЫХ
СОВЕТСКИХ ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ
СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА П. И. МАНОВСКОГО)**

Герасимов И. А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: *gerasimovivan04042001@mail.ru*

**ON THE QUESTION OF THE IDEA BASIS OF THE WORK
OF COLLABORATIONISTS WITH THE POPULATION
OF THE OCCUPIED SOVIET TERRITORIES (ON THE EXAMPLE OF THE
MATERIALS OF THE INVESTIGATION CASE OF P. I. MANOVSKY»**

Gerasimov I. A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: *gerasimovivan04042001@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрен кейс-случай, в котором раскрываются уникальные мысли и методы борьбы с СССР. Проведен обзор отечественных и зарубежных исследований для определения внутренних мотивов с позиции нонконформизма. Выявлены черты нонконформизма в поведении. Определены мотивы поведения и методы формирования квазикультуры. Этот кейс-случай позволил через нонконформизм проследить внутренние очертания коллаборационизма.

Ключевые слова: коллаборационизм, конформизм, нонконформизм.

Abstract. The article considers a case, which reveals unique thoughts and methods of fighting the soviet regime and customs. A review of domestic and foreign studies was carried out to determine internal motives from the standpoint of nonconformism. The features of nonconformism in behavior are revealed. The motives of behavior and methods of forming a quasi-culture are determined. This case presents the inner outlines of collaborationism through nonconformism.

Keywords: collaboration, conformism, nonconformism.

Изучение Второй мировой войны носит разносторонний характер. Советская историография, обращая внимание на военные события, скрупулезно изучала военные действия, их цели, итоги и последствия, а также партизанское движение [1]. Выводы данных исследований имели сугубо политический и идеологический оттенки. Поэтому вопрос изучения повседневности человека в период войны ускользал из поля зрения исследователей.

В XX в. в исторической науке произошел «антропологический поворот», объектом изучения становится человек. В его рамках современная отечественная историография продолжает предлагать новые подходы к изучению Великой Отечественной войны, подбирает сюжеты, связанные с изучением мыслей, чувств и поведения человека, оказавшегося в экстремальной ситуации.

В 1990-е гг. исследователи проявляют интерес к организации жизни мирного населения на оккупированных территориях. Одной из важных тем стало изучение коллаборационизма. М. И. Семиряга определяет виды коллаборационизма (бытовой, экономический, административный, военно-политический) [2, с. 5–10]. Б. Н. Ковалев также выделяет виды коллаборационизма (идеологический, интеллектуальный, духовный, национальный, детский, половой) [3, с. 7–15]. Оба исследователя определяют «сотрудничество» с оккупационным режимом как не наносящее вред Родине поведение для выживания. Изучение поведения сотрудничества населения в условиях оккупации требует историко-психологического анализа [4].

Изучим мотивы сотрудничества с оккупационными властями начальника немецкого районного управления пос. Волота П. И. Мановского с помощью методов исторической психологии. Также рассмотрим наполнение «внутренней культуры» «предательского» сегмента и формирование антисоветской «квазикультуры» при помощи методов изучения конформизма.

Конформизм – это лояльное следование групповым нормам. О конформизме пишет С. В. Яров [5, с. 5–8]. Автор пытается изучить конформизм через язык и стереотипы в новом советском режиме. В статье Ю. А. Соколова конформизм выделяется высокой активностью посредством привилегий, политической пропаганды и политических мифов [6].

В труде А. В. Озеровой [7] рассматривают виды конформизма – внутренний и внешний. Первый состоит в полном принятии поведения и идей группы с внутренним осознанием, а второй – в согласии с группой, но с сохранением своих убеждений. Автор упомянул и термин «нонконформизм» – полное отрицание и сопротивление группе.

В диссертации Д. К. Андрамонова [8, с. 18–124] нонконформизм как феномен и тип социального поведения структурирован двумя принципами: отрицание доминирующей ценностной системы и утверждение ее альтернативы. В условиях нонконформизма человек может создавать альтернативы действующему режиму. В нашей работе мы попробуем выявить признаки нонконформизма к официальной советской культуре у П. И. Мановского.

В диссертации Н. А. Власова [9, с. 54–63] культура рассматривается как один из факторов, формирующих конформизм через ценности. В нашем случае мы будем говорить о столкновении двух культур – советской и коллаборационизма.

Обратимся к биографии П. И. Мановского. Он родился в 1888 г. и проживал в поселке Волот. Рассматривался как неблагонадежный элемент. Во время оккупации был начальником районного управления и резидентом тайной полевой полиции, помогающим в розыске и казни подпольщиков. К концу войны сбежал в Чехословакию, дальнейшая его судьба неизвестна [10].

Для выявления мотивов его поведения рассмотрим протокол допроса свидетеля Кишкина В. А от 28 марта 1946 года [11], с которым П. И. Мановский часто вел разговоры. Был задан вопрос: «В период вашей работы при Волотовском районном управлении у вас бывали с Мановским П. И. беседы на политические темы?» Такие разговоры были, обсуждались военные действия между СССР и Германией.

О перспективах развития России после поражения П. И. Мановский говорил, что она должна распустить колхозы и передать землю единоличникам, т. к. это рентабельнее. Здесь можно говорить о нонконформизме, т. к. Мановский отказывается от доминирующей системы (колхозов) и предлагает альтернативу – создание единоличных хозяйств и новой политической системы.

П. И. Мановский, представляя новую политическую систему, высказывался за создание русской, крестьянской, национальной партии, которая должна стать руководящим центром и возглавить правительство, состоящее из зажиточных крестьян. По его мнению, Россия – абсолютно крестьянская страна. Крестьяне должны быть хозяевами страны. «Если будет хлеб, то рабочий в городе будет сыт и даст крестьянам мануфактуру и необходимый инвентарь» [11]. В условиях своего нонконформизма он предлагает политическую альтернативу действующему режиму СССР. Он соглашался и одобрял идею взаимосвязи с движением генерала Власова – национальное русское правительство может существовать только при опоре на сильную армию – РОА. П. И. Мановский поддерживал и привлечение в русское национальное правительство антисоветской интеллигенции.

Проследим условия формирования таких взглядов. В документе [10] говорилось, что П. И. Мановский по социальному происхождению – зажиточный, кандидат в ВКП(б), обвиняемый в кулачестве и «офицерстве». Возможно, его мысли схожи по взглядам с кулаками. В работе Ш. Фицпатрик [12, с. 39–44] упоминается, что кулак считался социально-опасным элементом.

Кулаки были лишены избирательных прав, обложены высокими налогами и подвергались дискриминации. В высказываниях П. И. Мановского упоминалось о главенствующей роли зажиточных крестьян в политической системе. Это и дает возможность говорить о нонконформизме по отношению советской идеологии. Вероятно, у П. И. Мановского присутствовала озлобленность, вызванная коллективизацией и «решением» кулацкого вопроса.

Создание новой политической культуры, новых ценностей, П. И. Мановский видел через агитацию и праздники. Под его руководством проходила антисоветская агитация учителей, призывая вести уроки в антикоммунистическом духе, уделять особое внимание закону Божия. Он подталкивал подчиненную ему школу к формированию нового пути воспитания детей, а значит и созданию новых ценностей, формирующих новую культуру.

П. И. Мановский также обращал внимание на внедрение новых праздников для местных жителей и трансформации советских под нужды немцев. 1 мая 1943 года в пос. Волоте был организован митинг и приглашены местные жители. В. А. Кишкин после своего антисоветского выступления сказал следующее: «Впервые праздник первого мая мы празднуем свободно» [11] и поздравил с новым праздником. Таким методом до войны пользовалась советская власть для формирования нужных настроений у крестьян – «День Интернационала», «день Пионерии» и т. д. В труде М. Рольфа [13, с. 251–258] говорилось, что цель создания новых праздников – формирование нового поведения, мышления людей для легитимизации советской власти. Таким образом, Мановский тоже пытался через трансформацию советских праздников активировать у местных жителей конформизм, чтобы создать сплоченный, с едиными ценностями коллектив для борьбы с СССР.

Итак, конформизм формируется через язык и стереотипы, привилегии и политическую пропаганду; конформизм имеет два вида: внутренний и внешний, противоположностью ему является нонконформизм; нонконформизм формируется в условиях господствующего политического режима или идеологии, в результате будет стремление создать политическую альтернативу; у конформизма есть основной фактор – это культура.

Таким образом, можно сказать, что у П. И. Мановского присутствовал нонконформизм – отказ от главной ценностно-нормативной системы (политического режима СССР) и предложение своей альтернативы – создание нового политического режима: отмена колхозов и передача всей земли зажиточным, организация вместо ВКП(б) русской национальной партии и русского правительства, которые должны состоять из русских зажиточных

крестьян. Возможная причина таких мыслей – внутренняя озлобленность на коллективизацию и «решение» кулацкого вопроса.

Для реализации своего политического режима П. И. Мановский пытался создать квазикультуру через антисоветскую агитацию в школах. Именно такой подход привел бы к созданию новых ценностей и новой культуры у подрастающего поколения. Также он применил метод формирования квазикультуры – трансформацию советских праздников.

Таким образом, можно сказать, что методологическое изучение конформизма позволило через мысли и поведение П. И. Мановского установить его внутренние мотивы, оказывающие дальнейшее воздействие на формирование коллаборационизма.

Литература и источники

1. История второй мировой войны 1939–1945 гг. в 12 томах. Москва: Воениздат, 1973–1982.
2. Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявление в годы Второй мировой войны. Москва: РОССПЭН, 2000. 862 с.
3. Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. 371 с.
4. Gaft B. Red collaborationism: myth or reality. Collaborationism and alliance affiliation in World War II // Proceedings of the 61 st International Scientific Conference of Daugavpils University. Daugavpils: Daugavpils Universitāte, 2019. P. 6–13.
5. Яров, С. В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х. Санкт-Петербург: Европейский дом, 2006. 569 с.
6. Соколов Ю. А. Конформистское восприятие партийно-государственной пропаганды крестьянством Европейского Севера России в годы Гражданской войны // Ярославский педагогический вестник. История. 2012. № 3. С. 27–30.
7. Озерова А. В. Конформизм и конформность как социально-психологические категории // Территория науки. 2017. № 1. С. 68–74.
8. Андрамонов Д. К. Конформизм и неконформизм в обществе постмодерна: дис. ... канд. филос. наук / Самарский филиал Московского городского педагогического ун-та». Москва, 2016. 164 с.
9. Власов Н. А. Социально-психологические детерминанты внушаемости в средней группе: дис. ... канд. психол. наук / Ярославский гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2017. 187 с.
10. Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Новгородской области (АУФСБНО). Д. 60. Л. 1–3. (Сотрудниками АУФСБНО рекомендован данный формат ссылки.)
11. АУФСБНО. Д. 1а/15040. Л. 16–19.
12. Фицпатрик Ш. Сталинические крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. Москва: РОССПЭН, 2001. 422 с.
13. Рольф М. Советские массовые праздники. Москва: РОССПЭН, 2009. 439 с.

Об авторе

Герасимов Иван Алексеевич – студент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия)

О научном руководителе

Самойлова Ирина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 2103-8971. E-mail: Irina.Samoylova@novsu.ru

О рецензенте

Васильев Ярослав Анатольевич – кандидат исторических наук, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Новгородской группы, Санкт-Петербургский институт истории РАН; доцент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 4212-2187. E-mail: vasilev-yaroslav@yandex.ru, Yaroslav.Vasilev@novsu.ru

РАБОТА ПРЕСС-СЛУЖБЫ НОВГОРОДСКОЙ СПОРТИВНОЙ ШКОЛЫ «ЭЛЕКТРОН»: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Грачева Д. П.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: *grachyowa.darja@yandex.ru*

THE WORK OF THE PRESS SERVICE OF THE NOVGOROD SPORTS SCHOOL "ELECTRON": REGIONAL FEATURES

Grachyova D. P.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: *grachyowa.darja@yandex.ru*

Аннотация. Пресс-службы различных спортивных организаций выступают связующим звеном между важными спортивными событиями и аудиторией болельщиков. Они учитывают интерес аудитории к спортсменам и самому виду спорта, анализируют обратную связь и выстраивают свою деятельность на основе полученных данных, работают в соответствии с ожиданиями и потребностями болельщиков. Главной задачей пресс-служб становится освещение событий и донесение информации, которая касается того или иного спортивного клуба, до своей целевой аудитории. В данной статье рассматриваются принципы работы спортивного пиара, излагается анализ работы пресс-службы новгородской спортивной школы «Электрон» на примере целевой аудитории, информационных поводов, а также результатов проделанной пресс-службой работы.

Ключевые слова: спортивная пресс-служба, региональные особенности пресс-службы, новгородская спортивная школа «Электрон».

Abstract. Almost every person in modern society has an interest in a particular sport or even a specific team. Based on this interest, fan culture is rapidly developing. The press services of various sports organizations act as a link between important sporting events and the audience of fans. They take into account the audience's interest in athletes and the sport itself, analyze feedback and build their activities based on the data received, work in accordance with the expectations and needs of fans. The main task of the press services is to cover events and convey information that concerns a particular sports club to its target audience. This article discusses the principles of sports PR, presents an analysis of the work of the press service of the Novgorod sports school "Electron" on the example of the analysis of the target audience, informational occasions, as well as the results of the work done by the press service.

Keywords: sports press service, regional features of the press service, Novgorod sports school "Electron".

Реклама и связи с общественностью являются неотъемлемой частью работы спортивных учреждений. Качественная и налаженная деятельность

пресс-служб помогает руководителям спортивных клубов и организаций привлекать внимание аудитории, имеющей интерес в области того или иного вида спорта. Современная индустрия спорта без применения Public Relations рассматривается просто как вид развлечения, не наполненный эмоциями. Поэтому, осуществление PR-деятельности позволяет создать яркий, вызывающий эмоции продукт [1, с. 356].

В спорте так же, как и в любой другой сфере жизни, специалисты по связям с общественностью проводят мониторинг социальных сетей, следят за самыми свежими новостями и любыми потенциальными проблемами, связанными с их деятельностью [2, с. 17–18].

У специалистов в области связей с общественностью имеются многочисленные приемы и средства, благодаря которым совершается воздействие на общественное сознание. К таким средствам относятся: фирменный стиль, символика, награды, рейтинги, конкурсы, лотереи, фестивали, праздники, презентации, радио- и телепередачи, пресс-конференции, аудио-, фото-, кино-, видеоматериалы в масс-медиа.

Например, во время перерывов в матчах или других спортивных мероприятиях организаторы могут проводить различные конкурсы для спортивных фанатов. Конкурсы болельщиков в качестве пиар-акций могут проводиться как спортивными газетами и другими спортивными СМИ, так и пресс-службами спортивных организаций [3, с. 142].

Спортивная школа «Электрон» по футболу на данный момент, кроме официального сайта, представлена на трех информационных площадках: «ВКонтакте», YouTube и TikTok. Выбор этих социальных сетей обусловлен их востребованностью как среди российских, так и среди зарубежных пользователей.

Кроме прямых обязанностей (подготовка футболистов к профессиональной карьере) учреждение активно участвует в жизни региона, проводит огромное количество соревнований, принимает на своем стадионе спортивные мероприятия окружного и Всероссийского уровня. Из чего можно сделать вывод, что спортивная школа «Электрон» – это не только школа для будущих профессиональных футболистов, но и организатор подавляющего большинства футбольных соревнований в Новгородской области, а также площадка для проведения масштабных событий.

Благодаря пониманию функций и обязанностей учреждения становится проще определять информационную политику в корпоративных медиа. Пресс-служба обладает пониманием, о чем можно рассказывать, как себя позиционировать, на какие аспекты и детали работы важно делать акцент. Все

это необходимо для того, чтобы правильно и грамотно выстроить работу с аудиторией.

Хорошая информационная работа помогает спортивной школе конкурировать с другими спортивными учреждениями, привлекать больше спортсменов в свои команды, привлекать кадры и спонсоров к сотрудничеству, делать представленный вид спорта популярнее и объединять вокруг себя людей разного пола, возраста и социального статуса, что в свою очередь может сделать учреждение неотъемлемой частью города, региона.

Аудитория социальных сетей спортивной школы «Электрон» неоднородна. Правильнее сказать, что учреждение имеет несколько целевых аудиторий. Здесь сотрудники пресс-службы полагаются на статистику, которую предоставляют соцсети, а также на опыт взаимодействия с этой аудиторией.

Первая аудитория – местные любители футбола. В 1970-е годы футбольная команда «Электрон» представляла Новгород во II лиге первенства СССР. Но, к сожалению, в 1979 команда перестала существовать. Спустя 35 лет домашний стадион «Электрона» был реконструирован и на его базе открыта школа с одноименным названием, которая стала преемницей «Электрона» советского времени. Обновление стадиона и возвращение «Электрона» пробудило ностальгию и интерес со стороны болельщиков старшего поколения.

Следующая, самая активная и требовательная часть аудитории – родители спортсменов. Родители часто присутствуют на выездных соревнованиях и могут оперативно поделиться видео, фотографиями и результатами, что очень помогает работе пресс-службы, которая ограничена в финансовых и кадровых ресурсах.

Далее следует сказать о воспитанниках спортивной школы «Электрон» и их противниках. Это еще одна аудитория корпоративных соцсетей. Они активно следят за публикациями о своей команде, а также о других командах школы. Юные спортсмены любят шутить друг над другом и часто из-за незнания правил поведения в социальных сетях могут опубликовать контент, не соответствующий имиджу спортсмена. Задача пресс-службы – вовремя увидеть такой контент или при возможности суметь предотвратить его появление.

Болельщики и фанаты – очень важная часть аудитории. Профессионального футбольного клуба в Новгороде не было уже 43 года. Но даже это не преграда для местных фанатов, они болеют за молодежную команду школы «Электрон», которая успешно выступает в окружном первенстве Северо-Запада среди мужских команд.

Последняя аудитория, на которой стоит остановиться, это так называемая футбольная общественность. Здесь подразумеваются игроки, тренеры, арбитры, спортивные чиновники, производители экипировки, футбольные журналисты и блогеры; все те, для кого футбол – это профессия и работа.

За основу информационной политики спортивной школы «Электрон» был взят опыт ведущих спортивных российских и зарубежных медиа, например Sports.ru (спортивный интернет-ресурс – один из лидеров на постсоветском пространстве с масштабным представительством в соцсетях). Кроме того, в качестве ролевой модели рассматривались соцсети клубов Российской футбольной Премьер-Лиги («Зенита», «Рубина», «Краснодара», ЦСКА) и Континентальной хоккейной лиги («Ак Барса», «Трактора», СКА), «Динамо-Санкт-Петербург» из ВХЛ.

Инструментарий вышеуказанных спортивных ресурсов и пресс-служб широк и разнообразен. За производством контента стоит слаженная работа большого числа специалистов и единомышленников. Спортивная школа «Электрон» по футболу обладает всего одним штатным и 3–4 внештатными сотрудниками. В этом плане областному учреждению невозможно соответствовать уровню российских и мировых медийных лидеров в области спорта. Однако ориентироваться на них, учиться, брать лучшее и делать хорошую информационную работу возможно и при ограниченных ресурсах.

В социальных сетях спортивной школы «Электрон» существует несколько видов инфоповодов. Ожидаемые, организованные, ситуативные, календарные, креативные инфоповоды, а также специальные проекты, реализуемые пресс-службой с привлечением внештатных сотрудников, студентов практикантов и спонсоров. Что касается внешней и внутренней коммуникации с общественностью и СМИ, стоит отметить, что на всех уровнях общение с медиа, детьми, родителями и фан-базой является четко налаженным процессом. Благодаря большому количеству средств и способов коммуникации есть возможность выбора наиболее эффективной модели общения. Так, например, общение с родителями спортсменов происходит в групповых чатах команд в выбранных ими мессенджерах.

Нельзя не обратить внимание на очень ограниченные кадровые и финансовые ресурсы спортивной школы, что объясняется спецификой регионального уровня. К сожалению, недостаток кадров приводит к увеличению числа обязанностей и задач, возлагаемых на каждого сотрудника. Несмотря на это, пресс-служба спортивной школы «Электрон» стремится наладить работу по улучшению и продвижению имиджа организации.

Подводя итоги, необходимо в первую очередь отметить то, что «Электрон» является основной спортивной школой по футболу в регионе. На стадионе на постоянной основе проводятся соревнования различного уровня – как внутришкольные, так и региональные и межрегиональные. Для такой

крупной и значимой для региона организации необходим максимально положительный имидж, созданием которого и занимается пресс-служба во главе с пресс-атташе. Ежедневная качественная работа специалистов помогает увеличить интерес новой и уровень доверия постоянной аудитории.

Литература и источники

1. Завьялова Я. А. Роль и место PR в современном спорте. // Молодая наука – 2020: сборник трудов VII Всероссийской студенческой научно-практической конференции (г. Москва, 24 апреля 2020 г.) / отв. ред. С. А. Забелина; Московский финансово-юридический университет МФЮА; Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт. Москва: МФЮА. 2020. С. 355–360.

2. Клетная М. Г., Мирзоева Е. В. Особенности использования рекламы и пиар технологий в спортивной индустрии // Научный диалог: экономика и менеджмент: сборник научных трудов по материалам XXVII международной научной конференции / Санкт-Петербург, 08 февраля 2020 г. Санкт-Петербург: Центр научных публикаций Международной объединенной академии наук. 2020. С. 17–19.

3. Алексеев С. В. Спортивный маркетинг: особенности рекламы в сфере физической культуры и спорта // Право и государство: теория и практика. 11 (119). 2014. С. 139–147.

Об авторе

Грачева Дарья Павловна – магистрант, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия)

О научном руководителе

Семенова Александра Леонидовна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 2129-7763. E-mail: alsemenova@mail.ru

О рецензенте

Каминская Татьяна Леонидовна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой журналистики, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 5974-1246. E-mail: tlkaml@mail.ru

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МУЗЕЙНОГО НАСЛЕДИЯ ПСКОВСКОГО КОЛЛЕКЦИОНЕРА Ф. М. ПЛЮШКИНА

Гусейнов С.

Псковский государственный университет
(г. Псков, Россия)
E-mail: *simursguseinovs@mail.ru*

THE HISTORY OF THE STUDY OF THE MUSEUM HERITAGE OF THE PSKOV COLLECTOR F. M. PLYUSHKIN

Guseinov. S.

Pskov State University
(Pskov, Russia)
E-mail: *simursguseinovs@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается историческая судьба коллекции Ф. М. Плюшкина, первое изучение экспонатов в 1911 г. с целью составления оценки при покупке, утрата большей части коллекции после Первой мировой и Великой Отечественной войн. Целью статьи является определение состояния коллекции на настоящее время, в частности, рукописного собрания Ф. М. Плюшкина.

Ключевые слова: нумизматика, комиссия, Библиотека Академии Наук, этнография, наследие, рукописи.

Abstract. This article discusses the historical fate of the collection of F. M. Plyushkin, the first study of the exhibits in 1911 in order to make an assessment when buying, the loss of most of the collection after the First World War and the Great Patriotic War. The purpose of the article is to determine the state of the collection now, in particular, the manuscript collection of F. M. Plushkin.

Keywords: numismatics, commission, Library of the Academy of Sciences, heritage, department, manuscripts.

В 1870 г. Ф. М. Плюшкин построил в Пскове на углу Петропавловской и Архангельской улиц каменный дом, на втором этаже которого собрал свою коллекцию старинных предметов и редкостей. Она стала основой регионального музея, известного не только в России, но и за рубежом.

К 1911 г. собрание насчитывало около 1 млн вещей. Известна высокая оценка, данная коллекции профессором Шляпкиным, считавшего плюшкинский музей третьим по ценности в России и одиннадцатым в мире. Главным недостатком музея была бессистемность собрания, отсутствие каталогов и описаний. Оно не имело также тематической направленности, как бы сохраняя

черты кунсткамер и провинциальных музеев. Наряду с этим в коллекции находились уникальные образцы, как, например, масонская атрибутика, редкие рукописи XV–XIX веков, кустарные изделия местных мастеров [1, с. 492].

Музей Ф. М. Плюшкина имел следующие основные отделы: нумизматический, масонский, этнографический, церковной археологии, художественный, военный, рукописный и археологический. Б. Л. Модзалевский, который лично прибыл осматривать музей в 1903 г., выделил около 20 отделов и также отметил отсутствие системности в размещении экспонатов [2, с. 226]. После смерти коллекционера наследники решились на полную продажу коллекции. Одним из претендентов на покупку было российское правительство.

Осенью 1911 г. музей осматривали и оценивали члены специальной комиссии: А. К. Марков, С. Ф. Ольденберг, Н. Н. Врангель, С. Н. Тройницкий, Г. Г. Якобсон, Н. В. Покровский, К. К. Романов, Н. М. Могилянский, Э. Э. Ленц, К. Фаберже, Б. А. Тураев, В. И. Срезневский, А. А. Спицын, В. А. Ягунов. Экспертные заключения по соответствующим частям коллекции сохранились в архиве Русского музея. Коллекция была оценена на 80 тыс. руб., при этом правительство предполагало выкупить лишь избранные отделы за 60 тыс. руб.

Кроме специальной комиссии в музее присутствовал английский антиквар Коген, который, осмотрев всего лишь три отдела музея, оценил его на целых 175 тыс. руб. Риск продажи коллекции за границу вызвал общественный резонанс, который привлек внимание императора Николая II, по указу которого музей должен был быть куплен за 100 000 руб. [3].

После затяжных переговоров и последующей покупки коллекция была распределена по разным учреждениям страны. Большая часть экспонатов была направлена в Русский музей, Эрмитаж и Российский этнографический музей. В Библиотеку Академии Наук распределили отдел рукописей. Часть коллекции осталась в Пскове в музее ПАО.

Судьба некоторых составляющих псковской части коллекции неизвестна до конца до сих пор, поскольку в результате двух войн была утеряна большая часть экспонатов. На сегодняшний день известно всего лишь о 10% собрания Плюшкина. При обнаружении в 2016 г. при археологических раскопках близ здания Поганкиных Палат монетно-вещевого клада было сразу высказано предположение об атрибуции материалов собранию Ф. М. Плюшкина. Позже, однако, удалось установить, что клад, вероятнее, был сокрыт его современником, членом Псковского археологического общества коллекционером А. С. Хвоинским [4].

В 1996 г., к 85-летию со дня смерти Ф. М. Плюшкина, правнук коллекционера, профессор Инженерной академии РФ С. А. Плюшкин при участии краеведческого сообщества Пскова и содействии Псковского музея

организовал выставку сохранившихся экспонатов. Также силами музейных специалистов и краеведов была издана книга «Совсем не тот Плюшкин», в которой освещалась жизнь и деятельность коллекционера [5].

Псковский музей-заповедник в 2017 г. провел выставку «Ф. М. Плюшкин – собиратель древностей» к 180-летию рождения собирателя. Коллекционер справедливо был представлен одним из основоположников псковского музейного дела. Выставка включала 11 живописных и графических работ из коллекции Плюшкина, рукопись «Святцы» 1840-х гг., книги, подшивки журналов «Русская старина» с суперэкслибрисами коллекционера. Выставлялся раскрашенный вручную «Географический атлас» 1854 г. с картами и планами городов, изображениями гербов и орденов, сборник гравюр французских мастеров, принадлежавший устюжскому иконописцу Ивану Алексееву, а после – протоиерею Василию. Была представлена французская детская Библия с гравюрами, изданная в Лозанне в 1791 г. [6].

Собрание Плюшкина отличалось тематическим разнообразием. Преобладали ювелирные изделия различных народов, а также нумизматика в количестве более 100 тыс. единиц. Собрание монет, медалей и орденов превышало по количеству собрание Императорского Эрмитажа, с которым коллекционер вел периодический обмен монетами. Для нумизматического собрания была создана целая библиотека [7, с. 22].

О судьбе этнографической коллекции Ф. М. Плюшкина можно судить по документам, хранящимся в Русском музее. Н. О. Крестовская в своей работе исчерпывающе исследовала данный вопрос, изучив приемочные и упаковочные ведомости, проект распределения, отзывы экспертов по коллекции Плюшкина, отразившие историю передачи экспонатов в различные музеи и хранилища [8].

В настоящее время фонд Плюшкина Российского Этнографического музея состоит из 78 коллекций, который включает 1826 предметов, из которых 905 расположены в Особой кладовой, предназначенной для хранения драгоценных металлов и камней. В собрании имеются отдельные предметы, которые были выявлены сотрудниками музея после Великой Отечественной войны в общих коллекциях, поступивших от разных собирателей. Значительную часть этнографического собрания Ф. М. Плюшкина в РЭМ составляют серебряные украшения народности сету (224 экз.) [9].

В описи собрания Ф. М. Плюшкина значились 109 предметов деревянной резьбы вместе со скульптурными изображениями святых, резными образками и крестами. Наиболее известна «тощая свеча», вложенная в 1667 г. в храм Святой Троицы Тимофеем Иосифовым сыном Челищевым [10, с. 158].

Самой неизученной частью коллекции являются рукописные материалы, хранящиеся на данный момент в Отделе рукописей БАН. Они были определены в Рукописное Отделение наряду с книгами церковной печати по специальным

учетным и приемочным ведомостям, лично составленных в объеме 572 номеров В. И. Срезневским, который был первым ученым хранителем Библиотеки РАН и руководителем Отдела рукописей.

Однако после 1932 г., когда началась массовая передача части рукописных коллекций из Библиотеки РАН в другие архивы, в отделении осталось всего лишь 50% от первоначального количества – 296 ед. XV–XIX вв. [11].

В 1958 г. было опубликовано краткое описание фонда, в том же году первичное описание рукописей переданной в Институт истории части собрания было включено в путеводитель Научно-исследовательского архива СПбИИ РАН [12, с. 126–128; 13, С. 76, 326, 341, 260, 422].

В 2000 г. М. В. Корогодиной были проанализированы рукописные памятники церковного права из Библиотеки РАН, опубликован их свод, в который вошли Комчая 1790-х гг., Номоканон «Зонар» 1720–1730-х гг. с дополнениями 1750–1760-х гг., Сборник с отрывком из Стоглава посл. четв XVIII в., Сборник богослужебный и канонический кон. XVIII в., Сборник канонический и назидательный 1770–1780-х гг. [14].

В 2000-х гг. внимание исследователей привлекли иллюстрированные старообрядческие рукописи, в том числе 9 произведений XVIII и кон. XIX – нач. XX в. из собрания Ф. М. Плюшкина: Описание лицевое великой осады и разрушения монастыря Соловецкого, Стих о патриархе Никоне, Седмицы возраста жития человеческого, Страсти Христовы (2), Цветник духовный (2) и конволюты [15]. Пять лицевых Апокалипсисов того же собрания были опубликованы в соответствующем отдельном издании В. Г. Подковыровой в 2016 г. [16].

Исходя из всего вышесказанного, надо отметить, что значительная часть предметов находится сегодня на хранении в музеях и библиотеках. История музейного наследия Ф. М. Плюшкина после продажи была по-своему трагична, так как были бесследно утеряны предметы коллекции в период Первой мировой и Великой Отечественной войн, а также сказалось пренебрежительное отношение музеев, рассматривавших коллекцию не как культурный феномен и уникальное по составу собрание, а как простую совокупность обычных предметов повседневности.

Литература и источники

1. Кондратьева О. А. Наследие псковского коллекционера Ф. М. Плюшкина в собрании РЭМ // Культурное наследие Российского государства. Санкт-Петербург: Ленинградское обл. отделение Всероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры», 2018. Вып. 7. С. 491–499.

2. Модзалевский Б. Л. Музей Ф. М. Плюшкина в Пскове // Литературный вестник. 1903. Т. VI. Кн. 7–8.

3. Алексеев В. А. Плюшкин и его музей. Петроград: тип. т-ва А. С. Суворина, 1916. 23 с.

4. К годовщине со дня рождения Плюшкина Федора Михайловича (1837–1911) // Псковиана: сайт. URL: <http://pskoviana.ru/istoriya/persony/260-predprinimateli/4207-k-185-letiyu-fedora-mikhajlovicha-plyushkina> (дата обращения: 31.03.2023).
5. Яковлев А. В. Ершова Т. Е. Александр Семенович Хвоинский – хозяин кладовых коллекции из раскопок 2016 г. в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли. 2021. № 36 (66). С. 181–200.
6. Выставка «Федор Михайлович Плюшкин – собиратель древностей» проходит в Псковском музее. URL: <https://nathalie-zh.livejournal.com/240374.html> (дата обращения: 01.04.2023).
7. Плюшкин С. А. Плюшкин Федор Михайлович (1837–1911) и его музей // Совсем не тот Плюшкин. Псков: Псков. гос. ист.-архитектур. и художеств. музей-заповедник, 2003. 72 с.
8. Крестовская Н. О. Судьба Этнографической коллекции Ф. М. Плюшкина по документам отдела рукописей государственного Русского музея // Государственный Русский музей. 2017. С. 159–163.
9. Плюшкин Федор Михайлович // Российский этнографический музей: сайт. URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/projects/collectors/plyushkin-fedor-mihajlovich> (дата обращения: 31.03.2023).
10. Пивоварова Н. В. Коллекция резного дерева Русского музея: основные этапы формирования // Вестник СПбГУ. Сер. 15. 2013. Вып. 2. С. 147–160.
11. Инвентарная опись рукописей коллекции Ф. М. Плюшкина / сост. М. Мурзанова. Хран. БАН. 1940.
12. Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела БАН. Вып. II. XIX–XX века. Москва; Ленинград, 1958. 398 с.
13. Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории / Отв. ред. А. И. Андреев. Москва; Ленинград, 1958. 603 с.
14. Корогодина М. В. Памятники церковного права в рукописях Библиотеки РАН XV – начала XX века. Описание Рукописного отдела Библиотеки РАН (РО БАН). Т. 11. Вып. 1. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2020. 640 с.
15. Лицевые старообрядческие рукописи XVIII – первой половины XX вв. / авт.-сост.: Н. Ю. Бубнов и др. Описание РО БАН. Т. 10. Вып. 1. Санкт-Петербург: Изд-во Библиотеки Российской академии наук, 2010. 672 с.
16. Подковырова В. Г. Лицевые Апокалипсисы второй половины XVII – начала XX века. Описание РО БАН. Т. 10. Вып. 2. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2016. 672 с.

Об авторе

Гусейнов Симур – аспирант, Псковский государственный университет (г. Псков, Россия)

О научном руководителе

Колпакова Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, Псковский государственный университет (г. Псков, Россия), SPIN-код: 7884-216. E-mail: pskov-sova@mail.ru

О рецензенте

Торопова Елена Владимировна – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 6061–3693. E-mail: Elena.Toropova@novsu.ru

КОРПОРАТИВНОЕ МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Давыдов А. Н.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: *dancooler@mail.ru*

CORPORATE MEDIA EDUCATION AS AN OBJECT OF RESEARCH

Davydov A. N.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: *dancooler@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящается изучению понятия корпоративного медиаобразования. В ней рассматриваются вариации подходов к феномену медиаобразования, выделяются их основные характеристики и различия, а также дается дополненное определение корпоративного образования. Проводится анализ текущего состояния и возможных путей развития медиаобразования как объекта исследований.

Ключевые слова: медиа, медиаобразование, корпорация, обучение, онлайн.

Abstract. The article is devoted to the study of the concept of corporate media education. It examines the variations of definition to the phenomenon of media education, highlights their main characteristics and differences, and gives an expanded definition of corporate education. Reviewed analyzes the current state and possible ways of development of media-education as an object of research.

Keywords: media, media education, corporation, e-learning, online.

Слова, составной частью которых является «медиа», давно и плотно проникли в современный лексикон. Еще в 2015 году указывалось на «взрывообразный рост лексем с сегментом медиа», которых уже тогда было больше 100, например *медиахолдинг, медиаполе, медиапродукт, медиатекст, медиаграмотность* и др. [1]. В этот ряд входит и медиаобразование.

Если обратиться к семантике этого слова, мы увидим сочетание частей: «media», что в переводе с латыни – «посредник», а в нашем сегодняшнем понимании – совокупность технологических средств и приемов коммуникации, служащих для передачи информационного сообщения потребителю, и «образование», под которым понимается вид деятельности направленный на «воспитание и обучение личности, а также совокупность приобретаемых

знаний, умений, навыков, ценностных установок, функций, опыта деятельности и компетенций», можно обнаружить многозначность и возможный простор для интерпретаций этого определения [2]. Поэтому важно разобраться в том, что подразумевается под понятием «медиаобразование» и в чем заключается особенность корпоративной его разновидности.

Без детального погружения в историю можно обнаружить: то, что мы можем сегодня назвать медиаобразованием, оформилось в отдельный вид деятельности на рубеже XIX и XX вв., еще до возникновения медиaprостранства в сегодняшнем его понимании. В системе образования Франции, США, Германии и других стран были созданы программы для подготовки медиапрофессионалов – кинематографистов и работников газет и журналов. Иными словами, медиаобразованием называют «обучение в области средств массовой информации и коммуникации» [3, с. 6–8]. Со временем круг специальностей в медиаобразовании значительно возрос: к ним стали относить редакторов, медиаменеджеров, PR-специалистов, непосредственно журналистов, менеджеров социальных сетей и др. Таким образом, это можно считать первой интерпретацией понятия медиаобразование.

Вторая и наиболее популярная интерпретация понятия медиаобразования основывается на идее медиаграмотности. В начале XXI века эта тема стала особенно актуальна в связи с увеличивающейся ролью интернета и кардинальными сдвигами в парадигме потребления информации. Человек перестал быть «безликой» аудиторией, он стал полноценным участником медиадетальности, что дало основания говорить о медиатизации общества и личности, продолжающейся по сей день. Так, Т. Л. Каминская описывает ее как «процесс проникновения личностной сферы в публичное пространство, с одной стороны, и внедрение технологий в сам процесс коммуникации, с другой» [4]. Как видно, на протяжении последних нескольких десятилетий менялись «правила игры», и в изменившихся условиях было важно эти «правила» описать для комфортного и безопасного взаимодействия потребителя с медиасредой, то есть сформулировать, что такое медиаграмотность.

В 2013 году ЮНЕСКО предложило комплексное определение медиаграмотности как «совокупности знаний, навыков, установок, компетенций и практик, которые позволяют обеспечить эффективный доступ, анализ, критическую оценку, интерпретацию, использование, создание и распространение информации и медийных продуктов с использованием всех необходимых средств и инструментов на творческой, законной и этичной основе» [5]. То есть человек, считающийся медиаграмотным, в современном мире должен уметь:

– «фильтровать» тексты и их источники, а также понимать их цели и контекст, определяя степень доверия к ним;

- анализировать медиатексты и критически осмыслять их содержимое;
- интерпретировать контент и распространяемые им ценности;
- создавать медиатексты, понимать основные точки их воздействия на аудиторию;
- пользоваться медиаплатформами и основными техническими инструментами поиска и работы с информацией.

Каким образом формировать эти полезные знания и практики у каждого человека? Конечно, с помощью медиаобразования. Исходя из вышесказанного, медиаобразованием можно назвать процесс обучения человека медиаграмотности. По классификации И. А. Фатеевой, этот процесс разнообразен – от профессионального обучения до массового; от организованных формально занятий до стихийных; может отличаться по формам и предметно-содержательной локализованности [3, с. 20–28].

Существует еще один подход к осмыслению понятия медиаобразования, как кажется, незаслуженно отодвинутый на вторые, а то и третьи роли. Многие авторы, говоря о медиаобразовании как об обучении человека медиакомпетенциям, косвенно затрагивают тему медиа как источника получения знаний, тем не менее полноценно не развивая эту мысль. Наиболее близкий подход к интерпретации медиаобразования как образования не только и не столько для правильного использования самих медиа, а прежде всего для использования их как инструмента обучения, можно обнаружить в статьях В. И. Ярных, где, в частности, выражена следующая мысль: «Кроме использования в организации учебного процесса традиционных форм и методов обучения, подготовка в корпоративном образовании должна проектировать образовательную среду с привлечением современных информационных, компьютерных и педагогических инноваций, считаем, что сейчас возникла проблема более глубокого изучения такого феномена, как медиаобразование» [6].

Действительно, изменения, произошедшие в системе коммуникаций за последнее десятилетие, не только имеют существенное значение в плане умения грамотно пользоваться новыми медиаинструментами, но и предоставили уникальную возможность их использования в качестве дополнительного ресурса для обучения. Особенно эта возможность проявилась в пандемийные 2020–2021 гг.

Для многих компаний, в основном небольших, перевод на удаленный формат стал настоящим испытанием и проверкой на гибкость системы и ее устойчивость. Корпорации и фирмы покрупнее оказались более подготовлены к новым условиям работы. Стоит отметить, что многие из них задолго до пандемии уже практиковали работу сотрудников и отделов «по удаленке» и, что

даже более важно, готовили персонал к постоянно изменяющейся среде, занимались их общим и профессиональным развитием, в том числе и медиаобразованием. Учитывая специфику работы коммерческих организаций, основная цель которых – получение прибыли, дается определение корпоративному медиаобразованию как деятельности организации, направленной на повышение общей (в том числе медиа-) и профессиональной подготовки персонала, развитие их компетенций и адаптацию, донесение фокусных сведений и ценностей компании до сотрудников, распространяемой по средствам программ обучения в классическом и медиаформатах с целью улучшения качества работы как отдельных сотрудников, так и организации в целом. Иначе говоря, «систему корпоративного образования можно рассматривать в качестве инструмента реализации стратегии компании» [7].

Таким образом, можно выделить несколько ключевых моментов корпоративного медиаобразования:

- главная цель корпоративного медиаобразования в конечном итоге – увеличение прибыли, которая достигается за счет повышения информированности и мастерства сотрудников, что является взаимовыгодным процессом для всех его участников и имеет однозначную положительную трактовку;

- развитие персонала происходит на разных уровнях – от психологической поддержки и обучения основам работы с медиасредой до узкоспециализированных компетенций и навыков;

- используются многочисленные форматы обучения, классические (мастер-классы, полевые посещения, собрания, лекции, тренинги, воркшопы) и медийные форматы (вебинары, онлайн тестирования, дистанционные курсы, электронное микрообучение, видеоролики, подкасты);

- зачастую это внутренний процесс и его инициатором выступает руководитель организации, специальный отдел/департамент или сотрудники компании.

Важно обратить внимание на то, что тенденции последних лет все больше смещают фокус корпоративного образования в сторону медиатизации – переноса процесса обучения из офлайн- в онлайн-формат: «Поколения У и Z, вышедшие или выходящие на рынок труда и рынок обучения, формируют собственные запросы на формы, технологии и подходы к системе обучения в корпоративной и образовательной сфере. Для них удобно мобильное обучение, цифровые возможности курсов, короткие обучающие программы, много драйва и развлечения» [8]. С этим трудно не согласиться. И, что интересно, из-за смены поколений этот тренд будет чувствоваться со временем все сильнее, и, вероятно,

сместит, в конечном итоге, классические (очные) форматы обучения на второй план. Поэтому в этой работе и подчеркиваются отличия в понятии медиаобразования.

Хотелось бы также отметить, что определения медиаобразования не противопоставляются: появление нового смещает фокус внимания, не уничтожая предыдущее. Так, уходит на второй план понятие медиаобразования как деятельности по получению профессии, но не исчезает совсем. Несмотря на то, что пока наиболее популярным и исследованным считается обучение людей грамотному получению и использованию информации из медиа, есть все основания полагать: в ближайшем будущем медиаобразование будет трактоваться скорее как получение знаний с помощью медиа, а корпоративное медиаобразование, следуя в авангарде движения, ускорит этот процесс, что делает актуальным его исследование и поиск оптимальных форматов.

Литература и источники

1. Шмелева Т. В. Медиалингвистика: терминологический аспект // Вестник Новгородского государственного университета. 2015. № 87. С. 32–35.
2. Александрова О. А. Образование: доступность или качество – последствия выбора // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 2. С. 83–93.
3. Фатеева И. А. Актуальные проблемы медиаобразования: учебное пособие. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та. 2015. 129 с.
4. Каминская Т. Л. Медиатизация личности: коммуникативный аспект // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2015. № 41. С. 1–4.
5. ЮНЕСКО. Медийная и информационная грамотность // Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании: сайт. URL: <https://iite.unesco.org/ru/mig/> (дата обращения 26.03.2023).
6. Ярных В. И., Макарова Н. Я., Онучина К. К. Технологии медиаобразования в корпоративном образовании // Управление образованием: теория и практика. 2020. № 4 (40). С. 57–62.
7. Нестерова О. В. Обучение персонала как инструмент реализации стратегических целей организации // Науковедение. 2015. № 2 (27). URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/09EVN215.pdf> (дата обращения 26.03.2023).
8. Ярных В. И. Медиаобразовательные технологии в системе корпоративного образования // Педагогика. 2021. С. 294–296.

Об авторе

Давыдов Артем Николаевич – магистрант, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия)

О научном руководителе

Шмелева Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 9745-0252. E-mail: Tatyana.Shmeleva@novsu.ru

О рецензенте

Каминская Татьяна Леонидовна – доктор филологических наук, доцент кафедры журналистики, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 5974-1246. E-mail: Tatyana.Kaminskaya@novsu.ru

**СЕМАНТИКА ОБРАЗА МОШКИ
В РАССКАЗЕ Н. А. ТЭФФИ «КОТОРЫЙ ХОДИТ»**

Дьячкова А. К.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: *alina.dyachkova99@mail.ru*

**SEMANTICS OF MOSHKA'S IMAGE
IN THE STORY OF N. A. TAFFY "WHO WALKS"**

Dyachkova A. K.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: *alina.dyachkova99@mail.ru*

Аннотация. В статье выясняется семантика образа Мошки – героя рассказа Н. А. Тэффи «Который ходит». Выявляется мифологический прототип этого образа – «заложный покойник». Сравниваются народное и авторское понимание образа живого мертвеца, отмечаются сходства и различия. Прослеживается путь трансформации фольклорного образа, выясняются причины его изменения. Делается вывод о семантике образа Мошки.

Ключевые слова: Тэффи, заложный покойник, образ, прототип, фольклор, мифология.

Abstract. The article clarifies the semantics of the image of the Moshka – the hero of N. A. Taffy's story "Who walks". The mythological prototype of this image is revealed. It is a «zalojnii pokoinik». Folk and author's understanding of the image of the living dead are compared, similarities and differences are noted. The way of transformation of the folklore image is described, the reasons for its change are clarified. The conclusion is made about the semantics of the image of a Moshka.

Keywords: Taffy, zalojnii pokoinik, image, prototype, folklore, mythology.

Рассказ Н. А. Тэффи «Который ходит» впервые опубликован в газете «Возрождение» в 1931 г, в 1936 г. он вошел в состав сборника «Ведьма» (Берлин).

Тэффи признавалась в том, что больше других своих произведений она любила именно этот сборник: «В этой книге наши древние славянские боги, как они живут еще в народной душе, в преданиях, суевериях, обычаях» [1, с. 5]. Современники высоко оценили сборник сразу после его выхода. О нем тепло отзывались Ремизов, Мережковский, Куприн, Бунин...

Э. Хэйбер выделила особую черту рассказов этого сборника: «Происходят некоторые странные события, которые люди интерпретируют как

действия нечистой силы, но события никогда не являются однозначно сверхъестественными, и Тэффи не заставляет нас признавать существование различной нечисти. В то же время, более правдоподобного объяснения не дается» [2]. С ее слов каждый читатель должен решить для себя, являются ли персонажи Тэффи сверхъестественными существами.

Нами обнаружена и другая странность. Вводя в повествование традиционные фольклорные образы, Тэффи намеренно изменяет их. Но с какой целью автор это делает и какова семантика этих образов?

Мы рассматриваем один из таких образов – персонажа рассказа «Который ходит». В основном произведения сборника озаглавлены по именам предположительно действующих в них мифологических героев. Но в этом рассказе главный герой – столяр Мошка, а «Который ходит» – описательная конструкция, вынесенная в заглавие, благодаря широте своего значения она может быть отнесена к разным видам нечисти. И все же мы можем предположить наличие конкретного мифологического прототипа для образа Мошки – это образ заложного покойника.

«Заложный покойник» – мертвец, вернувшийся с того света и ходящий по земле. Слово «заложный» в научный обиход ввел этнограф Д. К. Зеленин [3, с. 41], оно обозначало человека, умершего внезапной смертью. В фольклорных материалах встречается несколько видов заложных покойников. Для данной работы актуально рассмотрение только одного типа. Относящиеся к нему покойники наказаны отсутствием упокоения за прижизненные грехи. К таким непростительным грехам относились разбой, убийство, кража, разврат, пьянство и связь с нечистой силой [4, с. 119].

Первое, что сообщается о Мошке, – при его появлении воют и рвутся с цепи собаки. В фольклорных источниках нет прямых указаний на то, что заложные покойники конфликтуют с животными. Однако в славянской мифологии собака считается «чистым» животным. Можно предположить, что реакция собак на Мошку – свидетельство того, что он является «нечистой тварью», противной собаке. Существует народная примета, что вой собак предвещает смерть. В рассказе вой всегда означает, что к дому подходит Мошка, стало быть, собаки предвещают появление мертвеца.

Прошлое Мошки тоже окутано тайной: есть легенда, что однажды его утащил черт, а через 30 лет вернул обратно. Стоит обратить внимание на время – это так называемое «магическое» число, которое обыгрывается в сюжете рассказа. «Реальная» версия событий предлагается в виде сплетни: «Люди с усмешечкой говорили...» [5, с. 343], что 30 лет Мошка провел не у черта, а в Америке, скрываясь от воинской повинности. В этом фрагменте рассказа

выражено авторское ироничное отношение к возможной версии прошлого Мошки.

В быличках мало сведений о речи заложных покойников. Обычно это односложные фразы, обращенные к живым [6]. Чаще всего заложные покойники изображаются молчаливыми. Мошка описывается как тихий, смирный старичок.

Возникает противоречие: заложные покойники несут наказание за грехи, а безобидный Мошка не похож на великого грешника. И все же окружающие Мошку люди уверены в его нечистой природе из-за двух редких для той деревни качеств: честности и молчаливости. Ни с кем не разговаривающий Мошка становится больше похож на покойника, чем на живого человека. Надеясь героя этой «нечеловеческой» чертой, Тэффи противопоставляет его всему прочему, «разговорчивому», обществу. Иные герои рассказа специально собирают целые «заседания», на которых «сообщались и обсуждались самые потрясающие вещи» [5, с. 346].

Ещё одно качество Мошки окружающие сочли неоспоримым признаком того, что он оживший покойник, – его «патологическая честность». В быличках сведения о моральных качествах мертвецов отсутствуют, за исключением чувства долга. Сообщается о том, что они могут совершать добрые дела, но не от присущей им доброты, а из-за необходимости искупить совершенное при жизни зло [6].

Нянька прямо говорит, что Мошка был зарыт, а теперь вылез из-под земли и ходит по свету. В точности перечисляются все признаки заложного покойника. Избавляться от него сельчане собираются при помощи осинового кола. Они боятся иметь дело с Мошкой и, как положено по поверью, сжигают калошу, якобы принадлежащую ему, чтобы он не вернулся за ней с того света [7].

Чем же занимался Мошка? Рассказчица говорит о том, что видела своими глазами, как он столярничал. Наблюдение за его работой действовало на самочувствие детей, завораживало и усыпляло их. На первый взгляд, действия Мошки напоминают колдовство и вызываемый эффект может служить доказательством того, что он потустороннее существо, которому доступны нечеловеческие умения. Однако сразу же приводится объяснение этого феномена. Рассказчица говорит о том, как спустя много лет узнала, что наблюдение за монотонными действиями действительно способно воздействовать на восприимчивого ребенка гипнотически и усыпляюще.

По мнению других, Мошка занимался столярной работой только «для отвода глаз», а на самом деле держал баню для покойников: во-первых, он живет в старой бане у кладбища, во-вторых, в воскресенье в бане видели

парящихся холодной водой мертвецов, в-третьих, когда в бане разбили окна и утащили дверь, Мошка ушел из нее, потому что «ему не с руки стало жить без окон, без дверей. Ему надо от людей хорониться» [5, с. 347].

Поскольку бытовало представление о бане как о домовине [8, с. 132], Мошку сочли буквально «живущим в гробу». Произошла контаминация двух традиций: похоронной бани и бани для заложных покойников.

Главным доказательством связи Мошки с чертом приводится случай с деверем, когда тот увидел в бане парящихся покойников и от страха потерял дар речи. Но внимательный читатель понимает, что это неправда – ведь онемевший человек попросту не способен был бы рассказать о том, что видел.

Понять несостоятельность третьего доказательства становится легко благодаря непосредственности ребенка-рассказчика. Девочка удивляется тому, что взрослые считают, что жить без окон не сможет только покойник – ведь любой живой человек в таком доме тоже сразу замерзнет.

На все остальные доказательства также приводятся опровержения. Рассказчица дает всему простые бытовые разъяснения. Пропадал Мошка, потому что скрывался от воинской повинности. Жил в бане, потому что она пустовала, а у него не было дома. Рядом с кладбищем ее поставили задолго до появления Мошки. Он усыплял детей не потому, что насылал злые чары, а потому что гипнотизировал их монотонными движениями. Ушел из деревни, так как жить в бане стало холодно. Пропал не мистическим образом, а ушел в Киев.

Итак, Тэффи в этом рассказе последовательно разоблачает легенду, сложившуюся вокруг персонажа. Она специально убеждает читателя в том, что герой – обычный человек. Способов два. Это, во-первых, прямое, буквальное, рационалистическое объяснение кажущихся сверхъестественными явлений и, во-вторых, явная авторская ирония по отношению к версии о потусторонней сущности Мошки.

Полагаем, что при помощи такого фольклорного прототипа, как заложный покойник, Тэффи создает развернутую метафору человека-изгоя как живого мертвеца, мертвого среди живых. Он изгой в обществе, следовательно, мертв для прочих людей, не существует для них.

Деревенское общество осудило Мошку за то, что он отличался от них. В этом состоял его единственный грех. При этом односельчане легко простили бы Мошку, если бы он был обманщиком или вором. Людям хотелось успокоить свою совесть приписыванием ему грехов, еще более тяжких, чем их собственные.

Таким образом, мы видим, что в рассказе «Который ходит» (так же, как и в прочих рассказах сборника) прослеживается мотив одиночества. Мошка

отторгнут обществом, чужд ему. Конечно, на выбор такой темы как одиночество и отверженность влияла жизнь Тэффи в эмиграции, и чтобы выразить свое одиночество вдали от родины, писательница использует персонажей из родного славянского фольклора, словно возрождая то, что осталось в России. Обращаем внимание и на то, что в этом рассказе, как и в других рассказах Тэффи данного периода, «переплетаются и почти сливаются трагическое и комическое, мистическое и обыденное, страшное и доброе начала» [9, с. 185].

Литература и источники

1. Тэффи Н. А. О себе // Возрождение. 1957. № 70. С. 5.
2. Хейбер Э. Смеющаяся вопреки. Жизнь и творчество Тэффи. Бостон: Academic Studies Press, 2021. С. 241–266.
3. Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии: умершие неестественною смертью и русалки. Москва: Индрик, 1995. 432 с.
4. Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 томах. Т. 4 / под ред. Н. И. Толстого. Москва: Международные отношения, 2009. 656 с.
5. Тэффи Н. А. Который ходит // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. Москва: Лаком, 1997. С. 342–348.
6. Былички. Полный архив // Самоглядное зеркало. Энциклопедия русской сказки: сайт. URL: <https://www.sites.google.com/site/russkieskazki/home/bylicki/bylicki-polnyj-arhiv> (дата обращения: 16.03.2023).
7. Виноградова Л. Н. Чтобы покойник не ходил: комплекс мер в составе погребального обряда // Истоки русской культуры (Археология и лингвистика): тезисы докладов конф., Москва, 7–9 декабря 1993 г. Москва: Институт археологии РАН, 1993. С. 39–42.
8. Подколзина Е. В. Ритуальная баня как компонент семейно-родовой обрядности славян // Вопросы образования и науки: теоретический и методический аспекты: сб. научн. трудов по материалам международной науч.-практич. конф., Тамбов, 30 апреля 2012 г. Часть 7. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2012. С. 131–134.
9. Дьячкова А. К., Шадурский В. В. «Детская» тема у Н. А. Тэффи // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: сб. науч. трудов. Тверь, 2022. Вып. 11 (17). С. 184–188.

Об авторе

Дьячкова Алина Константиновна – студентка, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия)

О научном руководителе

Шадурский Владимир Вячеславович – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 8263-7010. E-mail: shadvlad@mail.ru

О рецензенте

Бердяева Ольга Сергеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 3358-8283. E-mail: bos4@mail.ru

ИНСТРУМЕНТЫ ТЕКСТИЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА ИЗ РАСКОПОК 2000–2004 ГОДОВ В ПСКОВЕ

Дюбова Т. Н.

Псковский государственный университет
(г. Псков, Россия)
E-mail: *tomadubova@mail.ru*

TEXTILE TOOLS FOUND DURING EXCAVATIONS IN 2000–2004 IN PSKOV

Dyubova T. N.

Pskov State University
(Pskov, Russia)
E-mail: *tomadubova@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются предметы, связанные с текстильным производством, обнаруженные в Пскове в 2000–2004 гг., их соотношение и распространение по территории средневекового города.

Ключевые слова: Псков, археология, текстильное производство, прядение, ткачество.

Abstract. The article deals with artifacts related to textile manufacture excavated in Pskov in 2000–2004, their correlation and distribution on the territory of the medieval city.

Keywords: Pskov, archeology, textile production, spinning, weaving.

Прядение и ткачество имели ключевое значение в ремесленной деятельности средневекового Пскова и были неразрывно связаны с созданием одежды и других вещей, используемых в повседневной жизни. Баланс между домашним и товарным производством текстиля в древнерусском городе не вполне ясен в силу фрагментарности источника и недостаточной изученности вопросов топографии находок. Исследование средневековых предметов текстильного производства также имеет большое значение, так как позволяет узнать о технологии и методах изготовления тканей, о технике ремесла в целом, а также о культурных традициях прошлого.

Зачастую, затрагивая вопрос прядения и ткачества, ученые уделяют больше внимания исследованию непосредственных продуктов текстильного производства, обходя стороной предметы, благодаря которым эти продукты создавались. Это характерно для большинства обзоров и каталогов по истории древнерусского быта и культуры. История изучения вопроса отразилась, в

основном, в исследованиях общего характера: Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси» [1], Б. А. Колчина с соавторами «Город, замок, село» [2] и в специальных трудах: Н. И. Лебедевой «Прядение и ткачество восточных славян в XIX – начале XX в.» [3], О. В. Орфинской «Изучение древнерусских текстильных изделий (историографический очерк)» [4].

В разделе «Прядение и ткачество» в монографии «Город, замок, село» Б. А. Колчин выделяет такие типы предметов текстильного производства, как вальки, лапы, детали и части била и его корпуса, трепала, чесала, пружинные овечьи ножницы, деревянные гребни для чесания шерсти, веретена, пряслица, железные шпильки для крепления кудели, прялки, а также детали ткацких станков, а именно челноки, детали ремизного аппарата – ниченки, собачки, подножки и юрки. При раскопках 2000–2004 годов в Пскове из вышеперечисленного были обнаружены пряслица, кудельные булавки, пружинные ножницы, трепало, валец, собачки, ниченка. Всего для выявления данных категорий находок были проанализированы коллекционные описи 65 раскопок с территории Окольного города средневекового Пскова, как в междуречье Великой и Псковы, так и на Запсковье [5].

Пряслице – небольшой грузик со сквозным отверстием в центре, обычно имеет биконическую форму (то есть состоит как бы из двух усеченных конусов, соединенных широкими основаниями), хотя встречаются также бочонковидные и дисковидные. Пряслице надевалось на нижнюю часть веретена для усиления вращательного момента при скручивании нити. Это самая распространенная находка в раскопах средневековых городов. В Пскове при археологических раскопках 2000–2004 гг. было обнаружено 136 пряслиц, из них большая часть шиферные (пирофиллитовые) – 71,3%, также встречаются известняковые – 10,3%, глиняные – 3,7%, костяные – 3%, каменные – 1,5%. Пряслица из редких пород камня являются не только источниками по истории текстильного производства, но и дают сведения о торговых связях города. Большие комплексы пряслиц происходят в Пскове из Покровского-IX раскопа 2002 г., Ильинского-III раскопа 2003 г., Мстиславского-I 2003 г., Васильевского-III 2004 г., Казанских-V, -VI раскопов 2003 г. и -IX 2004 г., Богоявленского-XXXI 2004 г., а также раскопа XVIII на ул. Ленина 2004 г.

Кроме того, известно, что много подобных изделий выделено в коллекции смежных с ними раскопов Богоявленского-XXXI 2005 г., Петровского-VI 2008 г., Петровского-IX 2010 г., Лужского-II 2012 г., Изборского-XIII 2013 г., Новоторговских-X 2011 г. и -XI 2013 г.

Кудельная булавка – вторая по распространенности находка в раскопах Пскова 2000–2004 гг., связанная с производством текстиля (33 шт.). Булавки встречены на Покровских-VIII и -XII 2002 г., Званицком раскопе 2003 г.,

Мстиславском-I 2003 г., Покровских-XIII 2003 г. и -IV 2004 г., и -XIII 2003 г., Казанском-V 2003 г., Васильевском-III 2004 г., Богоявленском-XXXI 2004 г. Изготавливались кудельные булавки из железа, представляли собой заостренный стержень, иногда торсированный, с петлеобразным навершием. Булавками прикрепляли к лопасти прялки кудель. Размеры и вес найденных в Пскове шпилек типичны для этих бытовых предметов.

Пружинные ножницы использовались для различных бытовых нужд, и в том числе для стрижки овечьей шерсти. Состоят из двух непересекающихся лезвий, соединенных между собой изогнутой платиной из закаленного металла (пружиной). Линия перехода лезвия в стержень имеет вид ступенчатого уступа или дуги с небольшим язычком. В Пскове при раскопках в 2000–2004 гг. обнаружены целые ножницы и ряд их вероятных фрагментов, в том числе, на Покровских-VIII, -IX и -X, -XIII раскопах 2002–2003 гг., на Васильевском раскопе-III 2003 г.

Трепало – длинное деревянное ножевидное орудие, используемое при обработке льна. Найдено также 2 шт.

Валек – это цилиндрическая палка-колотушка с рукояткой, использовался для валяния шерсти и обмолота льна. Найден в единственном экземпляре.

Количество вальков и трепал относительно других орудий для прядения и ткачества сравнительно невелико, это может говорить о том, что обработкой льна и шерсти занималось небольшое количество хозяйств. При этом немногочисленность находок деревянных инструментов типична для древнерусских городов, где дерево было и главным подручным материалом, и основным ресурсом для отопления.

Составных деталей ткацкого станка немного: собачки – 3 шт., ниченка – 7 шт., педали ткацкого станка, в том числе из Петровского-VI и -XI, Новоторговского-X и Васильевского-III раскопов. Эти находки являются частями горизонтального ткацкого стана. Единичны в Пскове находки лопасти прялки и веретен (в материалах раскопок 2000–2004 гг. они не выявлены, но встречены, например, на Лужском-II раскопе 2012 г.)

Из полученных данных можно вывести процентное соотношение исследованного материала: 77,7% приходится на пряслица, 18,9% на кудельные булавки, 2,9% на детали ткацкого станка, 1,1% на пружинные ножницы (см. рисунок).

В ряде раскопов (Старовознесенский-VI, Званицкий 2003 г., Покровские-XI 2002 г. и -XXXIV, Казанский VI раскоп 2003 г.) Пскова найдены также металлические иглы для шитья, однако важно понимать, что сохранность

подобных изделий и их учет сильно зависят от особенностей культурного слоя и качества проведения раскопок. Иглы, изготовленные из рога, могли принадлежать как текстильному производству и использоваться для вязания, так и обеспечению рыболовного промысла и применяться для плетения сетей. Единичны находки наперстков из металла, кроме того, не везде выделены в коллекциях кольцевидные кожаные наперстки.

Встречаются деревянные инструменты ухода за текстилем и одеждой – пральники, вальки (например, из коллекций Лубянского-IV раскопа 2004 г. и раскопок других лет, в том числе, Новоторговского-X раскопа 2011 г.).

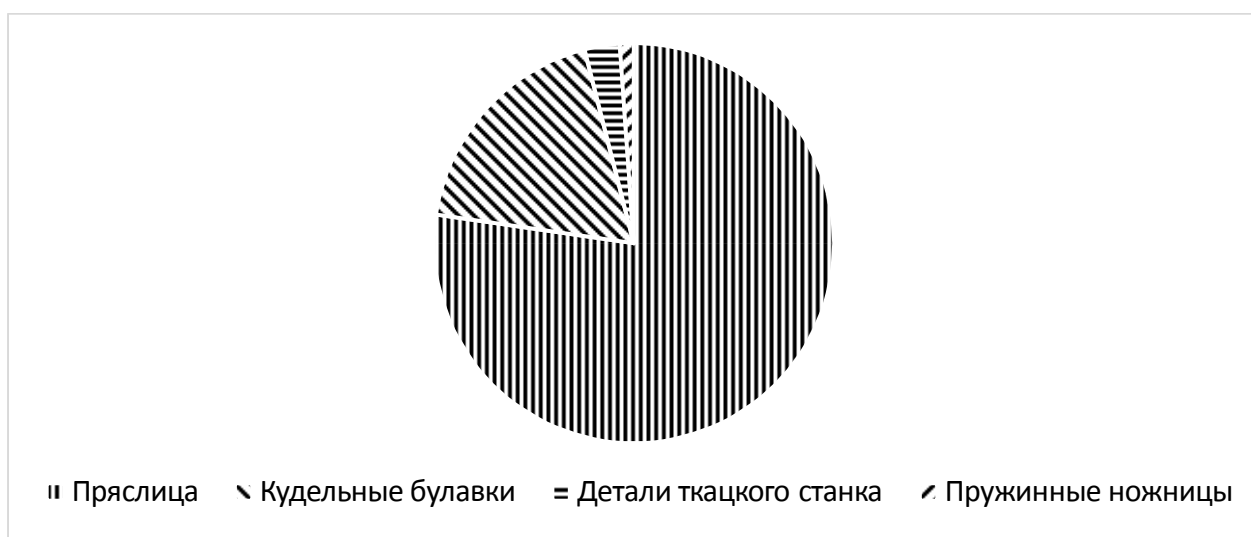

Рисунок. Соотношение предметов текстильного производства в раскопах 2000–2004 годов

В целом находки, связанные с прядением и ткачеством, равномерно распределены по территории средневекового города, что объясняется повсеместным занятием данным ремеслом, однако хочется выделить Васильевский-III раскоп, который позволил исследовать участок застройки в Окольном городе в междуречье Великой и Псковы в районе современных Детского парка и ул. Советской в 2004 году. С исследованной территории происходит 7 пряслиц, 5 кудельных булавок, 1 пружинные ножницы, 1 валец и детали ткацкого станка: 3 собачки, 1 ниченка. По контексту найденного можно предположить, что в Средние века на этом месте функционировали ремесленные мастерские, в том числе и связанные с текстильным производством. Это особенно интересно в связи с тем, что на соседних дворах на близлежащем участке – на Васильевском раскопе 1990 г. были выявлены кузница и сооружения, связанные с кожевенным и косторезным ремеслом [6].

Таким образом, можно судить, что создание текстиля на территории средневекового Пскова имело, в основном, домашний характер. На данный момент нельзя с уверенностью сказать, сохранится ли такое соотношение найденных предметов при расширении выборки.

Литература и источники

1. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. Москва: Изд-во АН СССР, 1948. 792 с.
2. Колчин Б. А. Ремесло. Прядение и ткачество // Древняя Русь. Город, замок, село / Под. общ. ред. Б. А. Рыбакова. Сер. Археология СССР. Москва: Наука, 1985. С. 265–269.
3. Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX – начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 31. Москва: Изд-во АН СССР, 1956. С. 459–540.
4. Орфинская О. В. Изучение древнерусских текстильных изделий (историографический очерк) // Археология: история и перспективы: Восьмая межрегиональная конференция / под ред. А. Е. Леонтьева. Ярославль: Ярославский гос. музей-заповедник, 2018. С. 73–103.
5. Коллекционные описи раскопов: П-00-Бог-XV,-XVI,- XIX,-XX,-XXII; П-00-Обрз; П-00-Петр4; П-00-Печ; П-01-Блг-IV; П-01-Бог-XXIV; П-01-Печ; П-01-Покр-III; П-01-ЦБОГ; П-02-БОГ-XVII,-XXV; П-05-БОГ-XXXI; П-02-ЗЛАТ; П-02-Каз-III,-IV; П-02-Л-XVII; П-02-Покр-IV,-VI,-VIII,-IX,-X,-XI,-XII; П-03-Бог-XXVI,-XXVII,-XXVIII,-XXIX,-XXX; П-03-ЗВ; П-03-ИЛ-II; П-03-Каз-V,-VI; П-03-Мст-I; П-03-Покр-XIII,-XIV,-XV,-XVI,-XVII,-XVIII,-XIX,-XXI,-XXII,-XXIII; П-04-Блг-V,-Блг-VI; П-04-Бог-XXXI,-XXXII,-XXXIII,-XXXIV; П-04-Вас-III; П-04-ВХ; П-04-Каз-VII,-VIII,-IX; П-04-Луб-IV; П-04-НГ; П-04-ПЛ-XVIII; П-04-Покр-XXIV,-XXV,-XXVI; П-04-Смол-II; П-04-СтВз-III; П-00-Блг-III; П-11-НТ X.
6. Королева Э. В., Харлашов Б. Н. К вопросу о дворах в средневековом Пскове (Васильевский раскоп) // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков: Псковский науч.-исслед. археологич. центр, 1994. С. 77–96.

Об авторе

Дюбова Тамара Николаевна – магистрант, Псковский государственный университет (г. Псков, Россия)

О научном руководителе

Колпакова Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, Псковский государственный университет (г. Псков, Россия), SPIN-код: 7884-216. E-mail: pskov-sova@mail.ru

О рецензенте

Торопова Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 6061-3693. E-mail: Elena.Toropova@novsu.ru

**СВОБОДА ТВОРЧЕСТВА
В НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЕ СССР 1945–1985 ГГ.**

Егорова А. В.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: *s244114@std.novsu.ru*

**THE FREEDOM OF CREATIVITY
IN THE REGULATORY FRAMEWORK OF THE USSR 1945–1985**

Egorova A. V.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: *s244114@std.novsu.ru*

Аннотация. Исследование сосредоточено на анализе конституционных, партийных и других нормативных актов для выявления основных направлений, и ограничений в культурной политике СССР в послевоенные годы. Рассматривается роль государственных организаций в регламентации творческой жизни художников.

Ключевые слова: свобода творчества, Союз художников, культурная политика СССР.

Abstract. The research focuses on the analysis of constitutional, party and other normative acts to identify the main directions and limitations in the cultural policy of the USSR in the post-war years. The role of state organizations in regulating the creative life of artists is considered.

Keywords: freedom of creativity, Union of Artists, cultural policy of the USSR.

С первых лет советской власти установилась строгая централизованная государственная система, контролировавшая не только политическую, экономическую и социальную сферы, но и культурные процессы, в том числе художественное творчество. Это характерно и для периода сер. 1950-х – сер. 1980-х гг., который отличался некоторым ослаблением цензуры, а также бюрократизацией. Сейчас стали доступны новые источники для изучения работы художников, такие как «Записки отдела науки и культуры ЦК КПСС», рассмотрение которых позволяет по-новому взглянуть на проблемы свободы творчества в советском государстве в послевоенные годы.

Исследование рассматривает конституционное законодательство СССР и документы партийных инстанций, Союза художников, что позволит проанализировать транслируемое государством представление о нормах социалистического изобразительного искусства, а также о девиациях в художественном творчестве. Для полноценного анализа необходимо выявить

формулировки, использовавшиеся для описания культурной и творческой деятельности, критерии свободы художественного творчества с точки зрения власти, уровни регламентации работы художника.

Система государственного контроля над развитием искусства установила художникам жесткие рамки. Распределение произведений, предоставление рабочих мест, заказы на выполнение работ осуществлялись по большей части органами власти различных уровней. Государственная политика в сфере изобразительной культуры сформировала четкое представление о художественной жизни: «правильным» произведениям соответствовали определенная тематика, стили и формы работ, а также их идеологическая составляющая. [1, с 388]. Со временем были установлены определенные механизмы управления советской культурой. Одной из подконтрольных властям структур стал Союз художников СССР, организованный в 1932 г. в рамках постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» [2].

Изначально право на организацию творческих союзов в Советском государстве было провозглашено в Конституции СССР 1936 г., действовавшей до 1977 года. В ст. 126 гарантировалась возможность заниматься любой профессиональной, в том числе и художественной деятельностью, можно отметить и ст. 125 о свободе слова, печати, собраний [3]. Отдельных статей, касающихся культурной жизни, представлено не было.

В Конституции СССР 1977 г. положения о культуре были заметно расширены. Глава 3 полностью посвящена социальному развитию и культуре: в ст. 20 одной из целей государства провозглашается предоставление возможностей «для применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований»; ст. 27 указывает на содействие и поощрение со стороны государства в развитии «профессионального искусства и народного художественного творчества» [4]. В ст. 46 гарантируется право граждан на использование культурных и научных ресурсов, ставится целью развитие «культурно-просветительных учреждений» и расширение «культурного обмена с зарубежными государствами» [4].

В перечисленных статьях Конституции 1977 г. декларируется право каждого гражданина на свободу творчества, нет положений о соответствии творческого выражения идеологии Советского государства, о пропаганде социалистического уклада жизни. «Свобода творчества» как термин употребляется в ст. 60, но дефиниции этого понятия не определены [4].

Управление культурной жизнью осуществлялось партийными организациями: некоторыми Отделами ЦК, Идеологической комиссией. До

1953 г. регулированием культурной политики занимался Отдел пропаганды и агитации ЦК и выделившийся из него в 1950 г. отдел художественной литературы и искусства. В 1962 г. их полномочия перешли к Идеологическому отделу ЦК [5, с. 176–184]. Документация, которая велась указанными выше организациями, важна для изучения свободы творчества.

В записке отдела науки и культуры ЦК КПСС о «нездоровых» настроениях среди художественной интеллигенции, дающей представление о девиациях, докладывается об «оживлении влияния буржуазной идеологии». Критикуются высказывания художественных деятелей о чрезмерности политического и идеологического влияния на культуру в Советском государстве, которое не дает искусству развиваться. Отдел науки и культуры ЦК КПСС реагирует на это негативно и обвиняет руководство творческих союзов в непродуктивной работе, ослаблении воспитательной работы, что и повлекло за собой подобные «нездоровые настроения, «кулуарные» дискуссии, беспринципные групповщины» [6].

Для партийных организаций идеологическая составляющая изобразительного искусства является важнейшим аспектом благоприятного развития советского общества. Отклонения от этого курса в записке Отдела науки и культуры ЦК КПСС «О состоянии советского изобразительного искусства» объясняются «низким уровнем идейно-творческого руководства изобразительным искусством» со стороны партийных инстанций [7, с. 261]. Контроль за сферой искусства и свободой творчества, таким образом, декларируется как обязательная норма советской культуры.

Тематика произведений также критикуется. Вместо того, чтобы изображать «советского человека, строящего коммунистическое общество», «появляется все больше... наспех сделанных картин, фиксирующих... серые, унылые пейзажи», «картины с изображением обнаженных женщин в вульгарных позах» [7, с. 259].

Те же тенденции проявляются в работе с молодым поколением. После открытия в 1957 г. 3-й выставки работ молодых художников Москвы и Московской области следуют негативные оценки работ, не соответствующих советскому представлению об искусстве. Высказывается недовольство подражанием «буржуазному упадочному искусству с его кривляньями», «антиэстетичному, огрубленному» изображению советских людей [8].

Проанализировав несколько подобных записок, можно выделить основные положения, по отношению к которым в 1950-е гг. высказываются крайне негативные оценки: отсутствие в работах идейного содержания или «подражание буржуазному искусству», незаконченность, набросочный

характер произведений, грубое и «серое» изображение советского человека, «вульгарность», откровенность, открытость.

В 1957 г. на первом Всесоюзном съезде художников формируется Устав союза художников, который позже еще несколько раз будет подвержен изменениям: в 1968 г, в 1977 г. [9, л. 1]. Для анализа был взят текст редакции 1977 г., соответствующий Конституции СССР. В нем декларируется взаимодействие членов художественных союзов с Коммунистической партией и советским Правительством для продвижения идей социализма и нравственного или же идеологического воспитания. Основным работающим методом считается только социалистический реализм [9, л. 2].

Задачи Союза художников можно разделить на несколько категорий: объединяющие (интеграционные), идейные (воспитательные), организационные, содействующие (поддерживающие). Они формируются с использованием формулировок из документации Отдела науки и культуры. Поощряются определенные темы, жанры и техники, ставятся задачи идейно-просветительской деятельности.

Член Союза художников обязан «повышать свой идейно-политический уровень», «быть верным методу социалистического реализма и принципу партийности». [9, л. 6]. В перечне случаев, предполагающих исключение из Союза Художников, указаны «совершение поступков антиобщественного характера» и «длительное бездействие в творческой и общественной работе» [9, л. 9]. Это соответствует советским представлениям о работе любой организации: планирование количества работ, выполнение заказов, участие в выставках. Под «антиобщественным» поступком может пониматься любая девиантность: пьянство, буйный нрав, не соответствие нормам общественного поведения.

Итак, в 1950 – сер. 1970-х гг. конституционно закрепляется только право на создание творческих объединений, определение норм и девиаций прослеживается в документах партийных организаций и уставов художественных союзов. В 1970-е годы право граждан на свободу творчества прописано в Основном законе. Устав Союза художников 1977 г. противоречит статьям Конституции, касающимся свободы творчества. В нем прописаны ограничения, касающиеся деятельности художника, стилистики работ, бытового поведения. Нормой считается соответствие работ методу социалистического реализма, главенствующая роль отведена идейно-политическому аспекту (множество «марксистских» формулировок, применяется критика «подражания буржуазному искусству»). Выявлено негативное отношение к определенным формам и темам произведений.

Свобода творчества по Конституции сильно ограничена положениями подзаконных и локальных нормативных актов.

Литература и источники

1. Позднесоветское искусство России. Проблемы художественного творчества / сост. и отв. ред. А. Н. Иньшаков. Москва: БуксМАрт, 2018. 478 с.
2. Постановление политбюро ЦК ВКП (б) «о перестройке литературно-художественных организаций», 23 апреля 1932 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953. Москва: Демократия, 1999. С. 172–173.
3. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) // Конституция РФ: сайт. URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/> (дата обращения: 29.03.2023).
4. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Конституция РФ: сайт. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 29.03.2023).
5. Гершзон М. М. Закат Сталина и Оттепель: управление культурой в СССР в 1950-х – начале 1960-х гг. Очерки. Москва: Модест Колеров, 2018. 392 с.
6. Записка отдела науки и культуры ЦК КПСС о «нездоровых» настроениях среди художественной интеллигенции 8 февраля 1954 г. // Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: Документы. Москва: РОССПЭН, 2001. С. 198–203.
7. Записка отдела науки и культуры ЦК КПСС «О состоянии советского изобразительного искусства» 6 июля 1954 г. // Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: Документы. Москва: РОССПЭН, 2001. С. 258–263. с. 261.
8. Записка отдела науки и культуры ЦК КПСС по РСФСР о Третьей выставке работ молодых художников Москвы и Московской области. 22 мая 1957 г. // Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: Документы. Москва: РОССПЭН, 2001. С. 665–667.
9. Устав Союза художников СССР // ГАНО. Ф. Р-4448. Оп. 1. Д. 7.

Об авторе

Егорова Анастасия Васильевна – студентка, лаборант Центра археологических исследований, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия)

О научном руководителе

Самойлова Ирина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 2103-8971. E-mail: Irina.Samoylova@novsu.ru

О рецензенте

Борисевич Даниил Андреевич – старший научный сотрудник отдела по научно-информационной работе и переводу документов на открытое хранение, ГОКУ Государственный архив новейшей истории Новгородской области; ассистент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 7049-8297. E-mail: danya_novsu@mail.ru

ПЕРЕДАЧА НАУЧНЫХ ТЕРМИНОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Жерлова И. И.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: *zherlova.irina@yandex.ru*

SCIENTIFIC TERMS CONVERSOIN IN PSYCHOLOGICAL TEXTS TRANSLATION

Zherlova I. I.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: *zherlova.irina@yandex.ru*

Аннотация. Текущее исследование рассматривает перевод психологических текстов. Используемый для исследования текст является оригинальной публикацией научного исследования на сайте ведущего американского журнала PNAS, статья: «Rich false memories of autobiographical events can be reversed». В современном мире общественность проявляет все больший интерес к области психологии. Данная заинтересованность легко прослеживается в современной культуре – об этом все больше говорят знаменитости, все чаще тему ментального здоровья поднимают в популярных сериалах и фильмах, в интернете заметно больше появляются видео, где люди обсуждают психологические исследования и делятся своим мнением и опытом на эту тему. Именно этим обуславливается актуальность работы. Цель данного исследования выражается в анализе психологических текстов и рассмотрении их особенностей при переводе на русский язык. В ходе проведенного исследования нам удалось выделить четыре группы научных терминов, способами перевода которых являются семантический эквивалент, метод экспликации, метод калькирования и транслитерация.

Ключевые слова: трансформация, стилистические и жанровые особенности, продуктивные способы перевода психологических терминов.

Abstract. The current study examines the translation of psychological texts. The text used for the study is the original publication of the scientific research on the website of the leading American journal PNAS, the article: "Rich false memories of autobiographical events can be reversed". Nowadays, there is increasing public interest in the field of psychology. This interest is easily seen in modern culture – celebrities talk more about it, mental health is increasingly discussed in popular TV shows and movies and there are more videos online where people discuss psychological research and share their opinions and experiences on the topic. This is why this study is relevant. The aim of this research is to analyze psychological texts and examine their features when translated into Russian. During the research, we were able to identify four groups of scientific terms, the methods of translation of which are semantic equivalent, explication method, calcification method and transliteration.

Keywords: transformation, stylistic and genre features, productive ways of translating psychological terms.

В отечественной лингвистической литературе можно найти множество определений значения слова «термин», но в данной статье используется определение, предлагаемое И. В. Арнольд, которая рассматривает «термин» как слово или словосочетание, обозначающее понятие, имеющее существенное значение для какой-либо научной, технической, культурной или социальной области [1, с. 185].

В рамках определенной области знаний понятия и фиксирующие их термины имеют систематизированное расположение, что подразумевает наличие родовых понятий, вокруг которых собираются видовые концепции. Системность терминов позволяет выявить связи понятий, повышает семантическую четкость и облегчает их восприятие и понимание.

Но каждый переводчик знает, что правильный перевод терминов – это сложная задача. С учетом того, что все слова имеют высокую смысловую определенность и самостоятельную значимость, а не являются бытовой лексикой, их перевод может вызвать трудности как для новичка в области лингвистики, так и для опытного профессионала. Так как терминология очень обширна и разнообразна, то для облегчения процесса перевода терминов можно выделить их в группы и выбрать определенные принципы перевода для каждой из них. Согласно стандарту ISO0860 Terminology Work – Harmonization of Concepts and Terms – все термины можно разделить на четыре категории:

1. Термины родной и иностранной действительности эквивалентны – т. е. являются межъязыковыми соответствиями.

2. Слова, обозначающие понятия иностранной действительности, которые отсутствуют в родной действительности, но имеют схожие эквиваленты и аналоги – т. е. являются близкими соответствиями.

3. Для обозначения понятий иностранных реалий используются термины, отсутствующие в родной действительности и не имеющие терминологического эквивалента в родной действительности.

4. Одно понятие может быть отражено несколькими способами, т. е. соответствует сразу нескольким понятиям [2].

Слова, которые имеют отношение к первой группе, переводятся с помощью слов-аналогов, сходных по составу сем и гарантирующих адекватный взаимный перевод в любых контекстах. При переводе второй группы терминологических понятий необходимо найти наиболее подходящие эквиваленты в терминах родного языка. Для того чтобы адекватно перевести

третью группу терминов, необходимо создать новые термины, которые органично впишутся в существующую терминологическую систему.

В зависимости от текста перевода мы можем использовать несколько способов решения проблемы перевода безэквивалентной лексики [3, с. 61].

Одним из способов является транслитерация – изображение иностранного слова буквами перевода. Транслитерация помогает сохранить лексическую краткость обозначения в языке оригинала, соблюдая своеобразие называемого предмета или понятия при отсутствии эквивалента перевода, заимствование иностранного слова, которое затем на письме изображается буквами языка перевода, а в устной речи произносится согласно произносительным навыкам ПЯ.

Калькирование – другой метод перевода безэквивалентной лексики. Сущность данного метода заключается в переводе иноязычного слова по частям, возможны сочетания слов с дальнейшим их соединением в одно целое.

Еще одним методом перевода является описательный перевод. Задача описательного перевода – раскрыть значение исходной единицы, используя развернутое описание.

Приближенный перевод также является способом передачи лексики, не имеющей конкретного соответствия. Смысл данного метода – подбор наиболее подходящего понятия, семантически схожего с исходным.

Также существует такой способ, как «создание нового термина». При использовании данного метода необходимо использовать уже существующие лексические и морфологические элементы.

В статье анализируются термины из оригинальной публикации научного исследования «Rich false memories of autobiographical events can be reversed», опубликованной на сайте ведущего американского журнала PNAS [4]. В ходе анализа нам удалось выделить 82 научных термина. 54 из них имеют семантический эквивалент, 17 переводятся на русский язык с помощью метода экспликации (описательный перевод), методом калькирования переводятся лишь 8 терминов. Самая малозначительная группа, состоящая лишь из 3 терминов, переводится с помощью транслитерации.

Первая группа требует особого внимания, поскольку, несмотря на наличие семантического эквивалента, большинство терминов этой группы имеют не один вариант перевода. При выборе правильного соответствия задача переводчика заключается в поиске наиболее подходящих по контексту эквивалентов.

Рассмотрим термин «evidence», частотность упоминания которого варьируется от 70 до 100 за последние 12 месяцев, что является высоким

показателем для терминов этой направленности [5]. В связи с частотой упоминания значение термина расширяется и меняется в зависимости от контекста. Таким образом, общее значение – доказательство, факт, однако при переводе текста психологической направленности лучшим вариантом перевода является «данные». Перевод обусловлен контекстом, т. к. речь идет не о доказательствах, а о собранных в ходе исследования данных.

Следующая группа – слова и выражения, методом перевода которых является метод экспликации. Это вторая по количеству группа, в нее входит 17 терминов. Сложность перевода заключается в тщательном изучении дискурса и подбор наиболее подходящего перевода в соответствии с содержанием высказывания без опоры на регулярные соответствия.

В сочетании «reconstructive in nature», в котором слова могут быть переведены по отдельности как «reconstructive» – «восстановительный», «in» – «в» и «nature» – «природа» и звучать весьма разумно, если бы это только не была характеристика памяти, а именно описание ее особенности. В таком случае эти три слова необходимо объединить так, чтобы вместе они верно отражали смысл выражения и хорошо вписывались в текст. Таким образом, нам необходимо прибегнуть к описательному методу и перевод будет звучать следующим образом: по своей природе является реконструктивной.

Третья группа включает в себя 8 терминов. Методом перевода данной группы является калькирование. Перевод осуществляется по частям и уже после все части согласуют.

В выражении «false memory» составляющие могут быть переведены как: «false» – «ложный», «memory» – «воспоминания, память». Согласовав данные переводы, мы получим перевод целого выражения – ложные воспоминания. Данный перевод является целесообразным, понятным и соответствует контексту.

Четвертая группа самая немногочисленная, в нее входит лишь 3 термина. Методом перевода данной группы является транслитерация.

Термин «paradigm» сочетает в себе несколько приемов перевода одновременно. Регулярным соответствием данного термина является «парадигма», что, в свою очередь также является и транслитерацией данного термина.

В ходе анализа психологических терминов, которые использованы в статье, становится очевидным тот факт, что регулярное соответствие во многих случаях не передает в полной мере содержание высказывания. Такие способы перевода, как экспликация, калькирование и транслитерация, задействованы

при переводе статьи из области психологии, наиболее распространенным способом перевода оказался прием семантического эквивалента.

Литература и источники

1. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике. Москва: Высшая школа, 1991. 139 с.
2. ISO. Terminology work – Harmonization of concepts and terms. URL: <https://www.iso.org/standard/40130.html> (дата обращения: 10.03.2023).
3. Мисуно Е. А. Письменный перевод специальных текстов: учебное пособие // Консультант студента: электронная библиотечная система. URL: <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785976515659.html> (дата обращения 11.03.2023).
4. Rich false memories of autobiographical events can be reversed / A. Oeberst, M. M. Wachendörfer, R. Imhoff, H. Blank // PNAS. URL: <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2026447118> (дата обращения: 18.03.2023).
5. Google Trends. URL: <https://trends.google.ru/trends/explore?q=evidence&geo=RU> (дата обращения: 12.03.2023).

Об авторе

Жерлова Ирина Игоревна – студентка, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия)

О научном руководителе

Жукова Елена Федоровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков, перевода и межкультурной коммуникации, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 9248-7233. E-mail: Elena.Zhukova@novsu.ru

О рецензенте

Иванова Любовь Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, перевода и межкультурной коммуникации, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 3909-9174. E-mail: Lyubov.Ivanova@novsu.ru

**ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ФИЛОСОФСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
«МЕТАФИЗИКИ» А. Г. БАУМГАРТЕНА
С ЛАТЫНИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

Захарова И. И.

Филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
в г. Севастополе
(г. Севастополь, Россия)
E-mail: *irinazaharova061@gmail.com*

**DIFFICULTIES IN TRANSLATING THE PHILOSOPHICAL
TERMINOLOGY OF A. G. BAUMGARTEN'S "METAPHYSICS"
FROM LATIN INTO RUSSIAN**

Zakharova I. I.

Branch of Lomonosov Moscow State University in Sevastopol
(Sevastopol, Russia)
E-mail: *irinazaharova061@gmail.com*

Аннотация. Работа посвящена описанию трудностей, возникших при переводе нескольких параграфов «Метафизики» А. Г. Баумгартена с латыни на русский язык. В результате перевода были выявлены наиболее существенные трудности, сформированы эффективные способы их преодоления, а также подобраны примеры из анализируемого текста, дающие наглядное представление о возникших проблемах. В данной работе проведено подробное исследование проблемы перевода философской терминологии.

Ключевые слова: трудности перевода, философия, латынь, русский, «Метафизика», А. Г. Баумгартен.

Abstract. This work is devoted to the description of the difficulties encountered while translating several paragraphs of A. G. Baumgarten's "Metaphysics" from Latin into Russian. In the process of translation, the most significant difficulties were identified, effective ways of overcoming them were worked out, and examples from the analyzed text were selected, giving a visual representation of the problems that arose. In this paper, a detailed study of the problem of translating the philosophical terminology is carried out.

Keywords: difficulties of translation, philosophy, Latin, Russian, "Metaphysics", A. G. Baumgarten.

Несколько веков назад латынь имела статус международного языка науки и художественной литературы. Расцвет философских идей и открытий, находивших свое выражение именно на латинском языке, приходится на XVII и XVIII вв. В современных реалиях, когда применение и распространение латыни ограничилось, труды М. В. Ломоносова, Х. Вольфа, Г. Лейбница, Л. Эйлера,

И. Формея, А. Г. Баумгартена и многих других великих ученых требуют качественного перевода на русский язык.

Современный переводчик в процессе работы обязательно столкнется с целым рядом трудностей, начиная от неразборчивого текста оригинала и заканчивая трактовкой специфических терминов и понятий. Основными трудностями принято считать лексические и всевозможные грамматические на разных уровнях языка (морфология, синтаксис и т. д.). К лексическим трудностям относятся полисемия, безэквивалентная лексика и терминология. В настоящем исследовании мы сосредоточились на последней проблеме – философской терминологии, с которой столкнулись на собственном опыте перевода некоторых параграфов «Метафизики» (1739) А. Г. Баумгартена.

А. Г. Баумгартен был основным представителем школы «лейбнице-вольфовской» философии в 30–60-х гг. XVIII в., что заставляет обращаться к философским положениям данной школы и к трудам, написанным другими ее представителями, для правильного понимания того или иного термина.

«Метафизика» Баумгартена имеет относительно небольшой объем (всего один том в 406 страниц против семитомной «Метафизики» Вольфа) и содержит 1000 параграфов, объединенных в четыре части: онтологию, космологию, психологию и натуральную теологию. «Метафизика» изначально предназначалась как трактат для студентов, облегчающий подготовку к лекциям, поэтому каждый параграф изложен в особом сжатом стиле Баумгартена. Философ называл свой трактат «сухим скелетом метафизики» [1], где в параграфах представлена цепочка умозаключений, выраженная философской терминологией без каких-либо примеров и комментариев.

Например, § 505 из третьей части – психологии, раздела о существовании души – представляет часть определения понятия о *душе* через фундаментальные философские категории акциденции и принципа достаточного основания: «§ 505. *Cogito, mutatur anima mea (§ 125, 504). Ergo cogitationes sunt **accidentia** animae meae (§ 210), quarum aliquae saltim **rationem sufficientem** habent in anima mea (§ 21). Ergo anima mea est vis (§ 197)*» [1].

Акциденция (от лат. *accidentia* «случай, случайность») как категория философии и логики прошла через несколько этапов изучения. Первые упоминания акциденций принадлежат Аристотелю, который вывел несколько значений данной категории, но значимым является ее узкое понимание как некоего добавочного факультативного качества объекта [2]. Позже Готфрид Лейбниц добавил к перечисленным характеристикам свойство индивидуальности [3]. Особым этапом изучения акциденций стал период доминирования схоластической философии, когда данный термин логики начал

выходить за ее пределы и проникать в другие научные области (например, в лингвистику, где находим связь акциденции с понятием коннотации).

Достаточное основание (от лат. *ratio sufficientis*), точнее, **закон достаточного основания** (от лат. *lex rationis determinantis seu sufficientis*) – один из четырех основных законов логики, авторство которого принадлежит Готфриду Лейбницу. Истоки данного закона восходят к трудам Левкиппа и Аристотеля, но принцип окончательно оформился в «Монадологии» (1714) Лейбница, который указывал на особую важность закона достаточного основания и подразумевал под ним то, «что ни одно явление не может оказаться истинным или действительным, ни одно утверждение справедливым без достаточного основания, почему именно дело обстоит так, а не иначе, хотя эти основания в большинстве случаев вовсе не могут быть нам известны» [4]. Основательный практический подход к рассмотрению закона достаточного основания находим в трудах Христиана Вольфа, критиковавшего теоретический подход Лейбница [5].

Данный параграф мы переводим следующим образом: § 505. *Я мыслю, и моя душа меняется (§ 125, 504). Поэтому мысли являются акциденциями моей души (§ 210), из которых по крайней мере некоторые имеют достаточное основание в моей душе (§ 21). Поэтому моя душа есть сила (§ 197).* Содержание умозаключения Баумгартена базируется на классическом античном понимании акциденции, дополненном Лейбницем. Мысли человека неспособны существовать без взаимосвязи с душой, т. е. имеют тот самый добавочный факультативный характер, присущий акциденциям в качестве предиката. Баумгартен утверждал, что «ничто не есть без основания, или: если нечто положено, то нечто полагается в качестве его основания» [6]. Подобно тому как достаточное основание присуще акциденциям, так оно соотносится и с мыслями человека как акциденциями его души.

Следующий параграф продолжает цепочку определений *души* через философские понятия: «§ 513. *Anima mea est vis (§ 505) repraesentativa (§ 506) universi (§ 507) pro positu corporis sui (§ 512)*» [1], что в нашем переводе на русский: § 513. *Моя душа есть сила (§ 505) представления (§ 506) мира (§ 507) сообразно положению своего тела (§ 512).*

Сила представления мира (от лат. *vis repraesentativa universi*) – одно из центральных понятий, соотносимое с «лейбнице-вольфовской» философией. Тенденция изучения силы представления мира сходна с исследованием большинства других терминов представленной философской школы: базовые теории касательно данного понятия были заложены непосредственно

Лейбницем в «Монадологии», а развиты позже уже Вольфом. Лейбниц весьма туманно представил связь между понятиями души, тела и мира как универсума [4], тогда как Вольф смог объяснять данную связь через постоянные изменения души как простой и самостоятельно существующей вещи. Сила представления мира способна выражать сущность души, а при обратном соотношении душа, ограниченная своей простотой, обладает небольшой частью силы, поэтому у души «одна-единственная сила» [7], подверженная регулярным изменениям.

Сообразно положению тела (от лат. *pro positu corporis*) – понятие, выделяемое в ряду терминов, принадлежащих школе «лейбнице-вольфовской» философии, и тесно связанное с функционированием силы представления мира. Вольф стремился доказать влияние данной силы на душу и связывал это влияние с изменениями души. Ярким примером таких изменений философ называл **ощущения** (от лат. *sensationes*), реализуемые как часть мира через тело человека. Таким образом, Вольф признавал силу представления мира основной силой души, функционирующей сообразно положению тела [7]. Впоследствии Баумгартен интерпретировал выводы Вольфа и представил собственное заключение (отождествление души с силой представления мира), которое находим как в § 513, так и в § 534, посвященном **чувствам** и **ощущениям**: «§ 534. *Cogito statum meum praesentem. Ergo repraesento statum meum praesentem, i. e. SENTIO. Repraesentationes status mei praesentis seu SENSATIONES (apparitiones) sunt repraesentationes status mundi praesentis (§ 369). Ergo sensatio mea actuatur per vim animae repraesentativam pro positu corporis mei (§ 513)*» [1], что в нашем переводе на русский: § 534. *Я мыслю мое теперешнее состояние. Из этого следует, что я представляю мое теперешнее состояние, то есть Я ЧУВСТВУЮ. Представления моего теперешнего состояния или ОЩУЩЕНИЯ (явления) есть представления подлинного теперешнего состояния (§ 369). Из этого следует, что мое ощущение вызвано силой представления моей души сообразно положению моего тела (§ 513).*

Литература и источники

1. Baumgarten A. G. *Metaphysica*. Editio IV. Halae Magdeburgicae: Carol. Herman Hemmerde, 1757. 432 p.
2. Лебедев А. В. Акциденция // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/1808842> (дата обращения: 15.03.23).
3. Leibniz G. W. *Die Philosophischen Schriften* / hrsg. von C. I. Gerhardt. Berlin: Weidman, 1875–1890. 598 s.
4. Лейбниц Г. В. Сочинения в четырех томах: Т. I / ред. и сост., авт. вступит. статьи и примеч. В. В. Соколов; перевод Я. М. Боровского и др. Москва: Мысль, 1982. 636 с.
5. Wolff Chr. *Psychologia rationalis*. Ed. Nova priori emendatior. Francofurti et Lipsae, 1740. 866 p.

6. Баумгартен А. Г. Метафизика // EINA: Проблемы философии и теологии. 2012. Т. 1, № 1/2. С. 141–156.

7. Wolff Chr. Vernunflige Gedanken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt. 3 Aufl. Halle, 1725. 763 s.

Об авторе

Захарова Ирина Игоревна – студентка кафедры русского языка и литературы, Филиал Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе (г. Севастополь, Россия)

О научном руководителе

Ситько Юрий Леонидович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Филиал Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе (г. Севастополь, Россия), SPIN-код: 6582-1213. E-mail: yurii.sitko@gmail.com

О рецензенте

Заика Владимир Иванович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой филологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 9877-5535. E-mail: Vladimir.Zaika@novsu.ru

**НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СТАРОРУССКОМ УЕЗДЕ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Иванов И. А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: *ilya.pola53@yandex.ru*

**POPULAR EDUCATION IN THE STARORUSSKY DISTRICT
IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES**

Ivanov I. A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: *ilya.pola53@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается положение народного образования в Старорусском уезде Новгородской губернии в период с 1880 по 1917 г. Анализ архивных источников и периодических изданий за указанный период позволяет выделить проблемы народного образования в уезде, уровень образованности населения в целом и разных групп и сословий в частности, определить тенденции в развитии народного образования.

Ключевые слова: народное образование, Новгородская губерния, Старорусский уезд, школы, учителя.

Abstract. The article examines the situation of popular education in the Starorussky district of the Novgorod province in the period from 1880 to 1917. The analysis of archival and newspaper sources for the specified period makes it possible to highlight the problems of popular education in the county, the level of education of the population among different groups and estates, to determine trends in the development of popular education.

Keywords: popular education, Novgorod region, Starorussky district, schools, teachers.

На рубеже XIX и XX столетий народное образование в Российской империи вступает в период преобразований и изменений. Вызвано это было, прежде всего, новыми явлениями в развитии экономики и культуры страны. Страна нуждалась в образованных и квалифицированных специалистах для осуществления модернизации. В конце XIX в. для достижения всеобщего образования на государственном уровне разрабатывались различные положения и программы. Вопросы качества преподавания, методики, сроков обучения контролировались государством и были едины для всех. Хозяйственные же вопросы работы образовательных учреждений государство оставляло за земствами [1].

Но прежде, чем говорить о состоянии народного образования в Старорусском уезде, стоит рассмотреть социально-демографическую характеристику уезда в изучаемый период. Старорусский уезд, хоть и был невелик по площади, являлся на рубеже XIX и XX веков самым большим по численности и, соответственно, плотности населения среди уездов Новгородской губернии. При площади в 8379,5 кв. верст в уезде проживало 191 957 человек. Кроме того, на рубеже XIX и XX веков растет число населенных пунктов в уезде. Большое количество населения означает большую потребность в образовании. К рубежу столетий уезд подошел со следующими показателями. По данным за 1880 г. в Старорусском уезде насчитывалось 97 школ всех видов – земские школы, церковно-приходские, гимназии и прогимназии, частные школы и училища. В них обучалось 4000 мальчиков и 619 девочек. По данным за следующий, 1881 г. число школ сокращается – их на весь уезд стало 78. Сокращается и число обучающихся [2. с. 89–98; 3, с. 71–80]. Говоря про здания школ, следует отметить, что школы Старорусского уезда имели не особо хорошие помещения. Из всех школ уезда лишь 16 школ имели удобные помещения. Совсем неудобными были признаны 18 школ. Там в помещениях холодно, тесно и грязно, 6 школ вообще не имели отхожих мест. 22 школы оснащены или форточками, или вентиляторами. Помимо того, что помещения школ, в большинстве своем, являлись не особо удобными, наблюдалась явная нехватка мест. В 1884–1885 учебном году 139 детям было отказано в зачислении в школу, 60% из них получили отказ ввиду нехватки помещений для образовательного процесса. Особое место среди школ занимала церковно-приходская школа имени Ф. М. Достоевского в Старой Руссе. Она выгодно отличалась от других церковно-приходских школ Новгородской губернии удобством своих помещений и качеством образования. Обращает на себя внимание и созданная специально для обучения девочек Старорусская женская прогимназия.

Первоначальное снижение количества обучающихся, характерное для 1880–1881 гг., начиная с 1882 г. сменилось ростом. Большими темпами росла численность населения уезда, но еще быстрее росло число обучающихся в школах. За 5 лет с 1880 по 1885 г. количество школьников в Старорусском уезде выросло на 21%, а школьниц на 169%. Прирост числа обучающихся превышал темпы прироста населения за эти 5 лет в 8 раз [4, с. 31–57]. Такие темпы прироста числа учащихся лишней раз доказывают востребованность идей о всеобщем образовании. Уездному земству необходимо было уделять этому вопросу должное внимание, а потому способы достижения всеобщего

образования в Старорусском уезде неоднократно ставились на повестку собраний уездного земства. На собрании от 25 сентября 1900 г. был заслушан доклад по народному образованию. В предшествующем собранию 1898–1899 учебном году Старорусский уезд насчитывал 92 школы (не считая городских), что на 3 больше, чем годом ранее. Однако такого количества школ все равно было недостаточно. По подсчётам Новгородской губернской земской управы, произведенным в 1896–1897 учебном году, Старорусский уезд нуждался еще в 139 школах, а существовавшие на тот момент школы покрывали менее 40% потребности уезда в количестве школ. Предполагалось в течение 12 лет строить по 2 школы в год – и тогда были бы созданы условия для всеобщего образования. Универсальные для всей губернии расчеты губернской земской управы не учитывали особенностей отдельных уездов, а потому на собрании уездного земства в 1900 г. была выработана своя стратегия достижения всеобщего образования. В рамках доклада на собрании от 25 сентября 1900 г. было предложено для создания нормальной сети школ в Старорусском уезде внести изменения в стратегию, принятую ранее, и изменить количество открываемых школ и их классификацию. Открывать эти школы планировалось в течение 10 лет, начиная с 1901 г. [5].

В 1904–1905 учебном году в уезде насчитывалось уже 113 школ. И хотя в предшествующем 1903–1904 учебном году было открыто 5 школ, а 2 земские преобразованы в двухклассные министерские, таких темпов было недостаточно. В начале XX в. в Российской империи потребность в квалифицированных кадрах становится еще сильнее. Кроме того, строительство Московской Виданово-Рыбинской железной дороги, проходившей через Старорусский уезд, привело к появлению в уезде новых населенных пунктов и развитию уже существовавших. Поэтому Старорусским уездным земством была разработана сеть двухклассных училищ, а в сентябре 1904 г., на собрании уездного земства, было предложено ходатайствовать перед Министерством народного просвещения об открытии еще 15 двухклассных школ. Существовала и проблема, что у уезда не хватало средств на открытие достаточного количества школ. Поэтому в 1904 г. уездное земство решило отказаться от выделения ассигнаций на церковно-приходские школы, которые являлись для уезда крайне важными, а потому начиная с конца 90-х гг. XIX в. они активно финансировались уездным земством. Но к 1904 г. в смете уездного земства уже не хватало денег на эти цели, а духовное ведомство, наоборот, располагало, по мнению земства, достаточными средствами для содержания своих школ [5; 6]. Освободившиеся средства уезд решил потратить на открытие в будущем году

10 школ, вместо 5. Кроме того, к концу рассматриваемого периода отмечается динамика увеличения расходов на народное образование и, например, в 1914 г. расходы на народное образование в уезде были самыми высокими и превысили расходы за 1880 г. в 37 раз [2, с. 89–98; 7, с. 22–23].

Не менее острой была и проблема профессионализма школьных учителей. И если Закон Божий преподавался исключительно дьяконами и священниками, то по остальным предметам специалистов было недостаточно. Учителей с высшим образованием не было совсем, а по количеству учителей, прошедших специальную подготовку, уезд занимал средние позиции в губернии. По количеству учительниц, прошедших такие курсы, уезд занимал 2-е место в губернии. Новгородское губернское земство активно занималось решением этой проблемы. В Новгородской губернии создавались специальные курсы для учителей. Перед губернским и уездным земствами постоянно ставились вопросы повышения размеров содержания учителей и их пенсий. В указанный период растет количество молодых учительниц, что говорит о вовлечении молодежи в работу в народном образовании.

Неотъемлемая часть народного образования – внеучебная деятельность. Особое место во внеучебной деятельности занимали библиотеки и их доступность для населения. По данным за 1885 г. 100% школ уезда были оснащены библиотеками. Такого высокого показателя нет ни в одном из других уездов губернии [4, с. 31–57]. Доступность книг для обучающихся и населения – важная составляющая всеобщего образования, поскольку книги – дополнение к полученным в школе знаниям и хорошее средство для самообразования. Но доступность библиотек и их количество еще не означали вовлечение в образование населения – его нужно заинтересовать в получении знаний. Для этого в уезде регулярно проводились различные чтения, посвященные памяти выдающихся поэтов, праздникам и другим темам.

Проанализировав положение народного образования в Старорусском уезде на рубеже XIX и XX веков, можно сделать вывод о том, что в это время народное образование в уезде переживает период расцвета. Прежде всего, этому способствовали демографические особенности уезда. Большое количество населения требовало модернизации в образовании, увеличения его масштабов. И это действительно происходило. На государственном, губернском и уездном уровне принимается множество мер для достижения всеобщего образования. Сеть школ Старорусского уезда расширяется. Медленно, но все же растет количество обучающихся разных полов и сословий, улучшаются условия труда учителей. Однако не всегда эти меры оказывались в достаточной мере отвечающими новым тенденциям в образовании. Школы открывались

достаточно медленно, их количества постоянно не хватало. О неоднозначности положения дел в народном образовании уезда говорит и то, что, количество девочек, учившихся в школах, хоть и росло, но в процентном соотношении с девочками, не учившимися в школах, их количество оставалось ничтожно малым. Кроме того, всего около 9,5% учащихся заканчивали полный цикл обучения. Большинство детей уходило из школ, проучившись там 1–3 года. Связано это было с желанием родителей, вызванным, прежде всего экономическими соображениями, и потребностью семей в «рабочих руках» детей. Население Старорусского уезда к 1917 году в большинстве своем так и оставалось малообразованным, а идеи о всеобщем образовании не были реализованы.

Литература и источники

1. Федотова С. Ю. Земство и проблемы начального народного образования в России конца XIX – начала XX в. // Вестник РУДН. История России. 2006. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zemstvo-i-problemy-nachalnogo-narodnogo-obrazovaniya-v-rossii-kontsa-xix-nachala-xx-v> (дата обращения: 23.03.2023).
2. Памятная книжка Новгородской губернии на 1880 год / сост. при Новгород. губ. правл. Новгород: Тип. губ. правл., 1880. 315 с.
3. Памятная книжка Новгородской губернии на 1881 год / сост. при Новгород. губ. правл. Новгород: Тип. губ. правл., 1881. 302 с.
4. Очерк народного образования в Новгородской губернии за 1884/5 учебный год. Новгород: Тип. А. С. Федорова. 1887. 555 с.
5. Филипович А. Старорусское земское собрание // Вестник Новгородского земства. 1900. Вып. 20. Новгород, 1900. С. 5–13.
6. Филипович А. Старорусское земское собрание // Вестник Новгородского земства. 1903. Вып. 20. Новгород, 1903. С. 2–12.
7. Памятная книжка Новгородской губернии на 1916 год / сост. при Новгород. губ. правл. Новгород: Тип. губ. правл., 1916. 429 с.

Об авторе

Иванов Илья Алексеевич – студент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия)

О научном руководителе

Федорук Наталья Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 6400-2380. E-mail: Natalya.Fedoruk@novsu.ru

О рецензенте

Матвеев Олег Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 2817-0476. E-mail: Oleg.Matveev@novsu.ru

**НОВГОРОДСКИЙ АВТОР ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПРЕССЫ 1941–1945 ГГ.)**

Калинина В. Д.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: *veronika2001love@mail.ru*

**NOVGOROD WAR TIME AUTHOR
(BASED ON PRESS MATERIALS 1941–1945)**

Kalinina V. D.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: *veronika2001love@mail.ru*

Аннотация. Дается характеристика разным публикациям, в которых раскрывается личность отдельного человека-автора и собирательный образ автора, остро переживающего гибель людей и разрушения на новгородской земле. В качестве материала использованы газеты

1941–1945 гг., находящиеся в библиотеках и архивах Новгородской области. Внимание сфокусировано на публикациях, отразивших новгородские реалии, новгородскую историю и жизнь людей, пострадавших во время Великой Отечественной войны. В статье обозначается специфика авторского мировосприятия, которая передается через различные художественные и нехудожественные жанры.

Ключевые слова: автор, жанр, Новгородика, Великая Отечественная война, нарратив.

Abstract. A characteristic is given to various publications, which reveal the personality of an individual author and the collective image of the author, who is acutely experiencing the death of people and destruction on Novgorod land. The newspapers of 1941–1945, which are in the libraries and archives of the Novgorod region, were used as the material. Attention is focused on publications that reflect Novgorod realities, Novgorod history and the lives of people who suffered during the Great Patriotic War. The article indicates the specificity of the author's worldview, which is transmitted through various artistic and non-artistic genres.

Keywords: author, genre, Novgorodica, Great Patriotic War, narrative.

Литературное новгородское краеведение не могло обойти вниманием раскрытие событий Великой Отечественной войны в художественных произведениях. Вместе с тем в существующих изданиях (А. З. Жаворонков, Э. Ф. Тихонова, В. В. Тюрин «Писатели на Новгородской земле», 1960; В. В. Тюрин «За земле Садко», 1986; В. В. Тюрин «От Ильменя к Неве», 1989; «Новгородский край в русской литературе», 2009) не представлена характеристика тех текстов, что создавались новгородцами во время войны.

Очевидно, что поэты-фронтовики, освобождавшие Новгород, могли изобразить освобожденную землю в художественном слове после избавления города от фашистов или вообще после победы; однако их эмоции могли передаваться в письмах, заметках, как это произошло с В. А. Рождественским: «Живое впечатление от увиденного Рождественский оставил в своем письме от 23 января 1944 года...» [1, с. 818]. Другое дело, что новгородскую тему могли раскрывать поэты-сотрудники армейских редакций, как это было, например, с Д. Б. Кедриним, работавшим в прифронтовой газете «Сокол Родины», «редакция которой располагалась возле Валдая» [2, с. 822].

Нами уже изучались комические жанры, использованные «на страницах газет, распространявшихся на территории современной Новгородской области» [3, с. 78]. Кроме того, в одной из публикаций «мы обнаружили разные приемы, с помощью которых раскрывалась тема детей на войне» [4, с. 198].

Из нескольких десятков газет нами осуществлена выборка наиболее репрезентативных. Во-первых, внимание привлекали публикации литературного характера, маркированные как стихотворения, рассказы, очерки, сказки, басни; во-вторых, – нехудожественная проза, связанная с раскрытием новгородской темы, это различные жанры журналистики: новости, хроники, репортажи, статьи, письма в газету от участников событий.

Новостные хроники ряда газет выстроены так, что их нарратив для придания убедительности мог завершаться перечислением авторов-очевидцев какого-либо события, злодеяния фашистов, например, новость «Зверства немцев в колхозе «Рогачи» завершается подписью «С. Солдатов... и другие» («В бой за родину», 1942, 29 марта, № 86 (180)). И наоборот, подписантом может быть один человек, хотя он ведет повествование от множественного числа: «наша Красная Армия», а в финале новости обращается с пламенным призывом объединяться в партизанские отряды и «уничтожать гитлеровских бандитов» («Сталинский путь», 1942, 28 июня).

Очерк-плач «Гнев земли» содержит своеобразный отчет о тайном посещении партизанами новгородских деревень; автор использует слова «мы идем по селам Шимского района», обозначая и локус, и сопричастность партизанской разведке, автору важно передать не только придавленность населения «немецким сапогом», но и зреющий «священный гнев» («Шимская правда», 1943, 10 янв., № 1). И. Полярному принадлежат различные публикации в новгородских и ленинградских газетах. «Правда о немецкой каторге: Рассказ крестьянина деревни Добросли Демянского района Ленинградской области Михаила Ефимовича Ковалева, вырвавшегося из фашистского плена» («За Советскую родину», 1943, 29 апр., № 3) имеет

трехчастную композицию, в каждой части свой автор – сначала это редакция, сообщающая об удивительном освобождении из немецкого лагеря, затем рассказчик М. Ковалев – участник событий, и наконец, его дочери, которые благодарят воинов и просят отомстить врагу за мучения их отца.

В статье «Они обмануты: По поводу издевательств немцев над солдатами и офицерами РОА в Уторгошском районе» от лица автора, скрывающегося за криптонимом М. К., рассказывается о ситуации, в которой оказались офицеры и солдаты Русской освободительной армии, поверившие немцам. Автор нарочито не использует оценочную лексику, не называет этих людей предателями, «власовцами» или вставшими на путь фашизма. В безликом повествовании он демонстрирует контраст отношения к «заблудившимся» воинам: гитлеровцы их избивают, морят голодом, распространяют о них лживую информацию, и напротив, повернувшие «оружие против своих заклятых врагов-немцев», «тепло встреченные и принятые партизанами... приближают день нашей победы» («За Советскую родину», 1943, 12 сент., № 29). Даже оступившиеся советские воины не подвергаются осуждению, в случае правильного решения они будут восприняты как «настоящие сыны родины», и словосочетание «день нашей победы» оказывается объединяющим и партизан, и вчерашних солдат РОА, ныне сражающихся против фашистов.

Среди публикаций, в которых обладают художественным значением авторская эмоциональная лексика или композиционные решения, есть и те, которые оказываются по-настоящему художественными произведениями, например, стихотворение Д. Донского «Новгород», где появляется образ «раненого витязя», который будет возрожден и «трижды славен» («Новгородская правда», 1944, 19 авг., № 3). Пускай это не лирическое стихотворение, в нем есть клятва: «Мы ничего злодею не простим», пафос ненависти и мести, но важен сам факт публикации такого текста в одном из первых номеров только что рожденной газеты «Новгородская правда». Сотрудник редакции, скрывающийся за этим псевдонимом, словно намекает своим именем на славную боевую историю побед русского воинства над громадным и сильным врагом. В. Алексеев из поселка Батецкая публикует стихотворение «В этот день», в котором предвещает день победы над врагом, очевидно, что это образованный житель освобожденной территории: «Мы в бою и труде сознательном / Приближаем победы час» («Красное знамя», 1945, 1 янв., № 1). Этот пример является образцом творчества вдохновленного советского гражданина, направившего свои стихи в редакцию ленинградской газеты.

Н. Киселев написал необычный очерк-репортаж «Танкисты», в котором танкист, освобождавший Новгород, рассказал об истории отступления и о том, как в 1941 г. подобрал открытку с изображением «Софийского собора в своем золотом убранстве», а теперь, после освобождения города, он подарил эту открытку корреспонденту, написав: «Вечно здравствуй, господин Великий Новгород, 20 января 1944 года» («Новгородская правда», 1945, 20 янв., № 8 (49)). Почти фантастическим кажется и другой материал «В честь победы», который опубликован парторгом МТС П. Филипенко («Звезда», 1945, 8 февр. № 6 (6639)), в его истории представлен диалог тружеников села, своим ударным трудом отмечающих победу над врагом, хотя на дворе еще 8 февраля 1945 г.

Тот же Н. Киселев опубликовал в «Новгородской правде» к 8 Марта лирическое стихотворение «Девушке-пилоту», в котором от лица народа просит ее, вчерашнюю доярку, ускорить победу и отомстить Берлину «на птице краснокрылой» («Новгородская правда», 1945, 8 марта, № 29 (70)) за зверства фашистов. В другой новгородской газете по тому же праздничному поводу опубликовано стихотворение фронтовика И. Дмитриева «Письмо милой», оно в виде лирического письма: «Из окопов переднего края / Шлю тебе я, родная, привет...» («Звезда», 1945, 8 марта, № 10 (6643)). Таким образом, новгородские издания печатали разных авторов, в том числе и солдат с передовой, передавая их эмоции родному краю и приближая победу.

Пока сложно говорить о своеобразной типологии авторов в различных публикациях. Предлагаемая статья – пока первая в постижении данного материала. Очевидно, что в редакциях газет были универсальные журналисты, которые писали стихи, очерки, фиксировали репортажи, создавали рассказы – они выступали универсальными литераторами, работавшими в разных жанрах, что наблюдается по газете «Звезда», а с 1944 г. – и по газете «Новгородская правда». Наиболее яркими, на наш взгляд, являются авторы И. Полярный, Н. Киселев, Д. Донской.

Среди особенностей, которые мы замечаем в журналистских жанрах, – это переход от начального монолога с местоимением первого лица единственного числа к монологу, в котором появляется «мы», как правило, это клятвенное обещание не забыть причиненное горе и страдания, обещание мести врагу, коллективная вера в победу, в созидание после разрухи и опустошения. Подобная объективация в представлении точки зрения автора позволяет ему стать более убедительным, данный риторический прием использовали как профессиональные журналисты, так и читатели, обращавшиеся в газеты со своими стихами и письмами.

Проанализированные стихотворения и очерки имеют агитационный характер, выполняют важную идеологическую функцию – поднять боевой и трудовой дух. Личность и характер автора не могут проявиться в самом тексте (это солдаты, офицеры, журналисты и мирные граждане), главным выступает собирательный образ страны, народа, а потому наиболее частым в речи повествователей выступает местоимение «мы», «наше».

Литература и источники

1. Игошева Т. В. «Мой Новгород!»: Всеволод Александрович Рождественский // Новгородский край в русской литературе: сборник. Великий Новгород: Изд-во НовГУ. 2009. С. 818.
2. Кошелев В. А. «Мать – новгородская София...»: Новгород в русской поэзии Великой Отечественной войны // Новгородский край в русской литературе. Великий Новгород: Изд-во НовГУ. 2009. С. 822.
3. Калинина В. Д. Комическое в условиях войны (на материале произведений, опубликованных в газетах 1941–1945 гг. на территории Новгородской области) // Дни науки и инноваций НовГУ. Материалы XXVIII научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ. В 2-х частях. Сост. и науч. редакторы О. В. Труфанова, Г. В. Волошина. Великий Новгород, 2021. С. 77–81. DOI: 10.34680/978-5-89896-756-7/2021.DN-1.14
4. Калинина В. Д. Шадурский В. В. Дети на войне: по публикациям в отечественной прессе 1941–1945 гг. // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: сборник научных трудов. Тверь, 2022. Вып. 11 (17). С. 198–206.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 23-28-01762, <http://rscf.ru/project/23-28-01762/>

Об авторе

Калинина Вероника Дмитриевна – студентка, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия)

О научном руководителе

Шадурский Владимир Вячеславович – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 8263-7010. E-mail: shadvlad@mail.ru

О рецензенте

Бердяева Ольга Сергеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 3358-8283. E-mail: bos4@mail.ru

МЕДИАКУЛЬТУРА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Карпусь В. Е.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: *karpus.2018@list.ru*

MEDIA CULTURE IN THE INFORMATION SOCIETY

Karpus V. E.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: *karpus.2018@list.ru*

Аннотация. В данной статье проанализировано понятие «медиакультура», сопоставлены определения, данные разными авторами, описаны ее особенности и функции. Выявлено также, что гетеротопия является частью медиакультуры. На примере программы «Абсолютных слух» канала «Культура» и канала «Иван Соколов. Лекции об искусстве» показано, что современные медиа транслируют не только массовую культуру, но и высокую.

Ключевые слова: медикультура, медиа, культура, искусство.

Abstract. This article analyzes such a concept as «media culture», provides definitions given by different authors, describes its features and functions. It is also revealed that heterotopia is part of the media culture. On the example of the program "Absolute hearing" of the channel "Culture" and the channel "Ivan Sokolov. Lectures on art" it is shown that modern media broadcast not only popular culture, but also high.

Keywords: media culture, media, culture, art.

Еще академик Дмитрий Сергеевич Лихачев отмечал, что «человеческая культура в целом не только обладает памятью, но это память по преимуществу. Культура человечества – это активная память человечества, активно же введенная в современность» [1, с. 153]. Приведенная цитата несколько не утратила своей значимости и актуальности, а также обрела новый смысл. Возникновение такого понятия, как медиакультура, относят к XX веку. Но с появлением интернета и развитием социальных медиа можно говорить о расширении поля медиакультуры.

Целью данной работы является рассмотрение понятия «медиакультура», выявление ее особенностей и функций на примере программ об искусстве в медиаполе, так как они являются частью медиакультуры и отражают ее тенденции. Материалом для исследования стали программа «Абсолютный

слух» на телеканале «Культура» и канал в видеохостинге YouTube «Иван Соколов. Лекции об искусстве». Выборка может считаться репрезентативной в силу того, что выпуски программы и канала схожи по формату и тематике. Использованы такие методы, как описание, обобщение и контент-анализ. Теоретической базой исследования послужили работы авторов, которые исследуют медиакультуру и понятия, связанные с ней (Н. Б. Кириллова «Медиакультура и основы медиаменеджмента», N. YU. Buryak «Media culture as a phenomenon of the modern information society», Л. В. Баева «Медиаобъекты как гетеротопии»).

Стоит отметить, что нет одного общепринятого определения данного понятия. Н. Б. Кириллова в учебном пособии «Медиакультура и основы медиаменеджмента» таким образом определяет данное понятие: «Медиакультура – это совокупность информационно-коммуникационных средств, выработанных человечеством в процессе культурно-исторического развития, способствующих формированию общественного сознания и социализации личности. Медиакультура включает в себя культуру производства и передачи информации, а также культуру ее восприятия...» [2, с. 14–28]. Цитата академика Д. С. Лихачева о том, что культурная память человечества введена в современность, обретает некий новый смысл потому, что появились массмедиа, и это дает основание говорить о новом канале продвижения культурных практик. Соответственно, культурная память человечества и медиа некоторым образом связаны между собой. Можно привести еще одно определение медиакультуры. Кандидат культурологии Н. Ю. Буряк в своей статье пишет: «Информационная культура, или, как ее чаще называют, медиакультура, в настоящее время является определенным показателем уровней развития личности, которая способна адекватно воспринимать, критически осмысливать и анализировать медиатекст, выступать в роли медиаконструктора, активно приобретать новые знания о медиaprостранстве...» [3]. Практически в каждом определении говорится не только о распространении культуры посредством интернета, но и о получателе информации. То есть медиакультура – это многогранное понятие, включающее в себя главным образом канал передачи и получателя. Это согласуется с моделью коммуникации Г. Лассуэлла.

Медиакультура и коммуникация связаны между собой. В модели Г. Лассуэлла есть коммуникатор, сообщение, канал, реципиент и эффект от полученного сообщения [4]. Одним из главных признаков медиакультуры является массовость, то есть распространение массовой культуры для большой аудитории. И эффект от такой коммуникации не кажется положительным авторам и исследователям данной темы. Но все же пока не стоит говорить о

том, что высокая культура в медиапространстве теряет свою роль. Так как в медиаполе существуют каналы о классической музыке, изобразительном искусстве, а также проекты, которые объединяют в себя все виды искусств.

Arzamas.academy – это проект, посвященный истории культуры. Он совмещает в себе видеоматериалы, радио, журнал, различные курсы и специальные проекты о культуре. Можно сказать, что это гетеротопное пространство. Понятие гетеротопия ввел французский философ Мишель Фуко, обозначив им пространство внутри пространства. Можно сказать, что социальные медиа и интернет в целом представляют собой медиагетеротопии. То есть гетеротопия стала частью медиакультуры.

Видеохостинг YouTube, который тоже является гетеротопным пространством и одним из каналов медиакультуры, часто противопоставляют телевидению. Стоит отметить, что в видеохостинге также есть каналы о высокой культуре. Но телевидение, как традиционное СМИ, изменяется и следует трендам. Программы канала «Культура» теперь существуют на мультимедийной онлайн-платформе «Смотрим». Программа «Абсолютный слух» и канал в видеохостинге «Иван Соколов. Лекции о классической музыке» имеют общую тематику. Это позволит провести наиболее релевантное сравнение. Программа «Абсолютный слух» – альманах по истории музыкальной культуры, иначе говоря, тележурнал с большим спектром тем, связанных с музыкой. Это и происхождение песен и история, биография композиторов, оперные и балетные постановки [5]. Ведущим является артист балета Геннадий Янин. Канал «Иван Соколов. Лекции о классической музыке» затрагивает различные периоды, как отмечается в аннотации программы «От Баха до наших дней» [6]. Лекции выходят каждую неделю. Канал включает в свое название фамилию ведущего, композитора, пианиста и музыковеда. Здесь можно увидеть сходство: ведущие являются не журналистами, а экспертами. Можно сказать, что на этом сходство выбранных программ заканчивается, так как подача информации отличается.

Иван Соколов ведет свои выпуски в формате лекций, что и заявлено в названии канала. В кадре ведущий за роялем, во время лекции иногда Иван Соколов исполняет музыкальное произведение. Каждая лекция посвящена одному композитору. Нет четкого хронометража. Время может варьироваться от 17 до 50 минут. Публикуются концерты классической музыки. Подобная подача материала создает эффект присутствия, так как ведущий, читая лекцию, может рассказать истории, связанные с ним или героем выпуска, он показывает свои эмоции, что приемлемо не для всех программ на телевидении. Подобные живые

лекции вызывают эмоциональный отклик зрителя, что можно увидеть по комментариям к видео. Также у канала есть подкасты, которые сейчас популярны.

Выпуски программы «Абсолютный слух» композиционно разделены на две части, половина выпуска посвящена одному композитору или артисту балета, вторая – другому. Хронометраж строго регламентирован – 39 минут. В кадре появляется ведущий Геннадий Янин, и в следующий раз его можно увидеть в начале второй части выпуска. Съемки ведутся не только из студии, но и из мест, которые связаны с героем. Присутствуют кадры видео и фотохроники. К каждому выпуску есть краткое содержание в описании. Выбранные программы действительно способствуют формированию сознания, о чем говорится в определении понятия медиакультуры, но проследить, как они влияют на зрителя, не получится, так как возможность посмотреть комментарии есть только у канала «Иван Соколов. Лекции о классической музыке», но и выбранные комментарии не давали бы полной картины. Можно отметить, что выпуски действительно развивают личность, так как программы сложно отнести к развлекательным и темы выпусков относятся к высокой культуре.

Таким образом, медиакультура – многогранное понятие. Оно включает в себя и сообщение, и канал, и коммуникацию в целом. Роль медиакультуры в информационном обществе усилилась, так как появились новые каналы передачи информации. А с развитием медийного «фастфуда» обращение к высокой культуре становится просто необходимым. И именно медиа сегодня транслируют и популяризируют искусство. Медиакультура требует глубокого анализа, так как охватывает разные сферы жизни человека и влияет на его развитие и восприятие мира. Анализ выбранных программ показал, что тема искусства может транслироваться с помощью разных подходов и новых форматов медиа. Поэтому нет оснований утверждать, что медиа ориентированы только на массовую культуру.

Литература и источники

1. Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. Москва: АСТ, 2021. 192 с.
2. Кириллова Н. Б. Медиакультура и основы медиаменеджмента: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во урал. ун-та, 2014. 184 с.
3. Buryak N. Yu. Media culture as a phenomenon of the modern information society // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. No. 5–3 (56). С. 177–178.
4. Модели коммуникаций: Модель Лассуэла // Маркетинг для практиков: сайт. URL: <https://marketing-course.ru/model-lasswell/> (дата обращения: 18.03.2023).
5. Абсолютный слух // Сетевое издание «Смотрим». URL: https://smotrim.ru/brand/20892?utm_source=internal&utm_medium=serp&utm_campaign=serp (дата обращения: 19.03.2023).

6. Иван Соколов. Лекции о классической Музыке // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/@user-hr8tf6tg9g/about> (дата обращения: 19.03.2023).

Об авторе

Карпусь Вероника Евгеньевна – магистрант, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия)

О научном руководителе

Василенко Ирина Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 9452-8499. E-mail: niv05@mail.ru

О рецензенте

Каминская Татьяна Леонидовна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой журналистики, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 5974-1246. E-mail: tlkam1@mail.ru

ЛИТОВСКИЙ НАБЕГ НА РУСУ 1234 ГОДА И ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА «ЗАСАДА» В ЛЕТОПИСАНИИ XIII–XV ВЕКОВ

Клейменов В. И.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

(г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: vikleymenov@edu.hse.ru

LITHUANIAN RAID ON RUSA (1234) AND THE MEANING OF THE WORD "ZASADA" IN CHRONICLES (13TH–15TH CENTURIES)

Kleymenov V. I.

National Research University Higher School of Economics

(Saint Petersburg, Russia)

E-mail: vikleymenov@edu.hse.ru

Аннотация. Статья посвящена литовскому набегу на Русу в 1234 г. В работе приводится новая реконструкция хода сражения, которая, в отличие от предложенной М. А. Несиным, не противоречит данным источников. Кроме того, определяется значение слова «засада» в летописании XIII–XV вв.

Ключевые слова: военная история, «засада», новгородско-литовское пограничье, Руса (Старая Русса), Новгород, Литва, XIII век.

Abstract. The study is devoted to the Lithuanian raid on Rusa (1234). This research provides the new reconstruction of the course of the battle, which does not contradict the sources, in contrast to the one suggested by Mikhail Nesin. Besides, the meaning of the word *zasada* in the chronicles of 13th–15th cc. is defined.

Keywords: military history, *zasada*, Novgorod-Lithuanian borderland, Rusa (Staraya Russa), Novgorod, Lithuania, 13th century.

Ситуацию на новгородско-литовском пограничье в начале XIII в. трудно назвать спокойной. Новгородские владения по берегам Ловати и Шелони регулярно подвергались нападениям литовцев с конца XII в. В 1223 г. литовцы разоряют окрестности крупнейшего пригорода Новгорода – Русы (совр. г. Старая Русса), впервые зайдя так далеко вглубь новгородских территорий [1, с. 61]. К этому моменту Руса уже успела обзавестись деревянными укреплениями: строительство крепости было завершено в 1201 г. [1, с. 45]. Для защиты юго-западных рубежей Новгорода от литовских набегов в 1239 г. князь Александр Ярославич с новгородцами «сруби городи» на Шелони [1, с. 77]. В. Л. Янин выделил пять «шелонских городков»: Порхов, Опоку, Высокое,

Вышегород и Кошкин городок [2, с. 82]. Однако за пять лет до этого рушанам вновь пришлось отражать очередное нападение литовцев, которое оказалось куда более серьезным, чем первое.

Литовский набег на Русу в 1234 г. хорошо известен историкам, но до недавнего времени они, как правило, ограничивались лишь упоминаниями о нем. Первая попытка реконструировать ход сражения была предпринята М. А. Несиным в отдельной статье, полностью посвященной данному событию [3]. По мнению М. А. Несина, при отражении литовского набега в 1234 г. рушане устроили засаду на торгу – это, как считает исследователь, является первым упомянутым в источниках случаем применения засадной тактики в древнерусском военном деле [3, с. 79]. Данное утверждение закономерно вызвало серьезную критику со стороны специалистов. Предложенную М. А. Несиным реконструкцию трудно назвать убедительной: она основана на вольном прочтении летописного известия, а ряд ошибок топографического характера указывает на крайне поверхностное знакомство автора с топографией Старой Руссы. В связи с этим реконструкция литовского набега на Русу в 1234 г. нуждается в пересмотре и уточнении.

Описание литовского набега на Русу в 1234 г. содержится в известии Новгородской первой летописи старшего извода (далее – НПЛ (ст.)) [1, с. 73]. Для того, чтобы реконструировать ход сражения, необходимо разделить летописный текст на смысловые части и проанализировать содержание каждого фрагмента (см. таблицу 1).

Таблица 1. Известие НПЛ (ст.) о литовском набеге на Русу 1234 г.

№	Летописный текст	Содержание фрагмента
1.	Томъ же лѣтъ (6742 г.) изгониша Литва Русь оли до търгу,	Нападение литовцев
2.	и сташа рушанѣ, и засада: огнищанѣ и гридба, и кто купецъ и гости,	Описание состава обороняющихся
3.	и выгнаша я ис посада опять, бьющеся на поли;	Вытеснение литовцев с территории посада, полевое сражение за городом
4.	и ту убиша нѣколикѣ Литвы, а рушанѣ 4 мужа: попа Петрилу, 2 Павла Обрадиця, а ина два мужа;	Перечисление потерь («синодик»)
5.	а манастирь святого Спаса всѣ пограбиша, и церковь полупиша всю, и иконы и прѣстоли, и цѣренци 4 убиша,	Разграбление литовцами Спасо-Преображенского монастыря
6.	и отступиша на Клинь.	Отход литовских сил

На основании данного летописного известия мы можем реконструировать ход сражения следующим образом. Использованный новгородским летописцем глагол «изгониша» указывает на то, что нападение литовцев на Русу в 1234 г. было стремительным и внезапным. Именно этим данный набег отличается от прошлого литовского рейда на окрестности Русы в 1223 г.: в тот раз рушане, напротив, оказались готовы к нападению и даже вышли за пределы города, чтобы атаковать литовцев, но потерпели поражение [1, с. 61]. Литовский набег на Русу в 1234 г., по всей видимости, был совершен с юга – со стороны Торопца и Полоцкой земли, которая служила литовцам плацдармом для нападений на новгородские владения. Воспользовавшись эффектом неожиданности, литовцы ворвались на территорию посада и почти беспрепятственно достигли торгового, который располагался в центральной части города, в районе пересечения современных улиц Минеральной и Сварога (подробнее см. [4], автор благодарит К. Г. Самойлова за консультацию по топографии средневековой Русы). Параллельно с этим часть литовских сил, вероятно, отдельный отряд, напала на Спасо-Преображенский монастырь и разграбила его, убив четырех монахов (фрагмент 5). Ворвавшимся в город литовцам, согласно летописному сообщению, противостояли «рушане» (представители городской воинской корпорации – городского полка Русы), «засада» (гарнизон крепости, состоявший из огнищан и гридей), а также «купцы» и «гости». Во фрагменте 2 не только уточняется состав гарнизона-«засады», но и подчеркивается, что в обороне города участвовали представители «торгового люда». В новгородском летописании известны упоминания об участии в боевых действиях купцов, «купеческих детей» и рядового городского населения («черных людей») [1, с. 86, 95, 391], однако подобные ситуации казались летописцам нетипичными. Случаи участия купцов, «купеческих детей» и «черных людей» в боевых действиях в составе городского полка Новгорода рассмотрены нами в обобщающей статье [5, с. 90–92, 94–96]. Во время литовского набега на Русу в 1234 г. именно «купцы» и «гости» находились на торгу, где они, по всей видимости, и приняли бой. Торговцы, вынужденные защищать свои товары и собственную жизнь, оказали сопротивление литовцам, выступив в непривычной для себя роли. Пока на торгу шло сражение между литовцами и «торговым людом», профессиональные воины («рушане» и «засада») успели собрать достаточно сил, чтобы дать отпор нападающим. Защитникам удалось отеснить литовцев и выбить их с территории посада – бой продолжился на поле за пределами города (фрагмент 3). Представляется, что полевое сражение произошло к югу от Русы, а не к северу, как считает М. А. Несин [3, с. 79]. На

это указывает направление отхода литовцев: потерпев поражение в битве, они были вынуждены отступить «на Клинь» (фрагмент 6). Населенный пункт с таким названием локализован В. Л. Яниным в южной части Новгородской земли, на новгородско-торопецком пограничье [2]. Данный вывод В. Л. Янина также может служить аргументом в пользу того, что в 1234 г. литовские силы вторглись на новгородские земли со стороны Торопца и атаковали Русу с юга. Потери рушан, согласно летописи, составили 4 человека (фрагмент 4), среди которых упоминается поп Петрила.

Отдельного рассмотрения заслуживает слово «засада», встречающееся во фрагменте 2. По предположению М. А. Несина, в контексте данного летописного известия «засада» означает скрытый отряд – этот «засадный полк» якобы атаковал литовцев на территории торгового пункта [3]. Именно эта интерпретация слова «засада», на которой основана реконструкция М. А. Несина, и является самой слабой ее частью. Исследователь ссылается на словарь И. И. Срезневского, в котором приводятся два значения существительного «засада»: 1. отряд войска, находящийся в городе для его защиты; 2. отряд войска, помещенный в скрытом месте для нападения на неприятеля [6, с. 946]. Примечательно, что в этой словарной статье сообщение НПЛ (ст.) о набеге литовцев на Русу в 1234 г., наоборот, приводится в качестве иллюстрации к первому значению слова «засада». Что же касается его второго значения, то М. А. Несин вслед за И. И. Срезневским обращается к известию Псковской первой летописи (далее – П1Л) под 6748 (1239) г.: «*Избиша Литва на Комнѣ пскович засадою, месяца сентября въ 25 день*» [7, с. 13]. Из сообщения П1Л следует, что литовцы напали на псковичей из засады и разбили их. Топоним «на Комнѣ» в данном случае относится не к одноименному погосту под Псковом, а к Каменному озеру (благодарю С. А. Салмина за уточнение), расположенному на юге Псковской земли неподалеку от Коложе, т. е. прямо на псковско-литовском пограничье. Учитывая это, становится понятно, как литовцам устроить засаду и заманить в нее псковичей. Действительно, в данном известии «засада» означает скрытый отряд, однако следует обратить внимание на грамматическую форму этого слова. Существительное «засада» стоит в форме косвенного падежа – творительного, выполняющего синтаксическую функцию *modi* (образа действия) или *instrumentalis* (инструментальную). Следовательно, если слово «засада» встречается во втором значении («спрятанный от неприятеля отряд»), оно должно иметь форму творительного падежа. В известии НПЛ (ст.) о литовском набеге на Русу существительное «засада», напротив, стоит в именительном падеже, поэтому у нас нет оснований

полагать, что оно может означать не гарнизон крепости, а некий «засадный полк». Тем более, что для обозначения скрытого отряда существовало более точное слово – «подъсада». Именно это слово и использовали летописцы в тех случаях, когда речь шла о спрятанных где-либо воинах [1, с. 82; 7, с. 32; 8, с. 35, 116]. Если бы при отражении набега литовцев в 1234 г. рушане в самом деле устроили засаду на торгу, то мы с высокой долей вероятности увидели бы в летописном сообщении слово «подъсада». Очевидно, что новгородский летописец ничего подобного не имел в виду, поэтому он использовал слово «засада» в его основном значении – «гарнизон крепости». Не менее показательным, что именно в этом значении слово «засада» используется и в берестяных грамотах. Так, В. Л. Янин идентифицирует «городчан» из грамоты № 704 как «засаду» пограничного Кошкина Городка, которая фигурирует в грамоте № 636 (подробнее см. [9, с. 36–37, 92–95; 2, с. 84–85]).

Таким образом, отражение литовского набега на Русу в 1234 г. не может считаться первым упомянутым в источниках случаем применения засадной тактики. Предположение М. А. Несина о «засадном полку» рушан на территории торгового пункта является не более чем плодом фантазии исследователя. Приведенная в данной работе реконструкция хода сражения, а также выводы о значении слова «засада» могут быть использованы в дальнейших исследованиях по военной истории Северо-Запада Руси.

Литература и источники

1. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). Москва; Ленинград: АН СССР, 1950. 640 с.
2. Янин В. Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 212 с. С. 82.
3. Несин М. А. Русско-литовское сражение в Русе 1234 года: к вопросу о первом упоминании применения русскими войсками засадной тактики // Страны Балтии и русский Северо-Запад: исторический опыт взаимодействия: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., Великий Новгород, 30 ноября – 1 декабря 2017 г. / сост. и отв. ред. М. Б. Бессуднова, НовГУ им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, 2018. С. 75–80.
4. Миронова В. Г., Суховаров В. Н. Начальная топография Старой Руссы // Становление европейского средневекового города. Москва: Наука, 1989. С. 55–79.
5. Клейменов В. И. Организация городских полков Новгорода и Пскова в XIV – 1-й пол. XV в. // *Novogardia*. 2021. № 3 (11). С. 60–97.
6. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Санкт-Петербург: Тип. Императорской акад. наук, 1883. Т. 1. 1420 с.
7. Псковские летописи. Вып. I. Москва; Ленинград, 1941. 146 с.
8. Псковские летописи. Вып. II. Москва: Изд-во Акад. Наук, 1955. 364 с.
9. Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). Москва: Наука, 1993. 348 с.

Об авторе

Клейменов Виталий Игоревич – студент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург, Россия)

О научном руководителе

Вовин Алексей Александрович – кандидат исторических наук, доцент департамента истории, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург, Россия), SPIN-код: 3091-7676. E-mail: avovin@hse.ru

О рецензенте

Самойлов Кирилл Глебович – научный сотрудник Центра археологических исследований, старший преподаватель кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 5840-6817. E-mail: jevoli@mail.ru, Kirill.Samoylov@novsu.ru

**«УСАДЕБНЫЙ МИФ» ВО «ВНЕУСАДЕБНОМ» ПРОСТРАНСТВЕ
И. А. БУНИНА**

Козлова Е. В.

Псковский государственный университет

(г. Псков, Россия)

E-mail: *evako3lova@yandex.ru*

**THE "ESTATE MYTH" IN THE "OUT-OF-ESTATE" SPACE
OF I. A. BUNIN**

Kozlova E. V.

Pskov State University

(Pskov, Russia)

E-mail: *evako3lova@yandex.ru*

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать мотивы «усадебного текста» в прозе И. А. Бунина периода эмиграции. Тема «усадебного мифа» как объект исследования относительно молода, тем не менее, литературоведы не раз обращались с этой точки зрения к творчеству Бунина. Цикл «Темные аллеи» – один из крупных памятников этой культуры. Анализ двух рассказов цикла («Темные аллеи», «Поздний час») показывает, что усадебное пространство следует за носителями усадебной культуры.

Ключевые слова: русская усадьба, усадебный текст, аллея, дом.

Abstract. The article attempts to analyze the motives of the "estate text" in the prose of I. A. Bunin during the emigration period. The theme of the "estate myth" as an object of research is relatively young; nevertheless, theorists of literature have repeatedly addressed Bunin's work from this point of view. The cycle "Dark Alleys" is one of the major monuments of this culture. The analysis of two stories in the cycle ("Dark Alleys", "Late Hour") shows that the estate space follows the bearers of the estate culture.

Keywords: Russian estate, estate text, alley, home.

Русская усадьба имела периоды взлета и падения, к чему литература была наиболее чувствительна. Но своего наибольшего материального упадка она достигла в начале XX века в связи с общим кризисным состоянием страны. Творчество Ивана Бунина периода эмиграции является квинтэссенцией тоски по «утраченному раю» с центром – той самой усадьбой детства, первой любви, познанием мира и себя.

Тема «усадебного мифа» как объект исследования относительно молода. Тем не менее современные исследователи литературы, культуры и искусства проявляют к ней повышенный интерес. Об этом свидетельствует ряд научных

трудов на рубеже XX–XXI веков, а также возрождение Общества изучения русской усадьбы, упраздненное в СССР. Оно содействует изучению русской усадебной культуры и появлению научных и популярных изданий, включая периодические (сборники «Русская усадьба», «Жизнь в усадьбе»).

ИМЛИ РАН ведет научные проекты «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд» (2018–2021 гг.) и «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала» (рук. О. А. Богданова, 2022–2024 гг.). Главной задачей проектов является создание неизменной модели «усадебного топоса» русской литературы как важнейшего культурного и национального кода, обеспечивающего единство и преемственность русской культуры на протяжении столетий (см.: Концепция проекта РНФ № 22-18-00051. URL: <http://litusadba.imli.ru/koncepciya-proekta>). Только за прошедшие годы благодаря проектам проведены многочисленные семинары и конференции, опубликовано несколько статей и монографий.

Мир русской усадьбы оформился чуть более столетия назад, незадолго до его материальной кончины. Тем не менее усадьба продолжала жить в текстах русских эмигрантов первой волны и продолжает появляться на страницах современной литературы (например, «Авиатор» Е. Г. Водолазкина).

«Усадебный миф» явился генератором образцовых структур, выведенных на основе переживаний социальных и культурных разломов. Поэтому для него так характерна элегическая ностальгия по утраченному раю. Исходной точкой «рая» в первую очередь является ветхозаветное предание, О. А. Богданова также говорит о новозаветном пророчестве о «тысячелетнем царстве» праведников во главе с Христом [1, с. 107]. Мы учитываем все ключевые функции этого топоса: это и обустроенное Богом пространство, и изначальная невинность, и грехопадение (чаще по причине любви), и очищение.

В русской культуре конца XVIII – начала XX в. фундаментальными составляющими усадебного топоса являются не только господский дом, но и вся прилегающая к нему территория сада и парка, а также ряд других внутренних построек. Садово-парковое оформление – центр этого микромира. Усадьба в любые времена ассоциировалась с местом покоя, обретения гармонии души в окружении природы, поэтому многие дворянские усадьбы были окружены тенистыми парками [2, с. 236], где «прямые и узкие аллеи углублялись от дома на значительное расстояние... не стриженные и с такой тесной посадкой лип, к какой обычно в Западной Европе не прибегали (что важно для И. А. Бунина. – Е. К.). Делалось это в русских усадебных парках, чтобы дать спокойный приют птицам. <...> Аллеи лип бывали ... темные и прохладные» [3, с. 420].

Эта особенность садово-паркового ансамбля становилась важной семиотической характеристикой усадебного текста, начиная с XVIII века. Часто аллеи становились местом встречи влюбленных, размышлений о любви. В произведениях Пушкина, Тургенева, Гончарова любовные свидания среди аллей изображаются на фоне весны или лета. Поэзия начала XX века вступает с этой традицией в культурный диалог, изображая то «аллеи, где кружат листья» (Н. С. Гумилев), то «рай зеленый» «меж старых лип» (В. В. Набоков) [4, с. 219].

Квинтэссенцией и традиций, и их преломлений становится цикл «Темные аллеи». Его символика (которая была изучена не одним поколением литературоведов) совмещает в себе пласты русской национальной жизни, эмигрантского «настоящего» – в противовес потерянному «прошлому» – и мифопоэтизацию усадебной жизни. Создавая этот цикл, Бунин находился в эмиграции, острее чувствуя невозвратную потерю всего, что было разрушено в покинутой им России. Эта убежденность в невозможности преемственности между «прелестью увядшей красоты» и уродливостью «Московщины» почувствовалась им еще в рассказе «Несрочная весна» (1923). Но русская усадьба – сосредоточение всего лучшего и невозвратного, сосредоточение жизненных смыслов и неодинокости души.

Именно таким «усадебный миф» предстает в открывающем цикл рассказе. Не все герои рассказов физически привязаны к усадебному топосу, но они остаются носителями «усадебной культуры», которая в них заложена, с присущей ей системой ценностей, взглядов, мироощущением и поведением. Не случайно автор уделяет такое пристальное внимание убранству избы в первом рассказе. Особое место в этом описании занимает печь как символ домашнего очага и уюта. И не завершая простым упоминанием, автор дополняет: «...из-за печной заслонки сладко пахло щами – разварившейся капустой, говядиной и лавровым листом» [5, с. 8]. Эти подробности – сквозная линия всего цикла, которая связывает произведения Бунина с традициями идиллии. Дом часто изображается в провинции, что дает более обширную картину изображаемого мира и национальной культуры. Через ольфакторный характер описания пространства дома читатель бессознательно погружается в ощущение спокойствия и комфорта. Вообще еда и прием пищи – важные мотивы создания картины усадебной идиллии у Бунина: «И я помню веселые обеденные часы нашего дома, обилие жирных и сытных блюд, зелень, блеск и тень сада за раскрытыми окнами, много прислуги, много гончих и борзых собак, лезущих в дом, в растворенные двери, много мух и великолепных бабочек... Помню, как сладко спала вся усадьба в долгое послеобеденное время...» («Жизнь Арсеньева») [6, с. 25]. Так и в восприятии Николая Алексеевича запах из печи в придорожной избе становится аккумулятором усадебных воспоминаний.

Любовь Николая Алексеевича и Надежды является предметом прошлого и связана с топосом усадьбы, поэтому для каждого из них воспоминания о ней воспринимаются как нечто невозвратное и невоплотимое. Но именно этот покинутый уголок «рая» является для них самым счастливым эпизодом жизни. Николай признается: «Думаю, что и я потерял в тебе самое дорогое, что имел в жизни» [5, с. 11]. Разница только в том, что Надежда остается носителем усадебной культуры в большей степени, чем ее непосредственный наследник. Он приходит извне, она находится в небольшом, но цельном, упорядоченном пространстве дома, который противопоставлен дороге. Николай Алексеевич замечает, как «чисто, приятно» в доме хозяйки именно потому, что она «при господах выросла». Таким образом, пространство обретает черты «усадебного мифа» только благодаря его носителям.

Мотив воспоминания-узнавания на фоне усадебного пространства (или его реконструкции, как это чувствует Николай Алексеевич в доме Надежды) характерен и для рассказа «Поздний час». Усадебный текст использует формулу возвращения в родовое гнездо / родной край как попытку возвратиться к истокам, как надежду на обретение покоя и счастья. Здесь повествователь возвращается в уездный город, который в его представлении обретает черты усадебного пространства. Неестественная для усадебного текста трансформация, так как изначально он строился на противопоставлении идиллической деревни и демонического города. Но в сознании эмигранта эта антонимия начинает размываться: «Жил когда-то в России, чувствовал ее своей...» [5, с. 37]. А город, по всем законам «усадебного мифа», погружает героя в состояние безмятежности и покоя на лоне обустроенной природы: «Все было немо и просторно, спокойно и печально – печалью русской степной ночи, спящего степного города. Одни сады чуть слышно, осторожно трепали листвой...» [5, с. 37]. Не трудно заметить, что весь текст пронизывает настроение отрадно-ностальгической грусти, как и в предыдущем отрывке. Повествователь открывает перед собой ретроспективу, замечая несходства, изменения окружающего пространства города (река, Старая улица). Не изменился лишь дом возлюбленной, потому что он связан с «ней», оттого «страшнее увидеть его», потому что «какие-то чужие» люди живут в нем теперь. Но не только дом, сама любовь, а точнее воспоминание о ней, осталась неизменной. Повествователь переживает его с тем же чувством юношеского «недоумения счастья». Свидания в саду – не просто безусловная часть этих воспоминаний, но и их кульминация. Они изображаются с использованием «устойчивых образов-символов усадебного "словаря": калитка, скамья под яблоней, романтическая девушка в белом, выражая бунинское отношение к усадьбе как раю» [7, с. 191]. И если возвращаться к сезонности тематики любви,

то у Бунина это осень: «В холодное осеннее ненастье...» («Темные аллеи») [5, с. 7], «...ты ждала меня в вашем уже подсохшем к осени саду» («Поздний час») [5, с. 40].

Таким образом, Иван Алексеевич создает миф усадебной души русского человека (не только дворянина) – блуждание во мраке Космоса. Мотив увядания сопровождает и героев, и повествователя, символизируя тоску по «утраченному раю». Герой-путник, который всегда прибывает в места посредством реального, физического перемещения или посредством воспоминаний, находится в поисках завершенности, полноценности счастья, которое всегда совмещается с усадебным топосом и носителями усадебной культуры. Трансформация некоторых структурообразующих элементов «усадебного текста» у Бунина связана с непосредственным влиянием условий эпохи, координат культуры и мировоззренческой установкой автора.

Литература и источники

1. Богданова О. А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: монография / отв. ред. Е. Е. Дмитриева. Москва: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с. DOI: 10.22455/978-5-9208-0604-8
2. Щукин В. Г. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. Москва: РОССПЭН, 2007. 606 с.
3. Лихачев Д. С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. Москва: Согласие, 1998. 469 с.
4. Разумовская А. Г. Былое и сущее садов русских усадеб // Сады российской поэзии (от символизма до постмодернизма). Санкт-Петербург: Студия «НП-Принт», 2014. С. 199–229.
5. Бунин И. А. Собрание сочинений в 9 т. Т. 7. Москва: Художественная литература. 1966. 399 с.
6. Бунин И. А. Собрание сочинений в 9 т. Т. 6. Москва: Художественная литература. 1966. 340 с.
7. Разумовская А. Г. Отражение национальных особенностей в книге И. А. Бунина «Темные аллеи» // *Studia Litterarum*. 2021. Том 6. № 3. С. 184–203.

Об авторе

Козлова Ева Вячеславовна – студентка, Псковский государственный университет (г. Псков, Россия). E-mail: evako3lova@yandex.ru

О научном руководителе

Разумовская Аида Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного, Псковский государственный университет (г. Псков, Россия), SPIN-код: 7781-8280. E-mail: aida1@list.ru

О рецензенте

Шадурский Владимир Вячеславович – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 8263-7010. E-mail: shadvlad@mail.ru

**АРТУРОВСКИЙ МИФ И ОБРАЗ ДРАКОНА В РЕЦЕПЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI В.
(«ДРАКОН» Е. ШВАРЦА И «ПОГРЕБЕННЫЙ ВЕЛИКАН» К. ИСИГУРО)**

Коновалова А. М.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: *arkauro@yandex.ru*

**THE ARTHURIAN MYTH AND THE IMAGE OF THE DRAGON
IN THE RECEPTION OF THE LITERATURE OF THE SECOND HALF
OF THE XX – BEGINNING OF THE XXI CENTURY.
("THE DRAGON" BY E. SCHWARTZ AND "THE BURIED GIANT"
BY K. ISHIGURO)**

Konovalova A. M.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: *arkauro@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается образ дракона и его влияние на ключевые аспекты проблематики и поэтики произведений. Существенные трансформации драконоборческого сюжета оказываются сопряжены с новым прочтением образа дракона как катализатора человеческих пороков. Об этом свидетельствует сравнительный анализ ключевых образов и мотивов пьесы Е. Шварца «Дракон» и романа К. Исигуро «Погребенный великан». В обоих произведениях, организованных сюжетной ситуацией «убить дракона», обнаруживаются значимые аллюзивные переключки с артуровским циклом. Новое звучание приобретает традиционный образ рыцаря-драконоборца: в пьесе Е. Шварца появляется обобщенный образ рыцаря, аккумулирующий традиционный набор характеристик, а в романе К. Исигуро он представлен триадой персонажей. Оригинальность обоих произведений обусловлена синтезом общеевропейского канона и национальной специфики (русской, кельтской, японской).

Ключевые слова: аллюзия, дракон, рыцарь-драконоборец, магистральный сюжет, общеевропейский канон, национальная специфика.

Abstract. The article deals with the image of the dragon and its influence on the key aspects of problematics and poetics of literary works. The significant change of the dragon-slaying plot is associated with a new interpretation of the image of the dragon as a trigger for human vices. This is evidenced by a comparative analysis of the key images and motives of the play "The Dragon" by E. Schwartz and the novel "The Buried Giant" by K. Ishiguro. In both works, sharing the "dragon-slaying" plot situation, significant allusive relations with the legends of King Arthur are found. The traditional image of a dragon-slaying knight takes on a new meaning. In the play by E. Schwartz, a generalized image of a knight consisting of a traditional set of traits appears. In the novel by

K. Ishiguro, it is represented by a triad of characters. The originality of both works is due to the synthesis of the pan-European canon and national specifics (Russian, Celtic, Japanese).

Keywords: allusion, dragon, dragon-slaying knight, main plot, pan-European canon, national specifics.

Образ дракона – один из древнейших, развивался вместе с человеческой цивилизацией и присутствует практически во всех мировых мифологиях. «Классифицировать драконов по их внешнему облику вряд ли представляется возможным» [1, с 274], слишком велико разнообразие. Тем не менее, мы можем говорить о драконах «четырёхногих (классический образ)», двуногих (вайверны) и «похожих на змей или червей» [1, с. 274]. Подчеркнем, что дракон – это сложный образ-символ. Драконы могут быть разумными / лишенными «человеческого» разума, убийцами / хранителями, монстрами / божествами.

В легендах и мифах, складывающихся вокруг образов дракона, повсеместно появляется тема драконоборчества («Сказание о Ямато-но-Ороти», поэма «Беовульф», былина «Добрыня и Змей» и т.д.), а также образ героя, побеждающего дракона. Стабильная востребованность этой темы на протяжении чуть ли не всей истории человечества обусловлена тем, что сражения героев/рыцарей и драконов служат «наглядным примером... борьбы добра со злом», которая «приобретает изменчивые формы в соответствии с тем, как расставляет акценты история» [2].

Евгений Шварц и Кадзуо Исигуро творили в разное время, однако их связывает интерес к классическому сюжету поединка героя с драконом, а также ряд любопытных переключек, которые можно обнаружить при сравнительном анализе двух произведений – пьесы-сказки Шварца «Дракон» (1942–1944 г.) и романа К. Исигуро «Погребенный великан» (2015 г.).

В первую очередь обращает на себя внимание магистральный сюжет «убить дракона», организующий оба произведения: ситуация, в которой необходимо уничтожить монстра, определяет поступки и реакции персонажей, формирует проблематику произведений. В этой связи небезынтересным оказывается, как в романе и в пьесе представлены образы дракона и драконоборца, а также сама сюжетная ситуация «убить дракона». В обоих текстах мифических существ обвиняют в том, что они являются причиной страдания людей – тирания дракона в пьесе Е. Шварца, хмарь забвения, насылаемая драконицей Квериг в романе К. Исигуро. Однако драконы являются лишь персонификацией зла, тогда как истоки и причины его существования в мире объяснены гораздо более сложными обоснованиями (правители и толпа). Дракон мыслится как образ, являющийся проекцией человеческой сущности.

В романе К. Исигуро герои находят драконицу, но вместо кровожадного монстра видят «червеобразную рептилию», о которой «было трудно сказать,

жива она или мертва» [3, с. 368]. Квериг своим отравленным дыханием уничтожает людскую память, однако она лишь исполняет чужую волю: ее заколдовал Мерлин по приказу короля Артура, чтобы пресечь противостояние англов и саксов.

Казалось бы, у дракона Е. Шварца другая история: он терроризировал город 400 лет – убивал, пожирал, калечил и перекраивал человеческие души. «Однако гораздо более опасными, чем дракон, оказываются в пьесе Шварца другие «чудовища»: бургомистр и Генрих. <...> Их власть овееяна чужой силой» [2] (силой дракона).

С нежеланием правителей брать на себя ответственность за свои преступления связана тема манипуляции сознанием, которая роднит роман с пьесой. Под воздействием хмари люди не только забывают истинного виновника всех бед, историю своего народа, но и утрачивают моральные принципы, лишаются эмпатии (эпизод со свечой).

В «Драконе» происходит нечто подобное: одержав победу, тяжелораненый Ланцелот исчезает, а бургомистр присваивает его победу, захватывает власть и переписывает историю. Народ же в пьесе Е. Шварца безропотно подчиняется самозванцу и тирану, безмолвствует, когда совершается насилие, разделяя вину с убийцей (дракон) и мучителем (бургомистр). На примере произведения Е. Шварца мы видим, что «в молчащем мире деформируются представления о добре и зле. Принимая зло, человек становится его орудием» [2].

Замалчивают правду и монахи в романе К. Исигуро. Они надеются, что прощение и благословение божье «обойдутся всего в пару молитв и толику раскаяния» [3, с. 200], поэтому истязают себя. Далее выясняется, что монахи в романе К. Исигуро такие же убийцы, как и горожане в пьесе Е. Шварца: «тех, кому они желают смерти (т. е. тех, кто знает правду – А. К.), они отправляют сюда (в склеп на растерзание зверем – А. К.) и уже через пару дней забывают, что вообще это сделали» [3, с. 216].

Образ дракона в обоих произведениях связан с репрезентацией преступлений власть имущих, позволяет показать уродливые, монстрообразные проявления человеческой души. И в романе, и в пьесе образ дракона приобретает статус метафоры жестокости, бездушия, слепого подчинения воле более сильного или могущественного.

Любопытно, что оба писателя в своих произведениях на роль драконоборца назначают рыцарей, имена которых отсылают нас к артуровскому циклу. Герой Е. Шварца – Ланцелот, но не сам легендарный рыцарь, а его потомок, что способствует обобщению образа рыцаря. Узнаваемость имени обеспечивает устойчивые аллюзивные связи с артурианой. Аллюзивно акцентированное имя героя также представляет драконоборца как рыцаря, верного даме и долгу (любовная линия с Эльзой).

«Погребенный великан» К. Исигуро – сложный, разноплановый роман. Образ рыцаря-драконоборца здесь представлен в более сложном инварианте – триадой персонажей, каждый из которых является носителем определенного рыцарского качества. Сэр Гавейн – рыцарь-вассал, олицетворяющий идею верности своему сюзеру. Этот персонаж «пришел» в роман из артурианы, образы же Акселя и Вистана созданы авторской фантазией. Аксель – рыцарь, посвятивший себя служению прекрасной даме (собственной супруге), что, по М. Оверченко, является «главным источником его вдохновения и доблести» [4]; его подвиг – «заключение мира между саксами и бриттами» [4], именно он выступает против истинного чудовища – своего короля. Сказанное роднит образ Акселя с образом Ланцелота Е. Шварца.

Важным в романе является то обстоятельство, что оба рыцаря стары, как и дракон, с которым они должны сразиться. Герои олицетворяют прошлое, удел которого – забвение. Кроме того, сэр Гавейн у К. Исигуро далек от рыцарского идеала. Казалось бы, его антипод – Аксель, но и его спасает только беспамятство, порожденное ядовитым дыханием драконицы.

Дракона в романе К. Исигуро убивает третий драконоборец – молодой воин Вистан. «Время изменилось и теперь требует пробуждения, обретения памяти, новое требование времени воплощается в действиях» [5] сакса. Вистан – рыцарь, представляющий будущее, однако он – «разрушитель баланса», без всяких рыцарских идеалов. Драконоборец расправляется с Квериг не из высоких побуждений, он жаждет мести. Поэтому Вистан, подобно Гавейну и Акселю, также является «антигероем».

Действие обоих произведений локализовано в Европе: условный европейский средневековый город в пьесе Шварца; «пост-артуровская» Британия – у Исигуро. Однако в обоих произведениях наблюдается синтез общеевропейского канона и национальной специфики, который в первую очередь можно обнаружить в трактовке ключевого образа дракона.

У Исигуро образ Квериг строится с опорой на кельтскую традицию, к которой восходит и артуровский цикл. Одна из самых ярких черт – не огненное, а ядовитое дыхание, являющееся признаком именно кельтского дракона. Вместе с тем в образе Квериг можно обнаружить и апелляцию к элементам японской эстетики и философии (ослабевшую Квериг убивают во сне, так же как и японского дракона Ямато-но-Ороти).

В свою очередь у Дракона Е. Шварца очевидны русские «корни». В описании сцены боя уточняется, что монстр, с которым сражается герой, – трехголовый дракон (как, например, Змей Горыныч): «У него три башки. Он их и меняет, когда пожелает» [6, с. 19]. Примечательно, что Ланцелот побеждает

монстра с помощью волшебных помощников (кот, осел) и традиционных магических артефактов (ковер-самолет, меч-кладенец, шапка-невидимка), которые фигурируют в русском народном творчестве. Таким образом, в пьесе наблюдается синтез европейской и русской фольклорной традиции.

Анализ произведений показал универсальность канонического драконоборческого сюжета, пластичность его образов. Основные смыслы обоих произведений обусловлены важнейшей трансформацией, которую претерпевает образ дракона: традиционное восприятие образа как страшного чудовища, повинного во всех человеческих бедах, по мере развития сюжета сменяется пониманием, что дракон – это образ-символ, призванный показать, что главное зло – это «дракон», поселившийся в душах людей, это – ненависть, гордыня, тщеславие, жажда власти, отречение от памяти.

Литература и источники

1. Волшебные существа: энциклопедия / науч. ред. Н. Горелов. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2005. 430 с.
2. Сейбель Н. Э. Сюжеты о рыцарях круглого стола в драматических сказках XX века (Е. Шварц «Дракон», П. Хакс «Геновева») URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/syuzhety-o-rytsaryah-kruglogo-stola-v-dramaticheskikh-skazkah-hh-veka-e-shvarts-drakon-p-haks-genoveva> (дата обращения: 23.03.2023).
3. Исигуро К. Погребенный великан / пер. с англ. М. Нуянзиной. Москва: Издательство «Э», 2017. 412 с.
4. Селитрина Т. Л., Халикова Д. Г. Художественный мир средневековья в романе К. Исигуро «Погребенный великан» // Вестник Пермского гос. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 2. URL: <http://www.rfp.psu.ru/archive/2017.9.2/selitrina.pdf> (дата обращения 23.03.2023).
5. Погребная Я. В. Поэтика романа Кадзуо Исигуро «Погребенный великан»: европейский интертекст и японский подтекст // Артикульт. 2018. № 4 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-romana-kadzuo-isiguro-pogrebennyi-velikan-evropeyskiy-intertekst-i-yaponskiy-podtekst> (дата обращения 23.03.2023).
6. Шварц Е. Л. Обыкновенное чудо: пьесы. Москва: АСТ, 2021. 448 с.

Об авторе

Коновалова Арина Михайловна – студентка, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия). E-mail: arkauro@yandex.ru

О научном руководителе

Куприянова Екатерина Сергеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 1536-046. E-mail: ek-kupr@mail.ru

О рецензенте

Шадурский Владимир Вячеславович – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 8263-7010. E-mail: shadvlad@mail.ru

САМОИСПРАВЛЕНИЕ В РАМКАХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТОК-ШОУ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Крестинина А. М.

Дальневосточный федеральный университет
(г. Владивосток, Россия)
E-mail: *greinejr.stasya@yandex.ru*

SELF-CORRECTION WITHIN THE FRAMEWORK OF SOCIO-POLITICAL TALK SHOWS IN RUSSIAN AND ENGLISH

Krestinina A. M.

Far Eastern Federal University
(Vladivostok, Russia)
E-mail: *greinejr.stasya@yandex.ru*

Аннотация. В работе представлено описание феномена самоисправления в речи говорящего, а также некоторые особенности его проявления в формате ток-шоу на примере разноязычных ток-шоу. Выдвигается гипотеза о частотности проявления феномена самоисправления в зависимости от условий проведения телевизионных ток-шоу на русском и английском языках.

Ключевые слова: самоисправление, автоматическая коррекция, ток-шоу, речевая ситуация.

Abstract. The paper presents a description of the phenomenon of self-correction in the speaker's speech, as well as some features of its manifestation in the talk show format. The author puts forward a hypothesis about the frequency of manifestation of the phenomenon of self-correction, depending on the conditions for conducting television talk shows in Russian and English.

Keywords: self-correction, automatic correction, talk show, speech situation.

Изучение живой естественной речи, предполагающее рассмотрение системных, структурных, жанровых, стилистических особенностей ее реализации, выявление отличительных черт, противопоставляющих разговорную речь кодифицированному литературному языку, а также факторов, обуславливающих это противопоставление, является одним из наиболее перспективных направлений современной лингвистики. Оно может объяснить, как именно строится мысль и что влияет на скорость и качество ее образования и выражения в речи в тех или иных условиях. В связи с этим важной задачей является многоаспектное описание речевых явлений.

Одним из интереснейших явлений является феномен самоисправления в устном высказывании в ходе осуществления процесса речевой деятельности.

Под самоисправлением мы, вслед за В. И. Подлесской и А. А. Кибриком, понимаем процесс, при котором говорящий отказывается от забракованного им фрагмента, заменяя его, полностью или частично повторяя забракованный фрагмент или же используя абсолютно новый фрагмент. При этом говорящий может как осознать момент совершения ошибки в рамках речевого высказывания и даже сделать на нем акцент в процессе исправления, так и совершить коррекцию неосознанно, иначе говоря, автоматически.

Несмотря на то, что процесс самоисправления ассоциируется больше с устным общением в бытовой среде, данное исследование сфокусировано на изучении его проявления в рамках телевизионных ток-шоу (в данном случае по социально-политической тематике). Распространенность и популярность ток-шоу в последнее десятилетие очевидны для телевидения во всем мире, поскольку данный жанр дает возможность в непринужденной обстановке обсудить животрепещущие вопросы современности. В жанре, с одной стороны, речь не готовится заранее, но, с другой стороны, присутствует ряд дополнительных условий, влияющих на речевую ситуацию. Именно имитация реальной устной беседы в ток-шоу позволяет рассматривать его как аналог непосредственного общения.

К таким условиям можно отнести, например, более четкие рамки для осуществления речевой ситуации, специфику организации ток-шоу как телевизионной передачи, уровень подготовки собеседников (их умение вести дискуссию, погруженность в повестку, навыки выступления перед аудиторией), наличие или отсутствие зрителей на съемочной площадке, где осуществляется запись и трансляция телепередачи. Кроме того, ток-шоу как жанр нацелено на то, чтобы у его зрителей создавалось впечатление непосредственности происходящего, неподготовленности контента и сценария; здесь допустимы и даже приветствуются внезапные изменения в сценарии и взаимодействии говорящих. Самоисправления участников программы в таком телевизионном жанре являются большим плюсом и не удаляются из программы при монтаже, поскольку дают эффект прямого эфира и происходящего здесь и сейчас, на глазах телезрителей.

Стоит отметить, что благодаря более четкой видимости условий, в рамках которых осуществляется речевая ситуация, в ток-шоу можно точнее отследить процент самоисправлений на время осуществления речевой ситуации, а также наличие и степень влияния лингвокультурных особенностей говорящих на количественные и качественные показатели самоисправления в речи.

Для сопоставления в рамках исследования были взяты два телевизионных ток-шоу на социально-политическую тематику: русскоязычное «60 минут» и англоязычное «CNN panel discussions». Оба они схожи по своей структуре и

формату проведения, однако есть и некоторые отличия, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1. Сравнение ток-шоу по структуре и формату проведения

Название ток-шоу	Сходства	Отличия
«60 минут»	1) в рамках передачи обсуждаются социально-политические повестки; 2) в студии присутствуют ведущие, несколько экспертов и зрители; 3) обсуждение контролируется ведущими, тема также задается ими в начале выпуска	1) шоу длинное, идет не меньше часа; 2) сильный контроль со стороны ведущих, они могут менять вектор беседы и поправлять экспертов; 3) высказывания могут чередоваться со вставками в виде видеофрагментов
“CNN panel discussions”		1) шоу короткое, в среднем 15–20 минут; 2) процесс осуществления речевой ситуации более спонтанный, ведущие здесь скорее участники беседы, чем её модераторы; 3) высказывания обычно не чередуются с видеофрагментами, т. к. это не требуется в рамках хронометража передачи

При сравнении указанных телевизионных ток-шоу выявилось, что в англоязычных передачах на социально-политическую тему феномен самоисправления проявляется чаще, чем в русскоязычном аналоге, несмотря на то что англоязычная версия шоу короче. На данный момент, по статистике, на одно самоисправление в русскоязычной передаче приходится два в англоязычной.

С чем это может быть связано? В таблице со сходствами и различиями между двумя ток-шоу отмечалось, что эксперты англоязычной передачи «CNN panel discussions» имеют большую свободу и меньше контроля со стороны ведущих в новостной студии. Это значит, что они порой могут перебивать друг друга, перескакивать с одной мысли на другую. Соответственно, высказывания экспертов в рамках данной передачи постоянно имеют разную длину (от больших монологических высказываний до коротких ремарок), а также меньшую продуманность, поскольку вектор течения речевой ситуации может

спонтанно меняться, что не дает времени на раздумья и подготовку к осуществлению речевого процесса. В русскоязычном же шоу «60 минут» ведущий осуществляет более сильный контроль за происходящим. Большую часть передачи идет не столько спонтанный диалог, сколько диалог формата «вопрос-ответ», когда ведущий обозначает исходную тему и задает вопросы экспертам, а те в свою очередь по одному отвечают на них. За счет этого у экспертов есть время на раздумья, плюс тема обозначается более четкими границами и границы эти не меняются так часто и спонтанно, поскольку процесс обсуждения находится под контролем ведущего.

Стоит отметить, что сами проявления феномена самоисправления в рамках этих ток-шоу, как правило, не отличаются по своей сути и в основном представляют собой оговорки, запинки, паузы хезитации или же исправление неточно выраженного факта из той области, к которой обращается эксперт в ходе описания и аргументации своей позиции по тому или иному вопросу в рамках дискуссии. Для примера возьмем отрывки из двух выпусков ток-шоу, один из русской версии, второй из английской (см. таблица 2)

Таблица 2. Сравнение отрывков из ток-шоу с элементами самоисправления

CNN panel discussions: "Michelle Obama has advice for girl's battling self-doubt" (duration: 10:17)	60 минут: «По горячим следам», дневной выпуск (длительность: 59:37)
There is something is ... (pause) ... that struck a chord ...	Я чувствую эту атмосферу, когда каждый понес самое э... самое дорогое, что у него есть, на алтарь победы...

В обоих случаях говорящие эксперты используют паузу хезитации в качестве способа самоисправления, которая нужна им для того, чтобы более точно подобрать слова для продолжения ведения высказывания.

Таким образом, можно выдвинуть предположение о том, что на частотность проявления феномена самоисправления в речевых ситуациях, осуществляемых в рамках телевизионных ток-шоу, при условиях сходных повесток для обсуждения большее влияние будут оказывать тонкости в условиях организации передачи, так как они меняют границы и структуру речевой ситуации, и это находит отражение если не в качественном показателе самоисправлений говорящих, то в количественном значении.

При этом самоисправления в данном жанре, скорее, являются органичными в организации речевого пространства, в других же тележанрах

(как, например, в новостях) они выглядят как ошибка ведущих и недочет в организации выпуска.

Литература и источники

1. Brown R., McNeill D. The «tip of Tongue» Phenomenon // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1966. № 5. P. 325–337.
2. Levelt W. J. M. Monitoring and self-repair in speech // Cognition. 1983. Vol. 14, iss. 1. P. 41–104.
3. Алексеева Т. И. О явлениях хезитации в спонтанном дискурсе // Мир русского слова и русское слово в мире: материалы XI конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Варна, 17–23 сентября 2007. Варна: Heron Press: 2007. Т. 1. С. 275–280.
4. Дараган Ю. В. Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи // Труды Международного семинара «Диалог-2000» по компьютерной лингвистике и ет приложениям. Москва, 2000. С. 67–73.
5. Николаева Т. М. Новое направление в изучении спонтанной речи (о так называемых речевых колебаниях) [обзор] // Вопросы языкознания. 1970, 3. С. 117–123.
6. Подлесская В. И., Кибрик А. А. Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. 2007. Серия 2–2. С. 2–23.
7. Цесарская А. Е., Шестопалова В. И. Метапоказатели автокоррекции в разговорной речи // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 9. С. 65–75.

Об авторе

Крестинина Анастасия Михайловна – магистрант, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия).

О научном руководителе

Николаева Ольга Васильевна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой романо-германской филологии, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия), SPIN-код: 5435-7764. E-mail: nikolaeva.ov@dvfu.ru

О рецензенте

Каминская Татьяна Леонидовна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой журналистики, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 5974-1246. E-mail: tlkam1@mail.ru

КРЕПОСТЬ ПРИ СЛИЯНИИ ПОЛИСТИ И ПОРУСЬИ В СТАРОЙ РУССЕ: ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ИСТОРИОГРАФИИ

Лабазов М. А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: *s250125@std.novsu.ru*

THE FORT AT THE CONFLUENCE OF PORUSYA AND POLIST RIVERS IN STARAYA RUSSA: HISTORICAL SOURCES AND HISTORIOGRAPHICAL REVIEW

Labazov M. A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: *s250125@std.novsu.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме изучения шведской крепости XVII века в Старой Руссе. На основании анализа историографии и письменных источников предлагается гипотеза относительно хронологии строительства, ремонта, внешнего и внутреннего устройства крепости, а также определены проблемы дальнейшего изучения и реконструкции фортификации.

Ключевые слова: шведская крепость, смутное время, Старая Русса.

Abstract. This article is devoted to the problem of the Swedish fort of the 17th century in Staraya Russa research. The hypothesis concerning the chronology of the construction, repair, external and internal structure of the fort is provided on the base of the analysis of historiography and historical documents. The article stresses out the problems of further research and reconstruction of the fortification.

Keywords: Swedish fort, Time of Troubles, Staraya Russa.

Топография Соборной стороны Старой Руссы является одной из наименее изученных проблем истории этого города. В особенности это касается вопроса о положении, времени и обстоятельствах ее строительства, конструктивных особенностях. Впервые о шведской крепости в Старой Руссе написал Р. Г. Игнатьев в статье «Город Старая Русса и ее древности», опубликованной в Новгородских губернских ведомостях в 1852 г. Он описал устройство крепости и ее местоположение, опираясь на писцовую книгу Старой Руссы 1625 г. (распространенная в историографии дата книги 1624 г. закрепилась из-за неверного перевода даты на современное летоисчисление). Автор дает

следующее описание внешнего вида крепости: деревянные стены, пять каменных башен (Покровская, Тайницкая, Чертовская, Глухая и Наугольная), земляные насыпи и быки (бастионы). Внутри крепости проходили пять улиц (Большая, Середняя, Пробойная, Чертова и Щенячья), а также располагались административные (дом воеводы, съезжая изба, казенные житницы), религиозные (церковь Покрова Богородицы), военные (пороховой амбар) и торговые (лавки) учреждения. Всего на улицах насчитывалось 68 дворов. По мнению автора, крепость была построена шведами в 1612 г. на острове между Перерытицей, Порусью и Полистью на месте старого укрепления [1].

Определенной методики исследования у Р. Г. Игнатьева нет, он описывает город по писцовой книге, иногда делая предположения, не подкрепленные источниками (например наличие каменных башен). Во-первых, в писцовых книгах не указан материал изготовления, а во-вторых, число башен дано также неверно. Автором указывается одна Наугольная башня, а в писцовой книге их две.

В 1885 г. М. И. Полянский в своем «Иллюстрированном историческо-статистическом очерке города Старой Руссы и Старорусского уезда» вновь обращается к характеристике крепости, основываясь на материалах писцовой книги 1625 года и частной купчей грамоты 1581 года (хранящейся у некоего А. А. Сверикова) [2]. М. И. Полянский упоминает более древнюю крепость, находившуюся на мысу до 1612 г. Границы этой крепости и крепости 1612 г. он нанес на план города 1625 года (актуального до середины XVIII века) [2, 3-е приложение]. На плане 1785 г. на мысу обозначен только Воскресенский собор [2, 2-е приложение].

Несмотря на то, что оба автора берут за основу одну писцовую книгу, трактуют они ее по-разному. М. И. Полянский пришел к выводу, что в крепости было девять башен. К башням Р. Г. Игнатьева прибавилась еще одна Наугольная. Остальные башни, по всей видимости, были так называемыми «быками» [3, с. 112–113]. Описание внутреннего устройства и уличной системы совпадает с описанием Р. Г. Игнатьева. Большая заслуга М. И. Полянского в том, что он попытался локализовать на карте и шведскую крепость 1612 г. и более ранние фортификации.

Работа М. И. Полянского выглядит стройно и понятно, выводы обоснованы, но некоторые источники, на которые он ссылается, в настоящее время неизвестны. К их числу относится купчая 1581 г. Соответственно, проверить гипотезу о границах старого укрепления на мысу сейчас невозможно.

Дальнейшее изучение острога связано с археологическими исследованиями А. А. Строкова, искавшего на мысу центр древней Русы (по аналогии с другими древнерусскими городами) [4]. Один из его раскопов

попал в центр крепости, где был обнаружен культурный слой XIV века, а также фрагменты лепной керамики, опираясь на которые А. А. Строков заявил, что нашел древний центр города. Эта гипотеза была выдвинута практически бездоказательно и была опровергнута А. Ф. Медведевым. Для проверки выводов А. А. Строкова А. Ф. Медведев заложил раскоп V недалеко от Воскресенского собора, который также подтвердил, что территория на мысу была заселена не позднее конца XIV в., а, следовательно, древнейшего поселения здесь быть не может. Но, в то же время, это говорит о возможности существования на этом месте крепости и до 1612 г. [5; 6].

Таким образом, археологические исследования не касались темы шведской крепости напрямую, но смогли сделать обоснованную датировку заселения этого места и дать археологический материал для дальнейшего ее изучения. Стоит отметить, что материалы раскопок А. Ф. Медведева до сих пор в полной мере не введены в научный оборот.

Г. В. Алферова в книге «Русские города XVI–XVII веков» также упоминает крепость в Старой Руссе. Ее источниковая база основана на следующих документах: воеводские отписки, расписки, челобитные и государевы грамоты в острожном деле города Старой Руссы 1629–1631 гг. [7, с. 102–103]. Крайне важным представляется введение в научный оборот плана Старой Руссы 1609 г. в копии XIX в. [7, с. 83]. Опираясь на данные материалы, автор приходит к выводу, что крепость в 1629 г. была уже в ненадлежащем виде. Это объясняется тем, что строили ее быстро и из старых материалов.

Выводы Г. В. Алферовой о крепости обоснованы, несмотря на явно поверхностные знания об истории Старой Руссы и других источниках. Для автора Старая Русса – это город смоленского княжества на границе с Литвой, ставший русским после Смуты [7, с. 102]. Кроме того, она рассматривает город в контексте своего исследования, не углубляясь в тему крепости. У нее не вызывает вопросов, что на плане 1609 г. есть крепость, хотя по другим источникам ее построили в 1612 г. Но все же ее выводы важны для восстановления истории крепости.

Первая попытка создать план-реконструкцию острога была предпринята И. Н. Вязининым в 1994 г. Опираясь на материалы, опубликованные М. И. Полянским, он изобразил крепость с шестью башнями и тремя быками. Внутри располагались церковь Иоанна Предтечи, церковь Покрова и пять улиц [8, с. 68]. Данный план довольно информативен, хоть и имеет свои недостатки, главными из которых являются схематичность и отсутствие масштабов. Башни и бастионы одинакового размера, что неверно. Но на сегодняшний день данный план является наиболее полной реконструкцией внутреннего и внешнего устройства шведского острога.

Я. Н. Рабинович описывал крепость по М. И. Полянскому, добавляя к этому информацию из челобитной грамоты старосты Дретенского погоста. Важным представляется установление факта, что крепость строили местные жители по указу Я. Делагарди [9, с. 20–21]. В остальном, автор дает описание острога по М. И. Полянскому.

Еще один исследователь, рассмотревший шведскую крепость, – это В. А. Ядрышников [10]. Он собрал хорошую источниковую базу: писцовые книги, купчие XV в., сметы 1629–1631 гг., топографические и археологические данные. В итоге автор смог локализовать острог на современной карте. Два его угла стояли на прибрежных участках современных улиц Свердлова и Правосудия, где наблюдается понижение рельефа (возможно, остатки рва). В. А. Ядрышников также заметил, что в дозорной книге 1611 г. упоминаются укрепления в районе улиц Нетечи и Середки. В писцовой книге 1624 г. этих укреплений уже нет. Автор сделал вывод, что они были разобраны, а материал использован для строительства острога на мысу. Вслед за Г. В. Алферовой он также считает, что крепость была перестроена в 1629–1631 гг. Число башен и бастионов не поменялось, но длина стен уменьшилась, что было показано В. А. Ядрышниковым на плане-реконструкции острога 1629–1631 гг. [11, с. 24–29]. Также исследователь затронул проблему хронологии укреплений до 1612 г. Из двух купчих 1460–1470 гг. следует, что на этой территории располагался острог, исчезнувший к третьей четверти XIV в., а следующие 100 лет эта земля находилась в частных руках. Но это не подтверждают раскопки. Таким образом, появилась еще одна проблема, решить которую пока невозможно из-за отсутствия источников.

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. В 1612 г. шведы поставили крепость на мысу, используя труд местных жителей. В качестве строительного материала могли использоваться остатки разрушенных укреплений на улицах Нетеча и Середка. Крепость состояла из шести башен, трех бастионов и деревянных стен. Внутри проходили пять улиц, на которых располагались: дом воеводы, кабак, кузница, пороховой амбар, съезжая изба, житницы, церковь Покрова Богородицы. Крепость быстро пришла в негодность из-за некачественного материала и в 1629 г. была перестроена. По всей видимости, фортификации сохранялись до середины XVIII в., после чего были разобраны. На сегодняшний день не существует соответствующего современным требованиям плана-реконструкции крепости 1612 г. План И. Н. Вязинина слишком схематичен, а В. А. Ядрышников предлагает вариант реконструкции крепости после перестройки 1629–1631 гг. Судьба древних укреплений на месте крепости также остается непонятной. Все эти проблемы не могут быть решены на сегодняшний день без привлечения новых источников.

Исследование подготовлено в рамках реализации проекта Зеркальной лаборатории «Практики урбанистического развития в российском политическом пространстве конца XV–XVII в.: человек и малый город» (ЦИИ НИУ ВШЭ СПб – ЦАИ НовГУ).

Литература и источники

1. Игнатъев Р. Г. Город Старая Русса и памятники ее древностей // Новгородские губернские ведомости. 1852. № 23. С. 112–134.
2. Полянский М. И. Иллюстрированный историческо-статистический очерк города Старой Руссы и Старорусского уезда // сост. М. И. Полянский. Великий Новгород, 1885. С. 25–31.
3. Писцовые и Переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв. // подгот. И. Ю. Анкудинов, К. В. Баранов, А. А. Селин; сост. И. Ю. Анкудинов. Москва: НП «Рукописные памятники Древней Руси», 2009. 532 с.
4. Строков А. А. Отчет об археологических работах в Старой Руссе 1939 г. // Новгородский исторический сборник. Вып. 7. Великий Новгород: АН СССР, 1940. С. 19–31.
5. Медведев А. Ф. Из истории Старой Руссы // Советская археология. 1967. Вып. 3. С. 265–286.
6. Миронова В. Г. История археологического изучения Старой Руссы // Материалы по археологии Новгорода. 1988. Москва: Новгородская археол. экспедиция, 1990. С. 202–219.
7. Алферова Г. В. Русские города XVI–XVII веков. Москва: Стройиздат, 1989. 210 с.
8. Вязинин И. Н. Старая Русса в истории России. Новгород: Кириллица, 1994. 317 с.
9. Рабинович Я. Н. Старая Русса в Смутное время. Исторический очерк. Великий Новгород: Изд. А. Н. Одинокоев, 2011. 102 с.
10. Ядрышников В. А. О топографии оборонительных укреплений Старой Руссы // Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. 2008. Великий Новгород. 2009. С. 143–149.
11. Ядрышников В. А. Архитектура Старой Руссы XII – начала XX века. Санкт-Петербург, Москва: Альянс-Архео, 2010. 407 с.

Об авторе

Лабазов Максим Алексеевич – студент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия)

О научном руководителе

Гринев Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 7359-4696. E-mail: Andrey.Grinev@novsu.ru

О рецензенте

Торопова Елена Владимировна – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 6061-3693. E-mail: Elena.Toropova@novsu.ru

**ПОСАДСКИЕ ЛЮДИ СТАРОЙ РУССЫ XVII В.:
ТЕНДЕНЦИИ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ
И МОБИЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД 1611–1678 ГГ.**

Липчанский М. П., Новикова А. М.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: *mplipchanskiy@edu.hse.ru, amnovikova_3@edu.hse.ru*

**POSAD PEOPLE OF STARAYA RUSSA IN THE 17TH CENTURY:
TRENDS OF GENERATIONAL CONTINUITY
AND POPULATION MOBILITY IN THE PERIOD OF 1611–1678**

Lipchansky M. P., Novikova A. M.

National Research University Higher School of Economics
(Saint Petersburg, Russia)

E-mail: *mplipchanskiy@edu.hse.ru, amnovikova_3@edu.hse.ru*

Аннотация. В статье анализируются итоги проведенного просопографического исследования шести старорусских семейств XVII в. Авторы отмечают интенсивную мобильность старорусов XVII в., сохранение или утерю представителями семейства социального статуса, проглядывают тенденцию к наследованию устойчивых прозвищ на протяжении многих поколений. Также авторы приходят к выводу о перспективах применения выбранного ими метода в рамках исследования социальной истории города.

Ключевые слова: социальная история, просопография, посадские люди, малый город, писцовые книги, дозорные книги, переписные книги, Старая Русса, XVII век.

Abstract. The article analyzes the results of a prosopographic study of six families from Staraya Russa in the 17th century. The authors note the intensive mobility of the inhabitants of Staraya Russa in the 17th century, the preservation or loss of social status by members of the family, and a tendency to inherit stable nicknames over many generations. The authors also come to the conclusion about the prospects for the application of their method.

Keywords: social history, prosopography, posad people, small town, census books, Staraya Russa, 17th century.

В XVII в. Старая Русса была крупнейшим городом Новгородской земли после, собственно, самого Великого Новгорода. Город, расположенный южнее озера Ильмень на берегах рек Полисти и Порусьи, был главным в регионе производителем соли, важнейшего в Средневековье и раннее Новое время ресурса.

Опубликованные писцовые, переписные и дозорные книги Старой Руссы примечательны несколькими особенностями. Во-первых, в писцовой книге

1497/1498 г. содержится самое раннее дошедшее до нас относительно полное описание средневекового русского города [1, с. III–IV]. Во-вторых, материалы XVII в. отличаются от писцовой книги конца XV в. по принципу описания: в XVII в. переписчики фиксируют наличное население, двигаясь по городу от двора к двору, в принципе же учета населения в книге 1497/1498 г. в основе лежит порядок фиксации имущества по владельческой принадлежности [1, с. III–IV].

Писцовые книги XVII в. предоставляют исследователям возможность изучать социальную, экономическую и правовую историю города: в книгах фиксируется все наличное на момент переписи население города, подлежащее фискальному учету, что позволяет исследовать вопросы наследования, землепользования и несения населением тягловых повинностей [2, с. 4]. Также в последнее время можно наблюдать активизацию использования материалов писцовых книг специалистами в области исторической географии и топонимики [2, с. 4].

Следует отметить, что если в писцовых и дозорных книгах (в данном случае дозорная книга 1611 г. и писцовая книга 1624 г.) записаны не только дворы, в которых проживали горожане, но и их иное имущество (лавки, варничные места, огороды, пашни, шалаши и иное), то переписные книги не фиксируют дополнительного имущества, описывая лишь дворы тяглого населения. Связана эта разница в описании города с задачами проводившихся переписей.

Для написания данной статьи использованы материалы писцовых книг 1497/1498 и 1624 гг., дозорной книги 1611 г. и переписных книг 1647/1648 и 1678 гг., а также документ, известный как «список посадских людей старорушан, направленных по указу в Новгород» [1, с. 326–327]. На основе сплошного изучения переписей и сравнения их материалов с привлечением дополнительных документов предполагается возможность отслеживания определенных тенденций: можно отследить преемственность поколений старорушан, наследование ими устойчивых прозвищ, их сохранение либо изменение, изменения их социального и имущественного статуса (что несколько усложняется спецификой переписных книг 1647/1648 и 1678 гг., которые не фиксируют дополнительного имущества тяглого населения), мобильность в городе отдельных жителей.

В данной статье предполагается проследить семейную историю нескольких поколений шести родов посадских людей: Бородулиных, Лысковых, Пузановых, Сляндухиных, Стеблевых и Шабановых. Было принято решение описать в статье только те ветви этих старорушанских семейств, которые непрерывно прослеживаются в документах от 1611 до 1678 г. В случае, если непрерывно прослеживаются две ветви, описывается та, которая длиннее.

В рамках проекта «Зеркальной лаборатории» предполагается использование метода сплошного наблюдения, для того чтобы накопить исследовательский материал для дальнейшего проведения просопографического исследования. Метод сплошного наблюдения предполагает использование всей информации, которая находится в источниках об исследуемых людях. Преимущество этого метода заключается в том, что он сокращает вероятность прийти к ошибочному выводу, как это иногда бывает, когда исследователь работает с неполным материалом. Так вышло, например, с работой З. А. Тимошенковой. Исследовательница делает несколько интересных и обоснованных выводов на основе анализа исследованного материала, но приходит к ошибочному методу относительно описания варниц в Дозорной книге 1611 г. [3]. Связана эта ошибка с тем, что З. А. Тимошенкова работала с микрофильмированным отрезком дозорной книги, а не с полным источником.

Метод сплошного наблюдения используется в данной статье в отношении представителей вышеуказанных шести семейных родов старорушан, что позволило отследить их семейные древа. На основе восстановления генеалогии этих ветвей старорушанских посадских людей можно проследить их мобильность в городе и расселение, а также установить наследование ими как имущества, так и устойчивых прозвищ на протяжении всего рассматриваемого периода. Полное описание выбранных для исследования семейных древ посадских людей приводится в статье «Семейства посадских людей Старой Руссы XVII в.: опыт применения просопографического метода».

Проследив семейные древа шести родов, обладающих устойчивыми прозвищами, можно прийти к определенным выводам. Прежде всего, представители каждого из рассматриваемых семейств присутствуют в списке старорушан, отправленных в Новгород встретить датское посольство «в цветном платье». Если в случае Пузановых, Сляндухиных и Шабановых в Новгород отправились те люди, от которых в данной статье отсчитывается семейное древо, то Лысковы и Бородуллины также упоминаются в тексте, пускай и не те носители устойчивого прозвища, чье семейное древо было отслежено (так, например, в случае Лысковых в документе 1602 г. упоминаются Пименко и Микифорко, чье семейное древо в источниках теряется после 1624 г., и в переписной книге 1648 г. ни они, ни их потомки не фигурируют) [1, с. 326–327]. Стеблевы так и вовсе в 1602 г. отправились в Новгород впятером, что свидетельствует о статусе и процветании этого рода в начале XVII в. Тем удивительнее наблюдать, что к концу столетия в переписную книгу 1678 г. попали только три Стеблева, причем все из них сыновья Михалки Стеблева. Можно заключить, что род несколько вырожден за век по различным причинам (но не утратил высокого статуса – Феклист Стеблев работает подьячим, в то

время как его дед Фетка был дьячком, можно проследить преемственность профессии в роду) либо практически полностью покинул Старую Руссу. В случае Шабановых ситуация прямо противоположная: Кондрашко Шабанов – единственный обладатель своего устойчивого прозвища как в 1611 г., так и в 1624 г., а вот в 1678 г. были живы уже шесть Шабановых.

Так или иначе, можно предположить, что наличие устойчивого прозвища свидетельствовало о статусе либо человека, либо его семейства, и потому люди стремились его сохранить. Статусы Петрушки Лыскова и Ивашки Пузанова, проживавших на земле, обозначенной в источниках как бобыльские дворы, явно не соответствовал их предкам, бывшим, видимо, более успешными, но в данном случае устойчивое прозвище передалось людям, чей социальный статус упал в сравнении с предками.

В целом многие устойчивые прозвища из документа 1602 г. сохраняются вплоть до 1678 г. (как, например, Бологижины), но прямую семейную преемственность у этих родов отследить не удалось, видимо, не все их представители по тем или иным причинам попали в писцовые, дозорные и переписные книги. Некоторые же устойчивые прозвища вовсе пропали (например, род Самохваловых, имевший в Руссе в начале века много имущества в переписных книгах 1647/1648 и 1678 гг. не упоминается).

Анализ информации о прослеженных шести семейных родах с сохраняющимися устойчивыми прозвищами также свидетельствует о мобильности семейств в городе и о смене топонимов. Так, например, из источников исчезает улица Щенячья, что прямо указано в писцовой книге 1624 г. У топонимов также в различных книгах сменяются формы написания, что свидетельствует об отсутствии нормы написания. Касательно мобильности, дети чаще разъезжаются, не дожидаясь наследования дома родителей, например, из детей Михалки Стеблева никто не живет в остроге, как их отец, дети разъехались по различным местам в городе. Обратный пример виден в ситуации Нестерка Шабанова, живущего с отцом, и Трифанки Бородулина (впрочем, это так, если верно предположение, что Трифанко – взрослый человек).

Наиболее продолжительное наследование устойчивого прозвища наблюдается у рода Бородулиных. Сложно судить, сколько поколений разделяет Ивашку Бородулю из писцовой книги 1497/1498 г. и Ивашку Бородулина из начала XVII в. и есть ли эта связь, но если эти люди родственники в том или ином поколении, то устойчивое прозвище Бородулиных прослеживается практически на двести лет, что свидетельствует, что в некоторых случаях посадские люди XV–XVI вв. могли наследовать устойчивые прозвища таким же образом, как в XVII в., в котором источники позволяют проследить это наследование.

Более подробное изучение материалов писцовых книг с привлечением большего массива источников дало бы возможность строить более уверенные выводы о тенденциях наследования посадскими людьми XVII в. устойчивых прозвищ, о наличии у них стратегий расселения по городу и о тенденциях социальной мобильности. При работе с писцовыми книгами метод сплошного наблюдения дает возможность уверенно отслеживать характерные тенденции и изменения в деятельности горожан, но исследуемый материал должен быть по настоящему исчерпывающим, чтобы предложенные выводы строились на достаточно весомой доказательной базе.

Исследование подготовлено в рамках реализации проекта Зеркальной лаборатории «Практики урбанистического развития в российском политическом пространстве конца XV – XVII в.: человек и малый город» (ЦИИ НИУ ВШЭ СПб – ЦАИ НовГУ).

Литература и источники

1. Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв. / сост. И. Ю. Анкудинов, подгот. И. Ю. Анкудинов, К. В. Баранов, А. А. Селин. Москва: НП «Рукописные памятники Древней Руси», 2009. 532 с.
2. Писцовые книги Русского Севера / сост. Н. П. Воскобойникова (отв. сост.), В. Ю. Беликов, Н. Ф. Демидова, М. Ю. Зенченко, Г. А. Иванова. Москва: Памятники исторической мысли, 2001. 478 с.
3. Тимошенкова З. А. Дозорная книга Старой Руссы 1611 г. // Государство и общество в России XV– начала XX века. Сб. статей памяти Н. Е. Носова. Санкт-Петербург: Наука, 2007. С. 308–315.

Об авторах

Липчанский Михаил Павлович – студент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Новикова Анастасия Михайловна – студентка, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург, Россия)

О научном руководителе

Селин Адриан Александрович – доктор исторических наук, профессор департамента истории, главный научный сотрудник Центра исторических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург, Россия), SPIN-код: 4163-6187. E-mail: aselin@hse.ru

О рецензенте

Самойлов Кирилл Глебович – научный сотрудник Центра археологических исследований, старший преподаватель кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 5840-6817. E-mail: jevoli@mail.ru, Kirill.Samoylov@novsu.ru

ПОДПИСКА И ЧЛЕНСТВО АУДИТОРИИ В СМИ: ВАРИАНТЫ СОЗДАНИЯ КОМЬЮНИТИ

Лысанов А. В.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: *aechlsn@gmail.com*

SUBSCRIPTION AND AUDIENCE MEMBERSHIP IN THE MEDIA: OPTIONS FOR CREATING A COMMUNITY

Lysanov A. V.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: *aechlsn@gmail.com*

Аннотация. В статье проанализировано использование моделей подписок российскими и зарубежными СМИ. Цель работы – выявить актуальные форматы модели для онлайн-медиа, которые вынуждены искать новые способы удержания внимания аудитории и источники заработка помимо рекламных контрактов. В заключении статьи приведены примеры того, как модель подписки на контент сегодня эффективно используется и осваивается медиапроектами. При этом зарубежные издания используют подписную модель более агрессивно, ограничивая доступ к публикациям пользователям без подписки.

Ключевые слова: подписка, медиа, СМИ.

Abstract. The article analyzes the use of subscription models by Russian and foreign mass media. The purpose of the work is to understand whether such a model is relevant for online media, which are forced to look for new ways to keep the audience's attention and sources of income in addition to advertising contracts. In conclusion, the article concludes that the model is relevant and is effectively used and mastered by media projects. At the same time, foreign publications use the subscription model more aggressively, restricting access to publications to users without a subscription.

Keywords: subscription, media, mass media.

В современном мире СМИ утратили свою главную роль как канал распространения информации с развитием рынка рекламы, а также социальных медиа и аккаунтов блогеров. Это привело к уменьшению прибыли СМИ и падению лояльности целевой аудитории, СМИ вынуждены искать новые способы удержать внимание аудитории и источники заработка помимо рекламных контрактов.

К. А. Карякина предлагает следующие наблюдения в плане формирования и распространения медиаконтента. Во-первых, сегодня контент может быть

создан любым человеком, не обязательно профессиональным журналистом. Во-вторых, «любая история может быть рассказана и услышана». В-третьих, получить реальную стоимость может любая история. В-четвертых, сегодня любая информация, по сути, есть коммуникация. И пятое – аудитория важнее, чем сам создатель контента в плане использования и контроля контента [1].

Так как информацию можно монетизировать, то в работе массмедиа в онлайн формате появился новый тренд – это подписная модель. Она предполагает регулярную оплату доступа к публикациям медиапроекта, как правило, ежемесячно или ежегодно. Многие российские СМИ предлагают услуги подписки, которые позволяют пользователям получать доступ к их цифровому контенту, такому как статьи, видео и подкасты для аудитории. Некоторые медиапроекты также предлагают подписку на печатные издания для газет, журналов и других изданий.

Как отмечает А. В. Землянский, «в России такой способ монетизации пока только приживается. Однако онлайн журнал Republic, ранее известный как Slon, уже с 2016 г. получает за подписки порядка 4,5 млн рублей ежемесячно» [2].

Помимо эксклюзивных материалов и расширенного доступа к базе текстов, издания стремятся ввести модели членства. Они предлагают своей аудитории более персонализированный опыт взаимодействия со СМИ. Модель членства может включать эксклюзивный доступ к мероприятиям, приглашения участвовать в опросах или фокус-группах и другие льготы, которые позволяют подписчикам чувствовать себя ценными и связанными с организацией.

Например, издание «The New York Magazine» с 2016 года предлагает обладателям подписки не только закрытые разделы сайта, но и дополнительные привилегии. Туда входят мероприятия, проводимые редакторами издания для членов клуба, посвященные еде, встречи с редакцией и журналистами, участие на планерках. Помимо встреч, подписчики получают специальные скидки и ранний доступ к распродажам в розничных магазинах [3].

При этом подписка на «The New York Magazine» буквально навязывается пользователю. Без нее невозможно прочитать ни одного материала. Первая покупка предлагается с большой скидкой, но дальше стоимость растет, а при всех предлагаемых преимуществах неограниченного доступа к сайтам пользователи из других стран могут столкнуться с серьезными трудностями при попытке оплаты, не говоря уже о получении доступа к эксклюзивным мероприятиям или предлагаемым специальным предложениям. Стоимость годовой подписки – 60 долларов, что сопоставимо с ценами ежегодной подписки на российские издания [4].

Похожая ситуация и у подписной модели издания «Ведомости». На выбор предлагается два варианта: ежемесячная и ежегодная. В первую входят только

эксклюзивный контент, посвященный экономике и политике. При этом для годовой подписки, помимо тех же привилегий ежемесячной подписки, добавляются бонусы. Туда входят скидки на продукцию партнеров, проживание в некоторых отелях, на прохождение курсов и организованные «Ведомостями» мероприятия [5].

В предложении много пунктов, однако все это выгодно и интересно только для жителей Москвы и Московской области. Все предложения и партнерские места расположены именно там. Для читателей из других регионов выгода состоит лишь в сниженной цене на месяц относительно обычной ежемесячной подписки. За дополнительную стоимость «Ведомости» предлагают приобрести онлайн подписку вместе с печатной версией газеты. Такой вариант возможен только при оплате на год. В него входят все те же привилегии, что и в онлайн подписку.

Членство аудитории предполагает создание сообщества, которое поддерживает миссию и ценности конкретного СМИ. Участники могут вносить членский взнос в обмен на эксклюзивный доступ к контенту, мероприятиям и другим льготам.

Российские СМИ постепенно внедряют у себя подписную модель. Они используют модель сообщества для монетизации своего контента и выстраивания доверительных отношений со своей аудиторией.

Сетевое издание «РБК» предлагает подписку на рассылку. Суть заключается в том, что редакция сама формирует сводку новостей со страниц всех своих проектов, дает комментарии, почему это важно и как отразится. Затем каждый вечер присылает подписчикам подборку новостей на почту [6]. Это качественный пример работы с подписной моделью, когда пользователь экономит время, получая актуальную и объясненную информацию каждый день за 99 рублей ежемесячно. Также подписка убирает всю рекламу с сайта и приложения, что делает ее одинаково выгодной для пользователей в любой точке страны по сравнению с подпиской «Ведомостей», рассмотренной ранее.

По мнению Б. В. Лебедевой, «модель подписки на контент – это стабильный источник дохода, потому что подписку оформляют на длительное время. Чаще всего на сроки больше, чем рекламные контракты. Это позволяет точнее оценивать доходы издания. А при правильной модели доход от закрытия контента может превысить доходы от медиарекламы» [7].

Очень важно подчеркнуть, что большинство рекламных контрактов заключаются СМИ на месяцы, а подписка действует целый год, превращаясь в более ценный и стабильный источник дохода, чем реклама. Долгосрочные доходы позволяют формировать долгосрочные планы развития, что

демонстрирует, например, «Financial Times». Данное издание уже отчитывалось о том, что его прибыль от подписок превысила уровень прибыли от интернет-рекламы, который был до закрытия доступа.

Членства аудитории и создание из нее комьюнити могут быть использованы для построения более прочных отношений с лояльными читателями или зрителями, а также для получения ценной обратной связи о контенте и услугах, предлагаемых медиаорганизацией, от аудитории для формирования нового контента для издания. На Западе большинство медиа интегрировали у себя эту модель и успешно монетизируют свой контент таким образом. Например, издание «The New York Times» проводило для читателей с определенным уровнем подписки конференц-звонки, на которых репортеры и редакторы вели обсуждения разных тем, делая потом из этого подкасты [8]. А редакция «The Guardian» ещё в 2014 году назвала свою подписку членством и сосредоточилась на проведении общественных и культурных мероприятий, встреч, дискуссий и показов. Для этих целей было обустроено отдельное пространство в Лондоне [9].

На данный момент, переходя на главную страницу сайта «The Guardian», читатель видит, что половину экрана занимает всплывающий баннер, который отслеживает количество прочитанных на сайте материалов за год. Баннер предлагает оформить подписку, при этом позволяя пользоваться сайтом и без нее. Однако за 60 долларов в год данное СМИ предлагает только эксклюзивную рассылку новостей и уменьшение количество просьб о поддержке. Отключение рекламы и полный доступ к новостному приложению доступны при оплате 120 долларов в год, что в два раза больше подписки «The New York Magazine» и сильно дороже за те же функции подписки на российские источники [10].

Таким образом, можно сделать вывод, что модели подписки и членство аудитории являются эффективными способами создания сообщества читателей или телезрителей вокруг медиаорганизации. Предлагая эксклюзивный контент, персонализированный опыт и другие преимущества, средства массовой информации могут выстраивать более прочные отношения с аудиторией и получать ценную информацию об их предпочтениях и потребностях. Поддерживая это сообщество, медиапроекты могут создать устойчивую и поддерживающую аудиторию, которая инвестирует в успех и рост организации.

Стоит отметить, что в России способ подписки пока мало распространен и не обязателен для аудитории, которая пользуется контентом издания. Пользователю не навязывают подписку, как это делают зарубежные медиапроекты. Зарубежные издания используют подписную модель более агрессивно, ограничивая доступ к публикациям пользователям без подписки. При этом она эффективно работает, позволяя средствам массовой информации развиваться и осваивать новые направления.

Литература и источники

1. Карякина К. А. Актуальные формы и модели новых медиа: от понимания аудитории к созданию контента // Медиаскоп. 2010. № 1. URL: <http://www.mediascope.ru/node/524> (дата обращения: 25.03.2023).
2. Землянский А. В. Журналистика в 2020–2021 годах: тенденции // Наука и школа. 2020. № 3. С. 11–21.
3. One year in, New York magazine pivots membership program to exclusive events focus. // Digiday. February 1, 18. URL: <https://digiday.com/media/one-year-new-york-magazine-refines-membership-program/> (дата обращения: 22.03.2023).
4. New York Magazine Subscription: Official Page. URL: https://subs.nymag.com/magazine/subscribe/official-subscription.html?itm_source=sitepromo&itm_medium=internal&itm_campaign=subscribe-button# (дата обращения: 22.03.2023).
5. Подпишитесь на «Ведомости» // Ведомости: [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/subscription> (дата обращения: 20.03.2023).
6. Объясняем, что значат новости // РБК Pro: сервис для руководителей, специалистов и инвесторов. URL: https://pro.rbc.ru/rbcoffer/comfort_email_news?utm_source=plus.rbc.ru&utm_medium=inhouse_media&utm_campaign=rbc_comfort&utm_term=top_button (дата обращения: 25.03.2023).
7. Лебедева Б. В. Проблемы монетизации контента // Вестник Челябинского университета. Филология. Искусствоведение. 2015. № 5 (360). Выпуск 94. С. 320–324.
8. The New York Times is ramping up conference calls for subscribers that are run a little like radio shows. // NiemanLab. URL: <https://www.niemanlab.org/2018/05/the-new-york-times-is-ramping-up-conference-calls-for-subscribers-that-are-run-a-little-like-radio-shows/> (дата обращения: 20.03.2023).
9. Alan Rusbridger: welcome to Guardian Membership // News, sports and opinion from the Guardian's global edition. URL: <https://www.theguardian.com/membership/2014/sep/10/-sp-guardian-editor-alan-rusbridger-welcome-to-guardian-membership> (дата обращения: 23.03.2023).
10. Support the Guardian // News, sport and opinion from the Guardian's global edition. URL: <https://support.theguardian.com/int/> (дата обращения: 20.03.2023).

Об авторе

Лысанов Алексей Владимирович – магистрант, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия)

О научном руководителе

Каминская Татьяна Леонидовна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой журналистики, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 5974-1246. E-mail: tlkam1@mail.ru

О рецензенте

Василенко Ирина Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 9452-8499. E-mail: niv05@mail.ru

ФИГУРА ЖУРНАЛИСТА В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНЦИИ С БЛОГЕРАМИ: БОРЬБА В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Мариева Е. А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: *marieva0123456789@gmail.com*

THE FIGURE OF A JOURNALIST IN COMPETITION WITH BLOGGERS: STRUGGLE IN THE MEDIASPACE

Marieva E. A.

Yaroslav- the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: *marieva0123456789@gmail.com*

Аннотация. В работе представлено научное осмысление ролей журналиста и блогера в медиасреде. Получено представление о конкуренции между блогерами и журналистами, выявлено, что талант каждой профессии востребован на медиарынке. Обозначены действия для журналистов и блогеров, способствующие повышению их значимости как медиапрофессионалов.

Ключевые слова: журналист, блогер, битва за таланты, деинфлюенсинг, «ТопБлог», конкуренция.

Abstract. The paper presents a scientific understanding of the roles of a journalist and a blogger in the media environment. An idea of the competition between bloggers and journalists is obtained; it is revealed that the talent of each profession is in demand in the media market. The actions for journalists and bloggers that contribute to increasing their importance as media professionals are outlined.

Keywords: journalist, blogger, battle for talents, deinfluencing, "TopBlog", competition.

В медиапространстве существует конкуренция различных игроков: журналисты конкурируют с блогерами по параметрам. Деятельность каждого профессионала направлена на публикацию контента, поэтому с точки зрения исследования медиаландшафта представляет интерес их сопоставление.

Сегодня новые медиа и потребители контента существуют в пространстве, которое сформировалось посредством политических событий 2022 года. Новые медиа используют 78% пользователей ежедневно, которые в среднем тратят четыре часа в сутки на социальные сети и мессенджеры, видео, игры и маркетплейсы [1]. Интерес пользователей к контенту связан с поиском новых технологических способов популяризации в интернете, причем медиатексты производятся для всех каналов продвижения.

Актуальность работы обусловлена необходимостью научного осмысления ролей журналиста и блогера в медиасреде, поскольку сегодня значимость каждой профессии у разной аудитории варьируется. Необходимо получить представление о конкуренции между блогерами и журналистами, выявить, чей талант наиболее востребован на медиарынке. И какие действия необходимо предпринять, чтобы повысить свою значимость как медиапрофессионала.

В работе использован метод включенного наблюдения, поскольку автор участвовала в двух сезонах «ТопБлога» (платформы «Россия – страна возможностей»), присутствовала на закрытых мероприятиях, что позволило иметь представление о специфике проекта, лекционно-практических траекториях участников. Метод сопоставления позволил сравнить проведение двух деловых форумов в рамках проекта. С помощью классификации были представлены сведения о внешних атрибутах, способствующих запоминаемости образа. Используя метод интроспекции, автор смогла выявить эффективность лекционных практик, что повлияло на рекомендацию в выборе платформы для повышения компетенций блогеров. Метод описания позволил получить наиболее полное представление о работе проекта «ТопБлог». С помощью метода индуктивного обобщения было выявлено, что журналисты и блогеры имеют равные шансы для продвижения.

О роли журналистов и блогеров сегодня активно дискутируют эксперты в области медиа, отмечая, что современность влияет на деятельность обеих групп [2]. В условиях трансформации новых медиа роль журналиста кардинально меняется [3]. Представляется необходимым формировать, как считает Е. С. Кильпеляйнен, новую школу журналистики, способную готовить профессионалов для цифровой эпохи. Такие специалисты смогут работать в конвергентных редакциях, организовывать плодотворный многоаспектный и взаимовыгодный диалог с читателем-соавтором [4]. Что касается роли блогеров в интернете, то эксперты имеют разные взгляды на этот счет. Блогеров, считают С. Л. Леньков и Н. Е. Рубцова, нельзя отнести к профессионалам [5]. Н. А. Мартыанова и М. В. Рубцова имеют другой взгляд, подчеркивают, что блоги – новая форма журналистики [6]. А создавать материалы для него – новый вид деятельности, приносящий доход, влияющий на социальный статус индивида [7].

В России блогеры составляют конкуренцию журналистам [8], и эта ситуация сохраняется длительное время. Сначала журналисты пользовались доверием аудитории, имели авторитет, поскольку у них есть традиционное образование, они готовы нести ответственность за действия и материалы, представляющие разный спектр мнений, ориентируются на кодекс этики журналиста [9].

Особенности медиапотребления и пользовательское поведение зумеров оказали влияние на тип, формат, жанр, тематику контента, а также на медиаресурсы, на которых он стал публиковаться. Блогеры оказались в выигрышном положении, поскольку стали учитывать запрос потребителей медиатекстов на культуру естественности. Стали набирать популярность инфлюенсеры, но и они в итоге сдали позиции.

Трендом 2023 года стал деинфлюенсинг: пользователи упоминают о товарах, которые активно продвигают блогеры и которые в реальности не стоит покупать. Такие пользователи призывают экономить на вирусных трендах. Спад интереса зумеров к инфлюенсерам связан с усталостью от рекламы [10]. Парадокс: критикуя товары «от блогеров» и предлагая альтернативу, пользователи влияют на выбор своей аудитории. При этом если критикуют, но не предлагают, то их тоже можно относить к инфлюенсерам. Поэтому деинфлюенсинг существует еще не в полной мере.

Фигуры журналиста и блогера значимы. Каждый может заявлять о себе на медиаресурсах, иметь аудиторию и способы влияния на нее. Журналисты могут конкурировать с блогерами-миллионниками. Для этого необходимо иметь личный бренд, создать который можно разными путями. Интересно создать его на основе профессиональной деятельности, как это сделали ведущие Новгородского областного телевидения. С помощью программы «10 вопросов ведущему телеканала НТ» им удалось сблизиться с целевой аудиторией, повысить узнаваемость в деловых кругах, показать экспертность [11]. Действия повлияли на продвижение личного бренда и повысили их значимость на медиарынке. Создать личный бренд представляется возможным и с помощью внешних атрибутов, способствующих запоминаемости: очки, пиджак, часы, необычная прическа или сережки, индивидуальные жесты [12]. Должны быть детали, которые будут ассоциироваться с журналистом.

Такая техника возможна для популяризации блогеров. Хотя у них этот критерий находится на высоком уровне. Нуждаются в прокачке профессиональные и этические навыки. В этом вопросе интересен проект «ТопБлог» [13]. С его помощью блогеры могут получать комплекс знаний и эффективных инструментов от экспертов в digital-маркетинге, продвигать блог и приобретать нравственные представления о работе в сети. География проекта позволяет посетить мероприятия в разных городах и получить разноплановую информацию, способствующую усилению блогера как профессионала на рынке. К слову, в Великом Новгороде в рамках «ТопБлога» проходил деловой форум блогеров «Культурное наследие через социальные сети» [14]. И он отличался от программы делового форума блогеров этой же организации, который проходил в Ставрополе в рамках фестиваля «На высоте» [15]. Попасть на форумы могли

только блогеры – участники проекта на конкурсной основе. Такие мероприятия позволили мотивированным специалистам получить теоретические и практические навыки, способствующие их продвижению в профессиональном контексте.

Журналисты могут конкурировать с блогерами по другим параметрам. При этом они должны владеть фактчекингом, навыком распознавания фейков в интернет-пространстве: ведь их деятельность напрямую связана с количеством фейкового информационного потока, поэтому обеим группам важно иметь представление о медиаграмотности. Это позволит сделать их существование на медиаплощадках комфортным и продуктивным.

В борьбе талантов, как предполагает автор работы, представляется возможным уравнивать шансы. Если речь идет о блогерах с отрицательной репутацией, то они могут использовать ребрендинг, а бренды могут обновить своих инфлюенсеров. Качественно подобранный лидер мнений для рекламы позволит избежать негативной обратной связи от аудитории. Это позволит сохранить интерес к популярным блогерам, сделать попытку к возвращению подорванного доверия, избежать агрессивной рекламы и восстановить инфлюенс-маркетинг.

Развитие серьезного личного бренда журналиста позволит ему сохранить позиции в экспертном сообществе, усилить значимость на профессиональном рынке, повысить узнаваемость у целевой аудитории.

Битва за таланты сегодня существует, причем и журналисты, и блогеры имеют равный шанс на победу. Вопрос в том, кто и как преподнесет себя на медиарынке.

Литература и источники

1. Медиарынок: обзор трендов и прогнозы на 2023 год // SBlogs. URL: <https://www.sostav.ru/blogs/261726/35788> (дата обращения: 20.12.2022).
2. Кульчицкая Д. Ю. Медиапрофессионалы о должной и реальной роли журналистики в современном обществе: результаты экспертного анализа текстов // Вестник Московского ун-та. Сер.10. Журналистика. 2016. № 5. С. 119–129.
3. Вартанова Е. Л. О необходимости модернизации концепций журналистики и СМИ // Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2012. № 1. С. 7–26.
4. Кильпелайнен Е. С. Трансформация профессиональных компетенций журналиста в период цифровизации медиaproстранства // Идеи и новации. 2019. Т. 7, № 2. С. 24–30.
5. Леньков С. Л., Рубцова Н. Е. Это неуловимое понятие профессии // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018. Т. 3. № 3. С. 9–38.
6. Рубцова М. В., Мартянова Н. А. Практики управления идентичностью бьюти-блогеров: мультимодальный подход к анализу депрофессионализации // StudiaHumanitatis. 2015. № 1. С. 20.
7. Фурсова В. В., Гимадеева Д. Р. Блогерство как новый вид профессиональной деятельности // Informatization of society: socio-economic, socio-cultural and international

aspects: Materials of the VIII International scientific conference. Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2018. P. 17–25.

8. О конкуренции между блогерами и журналистами // Познер Online: официальный сайт Владимира Познера. URL: <https://pozneronline.ru/2021/01/31182/> (дата обращения: 20.12.2022)

9. Кодекс профессиональной этики российского журналиста Союза журналистов России. URL: <http://sjr34.ru/upload/iblock/6ea/h6tks03ph7x0vjixp13onma1wpcd0ty.pdf> (дата обращения: 20.03.2023)

10. Появился новый тренд – деинфлюенсинг. URL: <https://web.telegram.org/z/#-1673957859> (дата обращения: 20.12.2022).

11. Мариева Е. А. Продвижение личного бренда телеведущих регионального телевидения на примере программы «10 вопросов ведущему телеканала НТ» // Дни науки и инноваций НовГУ: материалы XXIX Всероссийской научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ. Великий Новгород, 25 апреля – 13 мая 2022 г. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2022. С. 153–157.

12. Мариева Е. А. Новгородское областное телевидение как площадка для продвижения личного бренда телеведущих // Глобальные вызовы в меняющемся мире: тенденции и перспективы развития социально-гуманитарного знания. Материалы международной конференции, Екатеринбург, 24–26 марта 2022 г. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2021. С. 238–241.

13. «ТопБЛОГ» – это конкурс и бесплатная образовательная программа // ТопБлог. URL: <https://topblog.rsv.ru/> (дата обращения: 20.03.2023)

14. Деловой форум блогеров проекта «ТопБЛОГ» в Великом Новгороде: популяризация культурного наследия через социальные сети // Россия – страна возможностей: открытая платформа. URL: <https://rsv.ru/news/1/4410/> (дата обращения: 20.03.2023)

15. Масштабный форум проекта «ТопБЛОГ» в рамках фестиваля «На высоте» завершился в Ставрополе URL: <https://topblog.rsv.ru/2/tpost/1idmtljmr1-masshtabnii-forum-proekta-topblog-v-ramk> (дата обращения: 20.03.2023)

Об авторе

Мариева Екатерина Александровна – магистрант, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия)

О научном руководителе

Каминская Татьяна Леонидовна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой журналистики, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 5974-1246. E-mail: tlkam1@mail.ru

О рецензенте

Василенко Ирина Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 9452-8499. E-mail: niv05@mail.ru

ПОДКАСТИНГ КАК НОВЫЙ МЕДИАФОРМАТ

Матеуш К. В.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: *k.mateusch2017@gmail.com*

PODCASTING AS A NEW MEDIA FORMAT

Mateush K. V.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: *k.mateusch2017@gmail.com*

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению истории такого явления, как подкастинг и тому, как различные исследователи объясняют причины возникновения и дальнейший рост популярности у записанных радиошоу и личных аудиоблогов. Также в статье рассмотрены виды и функции подкастов и приведены результаты статистических данных, опубликованных компанией Яндекс, проведен их анализ.

Ключевые слова: медиаформаты, подкаст, подкастинг, аудиоформат, Яндекс.

Abstract. This article is devoted to the history of such a phenomenon as podcasting, and how various researchers explain the reasons for the emergence and further growth of popularity among recorded radio shows and personal audio blogs. The article also discusses the types and functions of podcasts and presents the results of statistical data published by Yandex, their analysis is carried out.

Keywords: media formats, podcast, podcasting, audio format, Yandex.

По данным компании Яндекс, в 2021 году более 16 млн россиян слушали подкасты хотя бы раз в месяц [1]. Количество запросов со словом «подкаст» в поисковике Яндекса с 2018 года по 2021 выросло более, чем в 2,5 раза.

Например, РБК запустил целых 10 подкастов с апреля 2020 года [2]. Хотя с начала 2023 года не выпущен ни один выпуск ни одного из их шоу, за три года подкасты РБК успели стать очень популярными. По официальным данным за все время их подкасты набрали более 2 млн прослушиваний. Издание «Коммерсантъ» также запускало несколько подкастов [3]. Один из них – «ЪFM. Карьера» – выходит до сих пор.

Для того, чтобы понять, почему подкасты и различные аудиошоу стали активно набирать популярность в последние годы, нужно изучить этот тренд и доступные данные о предпочтениях аудитории.

История понятия

Термины «подкаст» и «подкастинг» (от iPod и англ. Broadcasting) впервые использовал журналист The Guardian Бен Хаммерсли в своей статье «Audible revolution» (пер: «Звуковая революция») [4]. В ней он писал о растущей популярности МРЗ-плееров, дешевизне производства звукового контента (речь о программном обеспечении) и появлении аудио-блогов, которые медленно начали вытеснять радио. Уже в 2005 году Новый Оксфордский словарь назвал «подкаст» словом года. Однако согласно их трактовке, подкаст – это «цифровая аудиозапись радиопередачи, которую можно свободно скачать из Интернета» [5]. В 2006 же году в ежегодном отчете об американской журналистике State of the News Media подкасту дали уже другое определение: «Подкастинг – это способ распространения аудио- и видеопрограмм через Интернет, который отличается от более ранних онлайн-аудио- и видеопубликаций тем, что материал автоматически передается на компьютер пользователя и может быть использован в любое время, обычно на Apple iPod или другом портативном цифровом музыкальном проигрывателе, обычно известном как МРЗ-плеер» [4].

Понимание подкастинга сегодня изменилось, однако в определении отражен один из основных плюсов подкастов – возможность слушать их в любое время и в любом месте. Василий Гатов в своей статье «Будущее журналистики» называет эту тенденцию возникновением информационных потоков по желанию потребителей [6].

Е. А. Воинова и Е. В. Сивякова в работе «Подкаст как новый формат публичной коммуникации в условиях цифровой медиасреды» приходят к выводу, что подкаст как формат, реализующий запрос на нарративное повествование, одновременно является и новой формой предъявления контента, и способом выстраивания отношений с аудиторией [7].

Виды подкаста

Е. А. Воинова и Е. В. Сивякова, говоря о типологии подкастов, выделяют три группы: по информационности, формату и сюжету.

По информационности подкасты делят на событийные и вневременные. К событийным относится, например, обзор самых значимых и ярких новостей дня, недели, месяца или любого другого промежутка времени (например, «Что нового?», «Осторожно: утро!»). Во вневременных же подкастах рассказывается о чем-либо, не привязанном к определенной дате. К этому виду чаще всего относят научно-популярные подкасты (например, «Хроники еды», «ТЕД на русском»).

По формату выделяют повествовательные (чаще научно-популярные) и дискуссионные подкасты. К дискуссионным относят не только подкасты с двумя ведущими, разговаривающими на одну тему (например, «Фантастические книги и где их обсуждают») или подкасты-интервью (например, «Это Непросто»), но и обсуждение несколькими ведущими вопросов, которые ранее были заданы аудиторией.

По сюжету разделяют сюжетные (выражена сюжетная линия и есть план) и внесюжетные (нет заранее подготовленного сценария) подкасты. Внесюжетный подкаст подразумевает, что начать его слушать можно с любого выпуска.

Подкасты делят на группы и по жанрам, про это писала, например, Л. А. Круглова в своей статье «Российские аудиоподкасты: становление и специфика развития» [8].

Функции подкаста

Разные авторы выделяют разные функции подкастов. Например, Н. В. Яблоновская и М. П. Бондаренко в статье «Подкаст как формат передачи научно-популярной информации (на примере телеграм-канала «Голый землекоп»)» пишут о четырех главных функциях подкаста: информационной, ценностно-регулирующей, функции форума (или канала социального участия) и социально-креативной [9]. По сути, эти функции взяты из типологии социальных функций СМИ, которые предложены И. Д. Фомичевой в ее пособии «Социология СМИ» (2007) [10, с. 53].

Также и другие авторы, которые, говоря о функциях СМИ, используют типологию И. Д. Фомичевой, выделив следующие функции.

Информационная – формирует повестку дня.

Ценностно-регулирующая – формирует мнения. Подразумевает трансляцию обществу разных точек зрения и путей решения проблем, а также аргументацию каждого из них. В отличие от информационной функции, цель которой – понимание, ценностно-регулирующая функция настроена на принятие ценностей конкретного СМИ.

Функция форума приравнивает СМИ к площадке для выражения мнения его аудитории и коммуникации. Именно подкасты, в отличие от новостей или репортажей, чаще всего отражают потребности аудитории, а также отвечают на их вопросы, заданные в комментариях под различными материалами или напрямую сотрудникам СМИ.

Социально-креативная. Данная функция тесно пересекается с развлекательной, хотя ей и не является. Выполняя ее, СМИ может не только

наделять свою аудиторию новыми знаниями, но и влиять на ее поведение. Например, подталкивать к общению в комментариях, тем самым повышая общую активность читателей и слушателей.

Хотя Яблоновская и Бондаренко не добавляют в свою статью функцию психической регуляции, все равно хочется отметить ее как одну из важных функций подкаста. И. Д. Фомичева в своем пособии пишет, что «распространяя информацию с определенным содержанием и интонацией», СМИ «формируют определенный тонус, настроения, чувства» у своей аудитории.

Другой ряд функций подкастов в ученике «Радиожурналистика» предлагает А. А. Шерель [11, с. 112–127]. Он делит функции на три группы: информационную, социального управления обществом и культурно-просветительскую.

Статистика

Как уже было отмечено выше, согласно опросу, проведенному компанией Яндекс в 2020 году, чуть больше 16 миллионов россиян хотя бы раз в месяц слушают подкасты [1]. Более того, интерес к подкастам начал довольно резко расти начиная с 2018 года.

В этом же исследовании Яндекс рассказывает о различных показателях подкастов, которые есть в каталоге Яндекс.Музыка. Они отмечают, что по их анализу можно судить о русскоязычных подкастах в целом, и с этим трудно не согласиться, так как Яндекс.Музыка является одним из самых известных ресурсов для прослушивания музыки и подкастов.

Кратко подведем результаты анализа Яндекс.

В России на ноябрь 2021 года больше 11,5 тысяч подкастов. Почти половину из них – пять тысяч – запустили в 2020 году. Это связано с эпидемией коронавируса и самоизоляцией, которые увеличили количество зрителей не только у онлайн-кинотеатров, но и у подкастов. В 2021 году за месяц запускалось примерно по 400 аудиошоу, и на ноябрь 2021 года активны три тысячи подкастов из одиннадцати тысяч, то есть их крайний выпуск был выпущен не ранее, чем за 30 дней до выпуска аналитической статьи.

Почти у половины – у 45% всех шоу – больше десяти эпизодов.

Средняя длительность выпусков – тридцать минут. Аналитики Яндекс отмечают, что подкасты с такой продолжительностью дослушивают в четырех случаях из пяти, в то время как эпизод длиной от 30 до 60 минут лишь в двух из пяти. То есть длинные выпуски до конца не дослушивают.

Почти 28% русскоязычных подкастов посвящены «Обществу и культуре» (например, «10 глупых вопросов», «Мир в историях», «Теперь понятно»), около

23% – «Науке и образованию» (например, «ТЕД на русском», «Игры разума», «Почему мы еще живы»), около 14% – «Бизнесу и работе» (например, «Деньги делают деньги», «На пенсию в 35», «Потом доделаю»).

Интересно, что и по будням, и по выходным у пользователей примерно одинаковая активность. Возможно, прослушивание подкастов связано не с количеством «свободного времени», а с определенной ежедневной монотонной деятельностью, например, с готовкой или прогулкой с собакой.

Выводы

Подкасты как медийный тренд и как способ медиапродвижения вряд ли устареет в ближайшие несколько лет. Многие люди все еще стремятся к максимально удобному для себя потреблению информации, и не важно какого она характера – развлекательного, образовательного или же это просто новости. Все больше СМИ начинают выпускать короткие подкасты с обзором главных новостей дня, а блогеры запускают тематические подкасты с интервью, обзорами, рецензиями и прочим. Такой контент явно пользуется спросом и повышает узнаваемость их авторов.

Таким образом, популярность подкастов можно объяснить следующими обстоятельствами. Во-первых, подкасты позволяют обратиться к новостям тогда, когда потребителю это максимально удобно и когда он к ним готов (что стало особенно актуально еще во времена коронавируса). Кроме того, прослушивание подкаста, как и в случае с радио, позволяет реализовать параллельное потребление медиа. Это также уже не новая особенность современной городской жизни и, в частности, потребления информации. Поэтому возникновение подкастов, записей эфиров и видео, которые можно не смотреть, а «включить фоном», вполне ожидаемо.

Во-вторых, сегодня подкасты имеют многочисленные формы и виды, подстраиваясь под запросы различных целевых групп.

Литература и источники

1. Подкасты России // Яндекс: сайт. <https://yandex.ru/company/researches/2021/podcasts> (дата обращения: 22.03.2023)
2. Простым языком о трендах в обществе, бизнесе и науке // РБК: сайт. URL: https://podcasts.rbc.ru/?utm_source=topline (дата обращения: 22.03.2023)
3. Подкасты 93.6 // Коммерсантъ: сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2776978> (дата обращения: 22.03.2023)
4. What is Podcasting // Pew Research Center. URL: <http://www.journalism.org/2006/07/19/what-is-podcasting/> (дата обращения: 22.03.2023)
5. The new Oxford American dictionary / ed. by Erin McKean. Second edition. Oxford: Oxford University Press, 2005. 2051 p.
6. Гатов В. Будущее журналистики // Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016 / под ред. С. Балмаевой, М. Лукиной. Екатеринбург: Гуманитарный институт,

2016. С. 206–265. URL: https://ddt-chkalov.ru/system/files/Как+новые+медиа+изменили+журналистику+2012-2016_0.pdf/ (дата обращения: 22.03.2023)

7. Воинова Е. А., Сивякова Е. В. Подкаст как новый формат публичной коммуникации в условиях цифровой медиасреды // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 12. С. 104–120.

8. Круглова Л. А. Российские аудиоподкасты: становление и специфика развития // Меди@льманах. 2018. № 1 (84). С. 89–101.

9. Яблоновская Н. В., Бондаренко М. П. Подкаст как формат передачи научно-популярной информации (на примере телеграм-канала «Голый землекоп») // МедиаВектор. 2022. № 4. С. 131–135.

10. Фомичева И. Д. Социология СМИ: учебное пособие. Москва, 2007. 334 с.

11. Радиожурналистика: учебник / под ред. А. А. Шереля. Москва: Изд-во Московского ун-та; Наука, 2005. 477 с.

Об авторе

Матеуш Ксения Владимировна – магистрант, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия)

О научном руководителе

Каминская Татьяна Леонидовна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой журналистики, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 5974-1246. E-mail: Tatyana.Kaminskaya@novsu.ru

О рецензенте

Шмелева Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 9745-0252. E-mail: Tatyana.Shmeleva@novsu.ru

ИДЕАЛЫ ВОИНСКОЙ СЛУЖБЫ В НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Мащенко Б. Г.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: *mashchenko-bogdan@mail.ru*

IDEALS OF MILITARY SERVICE IN SOME SOURCES OF THE FIRST HALF OF ALEXEY MIKHAILOVICH REIGN

Mashchenko B. G.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: *mashchenko-bogdan@mail.ru*

Аннотация. В статье освещается конструирование идеалов воинской службы в Русском государстве XVII века. Сравнительному анализу подвергается комплекс установок, изложенных в «Учении и хитрости ратного строения пехотных людей» (1647) и царском «Наказе окольничему князю И. И. Лобанову-Ростовскому» (1659).

Ключевые слова: Россия XVII в., идеалы воинской службы, «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», царь Алексей Михайлович.

Abstract. The article highlights the construction of the ideals of military service in the Russian state of the 17th century. A set of principles outlined in the "Uchenie i hitrost' ratnogo stroeniya pekhotnyh lyudej" (1647) and the tsar's "Nakaz okol'nichemu knyazyu I. I. Lobanovu-Rostovskomu" (1659) are subjected to comparative analysis.

Keywords: Russian 17th century, ideals of military service, "Uchenie i hitrost' ratnogo stroeniya pekhotnyh lyudej", tsar Alexei Mikhailovich.

В условиях постоянного внешнеполитического напряжения Русского государства в XVII в. московские цари предпринимали последовательные попытки реформирования военной системы, начиная от создания полков нового строя, перевооружения армии и заканчивая разработкой теоретических документов о воинской службе. Эти мероприятия проводились с оглядкой на опыт европейских держав и состояли в адаптации актуальной на тот момент линейной тактики и способов ведения войны к условиям Восточной Европы [1]. Одним из проявлений такого типа реформ стал выпуск в 1647 году на Московском печатном дворе труда под названием «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». В историографии высказываются различные

мнения о сущности этой работы. После публикации источника в 1904 г. считалось, что «Учение» является первым русским военным уставом [2; 3; 4; 5]. Некоторые современные исследователи (например, О. В. Русаковский) считают, что данная книга является не уставным документом, а первым русским военным трактатом [6]. Необходимо констатировать, что «Учение...» – уникальный для военной системы Московского государства документ. Существуют прямые свидетельства торжественного вручения трактата командирам полков при принятии присяги и вручении полкового знамени [10].

Следует отметить, что «Учение...» является адаптацией к русским реалиям труда европейского военного теоретика Иоганна Якоби фон Вальхаузена «Kriegskunst zu Fuss», изданного в 1615. Однако его нельзя считать просто переводным изданием, поскольку оно содержит в себе большое количество положений, отсутствующих в первоисточнике. Более всего такой информации содержится во введении к первой книге «О научении как салдатом оружием владети», где пространно изложены установки относительно психологии воина, принципов ведения войн и моральных качеств воинов [7, с. 27–32]. Все это можно назвать тщательно сконструированным образом русского служилого человека в его идеальном воплощении, то есть неким «идеалом государевой службы».

В труде И. Я. Вальхаузена также излагаются идейные основы воинской науки (причем основой, как и в русской адаптации, выступает божественная воля и религиозные начала), указываются войны праведные и неправедные и ведется рассуждение о нравах солдат [8]. Однако «Учение...» как минимум является глубокой переработкой труда голландского теоретика – основные компоненты излагаемого идеала службы имеют абсолютно иное идейное обоснование.

Работа с положениями, оригинальными для «Учения...», и поиск их следов в русских источниках XVII в. позволяет нам установить степень оригинальности и применимости на практике принципов, вложенных автором «Учения...» в свое произведение. К сожалению, авторство рассматриваемого труда остается неустановленным. Вместе с тем, определив, взгляды какой интеллектуальной среды транслировались в данном труде, мы сможем приблизиться и к происхождению произведения.

Одним из ключевых составляющих идеала воинской службы является верность, ведь именно от нее зависит дисциплина и боеспособность войска. Эта часть идеала служилого человека отражается в «Учении...» достаточно ярко, а в оригинале И. Я. Вальхаузена подобные идеологические положения отсутствуют в принципе. В Московском царстве (с глубоко укоренившимися традициями

патернализма служилых людей и почитания власти своего государя) подобные нормы получили свое особое выражение [9, с. 216]. «Всем подданным быть как есть рабом» – в этой фразе автор учения достаточно четко выразил понимание верности служилого сословия своему государю [7, с. 24]. В «Учении...» отдельное внимание уделяется игнорированию родовитости и знатности служилого человека. Помня пагубность для русского войска постоянных местнических споров, от служилого человека требовалось забыть вольности и заслуги предков, характерные для самосознания русских служилых людей XVI–XVII вв.

Основополагающий принцип воинской службы «Учения...» звучит как «Бога в сердцы своем имети» [7, с. 27]. В данной формуле выражается весь комплекс представлений о нравственности воина, моральном стержне в тяжелых условиях войны: «Вси свои ратныя промыслы... во имя Божие начинати и исполнять против своего недруга и всякое счастье и одоление едино от Бога ожидать» [7, с. 30]. Стоит заметить, что подобная формула не находит отражения в оригинале И. Я. Вальхаузена, где ведутся рассуждения лишь о формальной богоугодности воинского искусства.

Однако декларация таких постулатов еще не означает их реального применения в практике несения службы. Возможно ли увидеть отражение рассмотренных установок в других источниках? Это дало нам бы возможность понять, в какой интеллектуальной среде они зародились и чей идейный посыл несли.

Интересный взгляд на идеал воинской службы «сверху» дает «Наказ окольничему князю И. И. Лобанову-Ростовскому», написанный царем Алексеем Михайловичем в 1659 г. Обстоятельства возникновения этого послания связаны с неудачами войска, действовавшего в Белоруссии [10]. Самым крупным просчетом И. И. Лобанова-Ростовского, помимо неоправданных потерь, был неудачный штурм Мстиславля, поспешно предпринятый с целью загладить вину за предшествующие неудачи. Штурм, начатый «без розсмотрения всякого, положиа упование на свое человечество и доротство, кроме милости Божий и помощи», провалился и принес князю еще более тяжелые потери [11].

В свойственной государю поучительной манере Алексей Михайлович излагает сущность проступков командующего и развернуто наставляет своего воеводу как «о великого государя деле промышлять». Подобный комплекс наставлений, да еще и предоставленный на конкретном примере-проступке, дает нам возможность увидеть взгляд государя на то, как начальный человек должен нести ратную службу.

Прежде всего, Алексей Михайлович видит нарушение данной лично ему, государю, клятвы верности, в которой «приказывали изустно о Божий и о

нашем великого государя деле промышлять со всяким раденьем, отложа всякую гордость и спесь» [11]. С точки зрения государя, служилый человек должен проявлять свою верность в четком послушании и честности, которая достойна только государева слуги. Ложь со стороны князя обесценивает его статус, поскольку лгут «недумные и худые люди, а думным нашим великого государя людем ложно писать не довелось. От века того не слыхано, чтобы природные холопи государю своему в ратном деле в находках и в потерках писали неправдою и лгали» [11].

Сравнение князя с «обышными людишками» продолжают и в отношении «отговорок» военачальника, что он «за тем не писал к нам, великому государю, что будто бы... подъячих нет». Судя по всему, в глазах Алексея Михайловича сама верность ему, как государю, является особой «честью» для служилого человека, недоступной для «ябедников и обышных людишек».

Алексей Михайлович указывает на самоуверенность и самовольство военачальника, право на которое ему якобы дает княжеское «дородство», хотя тот должен был положиться только на промысел Божий и на волю государя. Идеал такого послушания государь преподносит через слова Псалма 145: «Не надейтесь на кесари, на сыны человеческия, в них же несть спасения» [11]. Апелляция к духовным идеалам должна укорить «вышеславие» князя, который возомнил себя равным Богу и государю, что, по мнению, последнего недопустимо.

В безрассудных воинских деяниях окольного Алексея Михайлович видит пренебрежение Божьей волей, а значит и волей государя, ведь князь уповал прежде всего на себя, а не на Бога. Ложь как проявление отсутствия Бога в сердце своего воеводы побуждает государя цитировать Священное писание, выставляя князя в неприглядном свете: «Вспомяни, человеце, Спасово слово: на кого призрю? На кроткого и смиренного и трепещущаго словес Моих; от кого отвращуся? От гордого, немилосердаго, братоненавистца, от лживаго и кленущагося во лжу Мною и Моим именем святым» [11].

Подобный взгляд государя на проступки князя полностью понятен. Русский человек XVII века был глубоко религиозен, а особенно воин, постоянно сталкивающийся с опасностью: «...потому когда он против недруга идет, и он всегда в смертном страхе и подобает ему мирное житие вести паче чернеца в монастыре» [11]. По этой причине духовное обоснование является главным в аргументации праведности действий воина. Здесь государь указывает именно на «порочность» действий своего воеводы. К слову, во второй половине «Наказа...» подробно описываются те действия, которые Лобанов-Ростовский должен предпринять чтобы принести покаяние за свои грехи, поскольку погубил он прежде всего «ратных людей Божиих», а уже потом «государевых».

Самовольство и спесь, вызванные знатным происхождением воеводы, его непослушность и небрежение в несении службы и, что самое главное – отсутствие Божественного начала в действиях на поле боя – вот составляющие некоего «антиидеала» воинской службы, выраженного в частном примере «государева наказа».

Таким образом, царское послание содержит как идейные, так и текстуальные переключки с опубликованным на десять лет ранее «Учением...», помогает нам, конкретизировать и подробно раскрыть составляющие воинского идеала. Соответствие царского взгляда на идеал службы с постулатами «Учения...» («Бога в сердце имети») позволяют говорить о том, что рассматриваемые документы отражают взгляды одной и той же интеллектуальной среды.

Литература и источники

1. Курбатов О. А. Военные реформы в России второй половины XVII века. Конница. Москва: Квадрига, 2017. 304 с.
2. Бескровный Л. Г. Очерки по источниковедению военной истории России. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 452 с.
3. Бобровский П. О. Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях. Санкт-Петербург: Тип. В. С. Балашева, 1887. 96 с.
4. Строков А. А. История военного искусства. Рабовладельческое и феодальное общество. Москва: Воениздат, 1955. 662 с.
5. Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. (с образования централизованного государства до реформ при Петре I). Москва: Воениздат, 1954. 224 с.
6. Rusakovskiy O. The Russian Edition of Johann Jacobi von Wallhausen's "Kriegskunst zu Fuß" (1649): The History of a Failure? // Militargeschichtliche Zeitschrift. 2020. Vol. 79, no. 1. P. 1–25.
7. Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. 1647 год. Санкт-Петербург: Гл. штаб, 1904. 287 с.
8. Wallhausen, J. J. Kriegskunst zu Fuß / Darinnen gelehret und gewiesen werden. Oppenheim, 1615. 188 s.
9. Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. Москва: Ин-т «Открытое о-во»: МИРОС, 1998. 447 с.
10. Курбатов О. А. Ратное дело при царе Алексее Михайловиче в свете православной традиции // Церковь в истории России. Вып. 8. Москва: Ин-т российской истории РАН, 2009. С. 22–38.
11. Царь Алексей Михайлович. Наказ окольничему князю И. И. Лобанову-Ростовскому URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1640-1660/AlexejI/nakaz_lobanov_1659.htm (дата обращения 20.03.2023).

Об авторе

Мащенко Богдан Геннадьевич – студент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия)

О научном руководителе

Самойлов Кирилл Глебович – научный сотрудник Центра археологических исследований, старший преподаватель кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 5840-6817. E-mail: jevoli@mail.ru, Kirill.Samoylov@novsu.ru

О рецензенте

Васильев Ярослав Анатольевич – кандидат исторических наук, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Новгородской группы, Санкт-Петербургский институт истории РАН; доцент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 4212-2187. E-mail: vasilev-yaroslav@yandex.ru, Yaroslav.Vasilev@novsu.ru

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО УСТРОЙСТВА ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ СТАРОЙ РУССЫ

Миненко Т. С.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: *s250122@std.novsu.ru*

TO THE PROBLEM OF STUDYING THE ADMINISTRATIVE STRUCTURE OF LATE MEDIEVAL TOWN STRAYA RUSSA

Minenko T. S.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: *s250122@std.novsu.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема изучения административного устройства Старой Руссы в позднесредневековый период. Приводится историография понятия «городской конец», выполнен анализ упоминаний концов Старой Руссы по учетным документам XV–XVII веков.

Ключевые слова: Старая Русса, средневековый русский город, городской конец.

Abstract. The article considers the problem of administrative structure of Staraya Russa in the Late Middle Ages. Historiographic meaning of "gorodskoy konets" is provided, as well as the analyses of Staraya Russa ends mentions in accounting documents of the 15th–17th centuries.

Keywords: Staraya Russa, Medieval Russian town, kontsy (ends).

Реконструкция топографии древнерусских городов является одной из наиболее сложных проблем в отечественной исторической науке, которая тесно связана с изучением их административного устройства. Одной из важнейших частей городской структуры являются городские концы, известные во многих городах Восточной Европы, в том числе в Старой Руссе [1 с. 197–201; 2, с. 3–13]. Однако изучение городских концов в современной науке главным образом сконцентрировано на концах древнего Новгорода, который представляет собой классический пример города с кончанской структурой, что накладывает значительный отпечаток и на изучение других древнерусских центров.

В начале XIX в. Евгений Болховитинов описывал концы Новгорода как самоуправляющиеся части города, подчиненные общегородской власти и состоящие из улиц [3, с. 16]. По всей видимости, большинство дореволюционных

исследователей административно-территориального устройства Новгорода разделяли эту точку зрения на понятие «городского конца» [4].

В середине XX в. А. В. Арциховский определял «концы» как самоуправляющиеся районы, из соединения которых состоял вечевой город [2, с. 3–13]. М. Н. Тихомиров в монографии «Древнерусские города» не вносил понятие «конец» в систему городской администрации, а помещал его в главу «Внешний вид городов», где утверждал, что «концом» обозначали городские кварталы, впоследствии сделавшиеся городскими частями [5, с. 246].

В. А. Буров рассматривал «концы» как самоуправляющиеся административно-территориальные единицы-общины, территориальные объединения, состоящие из улиц. Помимо этого, он затрагивал проблему кончанской структуры в волостях по системе деревня – конец как несколько деревень – волость [6, с. 133–134].

М. С. Черкасова в статье «Концы на Устюге в Средневековье и раннее Новое время», подводя итоги изучения понятия «конец» на данный момент, определяет достигнутое в наше время понимание проблемы концов как территориальных образований: 1) концы в значении изначальных структурообразующих и самоуправляющихся подразделений; 2) концы в топографическом, пространственном смысле, как ориентирующие определения.

Упомянув Старую Руссу, она, основываясь на приходной книге 1577/78 г. и на комплексе дозорных, писцовых и переписных книг, утверждает, что концы в Старой Руссе соотносятся с церковными приходами. Кроме того, М. С. Черкасова выдвинула предположение, что городские концы за пределами Северо-Запада Руси не имели административно-политических функций [7].

Таким образом, определяя понятие «конца», исследователи обращаются к информации из летописей, актовых документов и учетных документов конца XV–XVII вв. «Городской конец» большинство из них понимает как квартал, состоящий из улиц. Особого внимания заслуживают вопрос о функциях городских концов и о принадлежности кончанской структуры исключительно городам.

Перейдем к рассмотрению изучения концов Старой Руссы. Первая попытка их рассмотреть была предпринята в конце XIX в. М. И. Полянским, который описал города после Смуты. По сути, он пересказывал писцовую книгу 1624 г. и на самих концах внимание не акцентировал. На составленном им плане Старой Руссы в 1625 г. указаны только Мининский и Рогов концы, причем они обозначены так же, как улицы, остатки земляного вала, крепость, мосты, соленое озерко и Емецкое болото [8, с. 25–38].

В 1967 г. А. Ф. Медведев, основываясь на писцовых и переписных книгах, выделял в Старой Руссе пять концов: Середку, Песий, Мининский,

Рогов и Емецкий. Он утверждал, что Русса управлялась из Новгорода и была от него в большой зависимости [9].

В конце XX в. В. Г. Миронова и В. Н. Суховаров сопоставили наиболее мощные культурные напластования с древними административно-территориальными городскими центрами, т. е. с концами, которые они рассматривали в соответствии с определением А. В. Арциховского. Ими было выделено шесть концов в соответствии с упоминаниями в писцовых и переписных книгах: Середка, Песий, Мининский, Рогов, Емецкий и Спасский. Отсутствие двух последних концов в ранних источниках было объяснено их неполнотой [10].

В. А. Ядрышников утверждал, что выделение в Руссе пяти-шести изначальных концов, установленное В. Г. Мироновой и В. Н. Суховаровым, не подтверждается источниками: в книге 1497/98 г. упоминаются только Рогов, Середка, Песий и Мининский. Появление других концов в поздних источниках связано с изменением понятия: концом стали обозначать церковные приходы и просто определенные территории [11, с. 38]. К схожим выводам пришли К. Г. Самойлов, Е. В. Торопова и И. А. Воронков [12].

Таким образом, все исследователи, изучавшие городские концы Старой Руссы, основывались на писцовых и переписных книгах. Открытыми остаются вопросы о их количестве и значении: были ли это топографические ориентиры, обозначения церковных приходов или полноценные административно-территориальные единицы.

Переходя непосредственно к анализу источников по концам Старой Руссы, отметим, что главными из них остаются писцовые и переписные книги – поземельные описи конца XV–XVII веков. По Старой Руссе известны книги 1497/98 г., дозорная 1611 г., 1624 г., 1647/48 г. и 1678 г. В качестве источников могут также привлекаться приходная книга новгородского дома Святой Софии 1576/77 г., роспись церквей и монастырей Старой Руссы 1615 г. и оброчная книга Старой Руссы 1672/73 г.

В писцовой книге 1497/98 г. упомянуты концы Рогов, Середка, Мининский и Песий, где они использованы как основа для описания города. В начале называется конец, после чего идет перечисление дворов, однако упоминания улиц практически отсутствуют [13, с. 3–35].

В приходной книге новгородского дома Святой Софии 1576/77 г. при перечислении платы с дворов и огородов так же, как в книге 1497/98 г., упомянуты те же четыре конца. [13, с. 324–326].

В дозорной книге 1611 г. Мининский конец обозначен как часть города, состоящая из улиц. Концы Середка и Песий объединены в один «конец Середецкой и Песей». Рогов конец упоминается так же, как улицы, из чего

можно сделать вывод, что он понимается не как конец, а как улица. В «конце Емцы» не указаны отдельные улицы, но есть деление на «Среднюю Емцу» и «Крайнюю Емцу». При описании улиц указывается, что жители сожженных дворов живут в «Ыльинском конце», «Троецком конце», «Васильеве конце», «Егорьевском конце». При перечислении торговых рядов один из владельцев упоминается как живущий в «Никольском конце». Это дает основания считать, что концами называли церковные приходы [13, с. 35–111].

В росписи церквей и монастырей Старой Руссы 1615 г. дано перечисление церквей по улицам, кроме деревянного храма Покрова, который указывается «в Середке». К этому другими чернилами было приписано «же в концы» [13, с. 328–330]. В. А. Ядрышников в монографии «Архитектура Старой Руссы XII – начала XX века» относил эту церковь к улице Середка, находившейся в Песьем конце [11, с. 300].

Писцовая книга 1624 года – самая подробная из всех. В ней конец Середка отсутствует. Рогов и Емецкий концы упомянуты также, как в дозорной книге 1611 г., но при описании варниц есть формулировка «В Рогове конце по Красной Луке», что создает вопрос: автор относит Красную Луку к Рогову концу или нет? Мининский конец фигурирует в изначальном понимании: после его обозначения идет перечисление улиц и дворов, расположенных в нем. Песий конец при описании улиц отсутствует, но назван при перечислении «молодожников» старорусского посада, огородов, садов и варниц. При описании варниц упомянут и Никольский конец [13, с. 111–276].

В переписной книге 1647/48 г. выделены два конца – Мининский и Дмитриевский. Они использованы как топографические ориентиры: так же, как улицы и указания по типу «на валу», «в Кузнецях», «на Городьке», «за рекой Полистью» и подобные [13, с. 276–288].

В оброчной книге 1672/73 г. обозначены концы Дмитриевский, Егорьевский, Мининский и Рогов, использующиеся, как и в переписной книге 1647/48 г., в качестве топографических ориентиров наравне с улицами [13, с. 335–395].

В переписной книге 1678 г. фигурируют Дмитриевский, Мининский, Пятницкий и Рогов концы. При описании Дмитриевского и Пятницкого концов упоминаются по улице к каждому из них: «В Дмитриевском конце в Васильевской улице» и «по Проезжей улице в Пятницком конце». При описании гостиных дворов присутствуют формулировки «в Пятницком конце у Соленого озера», что создает вопрос: как автор понимал эти концы: как топографические ориентиры, как церковные приходы или как городские кварталы? Рогов конец указан в первый раз с формулировкой «в улице в Рогове конце». Далее, перед

описанием итогового числа дворов, автор пишет: «...и в Рогове конце и в Ыльинской улице», еще два раза он упоминается при описании дворов как ориентир. Мининский конец также указан как ориентир [13, с. 288–323].

Анализируя учетные документы XV–XVII вв. можно сделать следующие выводы. Со временем понятие конца размывается и приобретает новые смыслы, из-за этого концов, в представлении авторов документов, становится больше. В документах XV–XVI вв. упоминаются четыре конца, воспринимаемые авторами в их первоначальном смысле: как городские кварталы, состоящие из улиц. В документах XVII в. слово «конец» начинает использоваться как обозначение церковного прихода, например Пятницкий конец, и как топографический ориентир, например Емецкий конец, очевидно привязанный к Емецкому болоту.

Исследование подготовлено в рамках реализации проекта Зеркальной лаборатории «Практики урбанистического развития в российском политическом пространстве конца XV – XVII в.: человек и малый город» (ЦИИ НИУ ВШЭ СПб – ЦАИ НовГУ).

Литература и источники

1. Лукин П. В. Новгородское вече. Москва: Индрик, 2014. 607 с.
2. Арциховский А. В. Городские концы в древней Руси // Исторические записки. Москва: Изд-во АН СССР, 1945. Т. 16. 250 с.
3. Болховитинов Е. А. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. Москва: Тип. А. Решетникова, 1808. 98 с.
4. Халявин Н. В. Вопрос об административно-территориальном устройстве Новгорода в дореволюционной отечественной историографии // Вестник Удмуртского Университета. 2012. Вып. 3. С. 82–87.
5. Тихомиров М. Н. Древнерусские города. Москва: Госполитиздат, 1956. 477 с.
6. Буров В. А. «А погост Жабна пуст...» / Рос. АН, Ин-т археологии. Москва: Б. и., 1994. 137 с.
7. Черкасова, М. С. Концы на Устюге в Средневековье и раннее Новое время // История и культура Ростовской земли. Ростов, Б. и., 2014. С. 5–12.
8. Полянский, М. И. Иллюстрированный историческо-статистический очерк города Старой Руссы и Старорусского уезда. Новгород: Типо-лит. В. И. Павлова, 1885. 471 с.
9. Медведев А. Ф. Из истории Старой Руссы // Советская археология. № 3. 1967. С. 265–285.
10. Миронова В. Г., Суховаров В. Н. Начальная топография Старой Руссы // Становление европейского средневекового города. Москва: Наука, 1989. С. 55–79.
11. Ядрышников В. А. Архитектура Старой Руссы XII – начала XX века. Санкт-Петербург, Москва: Альянс-Архео, 2010. 407 с.
12. Самойлов К. Г., Торопова Е. В., Воронков И. А. К вопросу о локализации древнейшего ядра Старой Руссы (относительно гипотезы Я. Е. Водарского и К. А. Аверьянова) // Новгород и Новгородская Земля. История и археология. Великий Новгород, 2012. Вып. 26. С. 178–192.
13. Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв. / сост. И. Ю. Анкудинов, подгот. И. Ю. Анкудинов, К. В. Баранов, А. А. Селин. Москва: НП «Рукописные памятники Древней Руси», 2009. 532 с.

Об авторе

Миненко Трофим Сергеевич – студент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия)

О научном руководителе

Гринев Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 7359-4696. E-mail: Andrey.Grinev@novsu.ru

О рецензенте

Самойлов Кирилл Глебович – научный сотрудник Центра археологических исследований, старший преподаватель кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 5840-6817. E-mail: jevoli@mail.ru, Kirill.Samoylov@novsu.ru

КОММЕРЧЕСКИЕ СПЕЦПРОЕКТЫ В РОССИЙСКИХ МЕДИА

Мусаева Г. К.

Национальный Исследовательский Университет «Высшая школа экономики»
(г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: *musaeva98@bk.ru*

COMMERCIAL SPECIAL PROJECTS IN RUSSIAN MEDIA

Musaeva G. K.

National Research University Higher School of Economics
(Saint Petersburg, Russia)
Email: *musaeva98@bk.ru*

Аннотация. Статья посвящена выявлению наиболее популярных форматов коммерческих спецпроектов (интерактивных рекламных интеграций) в российских медиа. Исследование опирается на авторно-сетевую теорию и теорию диффузии инноваций, в основе которых лежит взаимосвязь различных авторов в процессе создания рекламного контента и инновационные способы воздействия на целевую аудиторию. В работе используются смешанные методы исследования – опрос и фокус-группа, благодаря которым автор определяет предпочтения со стороны аудитории разного возраста, пола и социального статуса касательно спецпроектов различных форматов – текстового лендинга, теста, игры-стимулятора и смешанного формата.

Ключевые слова: коммерческие спецпроекты, медиа, нативная реклама.

Abstract. The article is devoted to identifying the most popular formats of commercial special projects (interactive advertising integrations) in Russian media. The research is based on the actor-network theory and the diffusion of innovation theory, which are based on the relationship of various authors in the process of creating advertising content and innovative ways of influencing the target audience. The paper uses mixed research methods – a survey and a focus group, thanks to which the author determines the preferences of the audience of different ages, gender and social status regarding special projects of various formats - text landing, test, stimulator game and mixed format.

Keywords: commercial special projects, media, native advertising.

Сегодня цифровой маркетинг является одним из наиболее эффективных элементов комплекса маркетинговых коммуникаций, стремительно развивающимся из года в год. Он представляет собой совершенно инновационный подход к потребителю: новую тактику взаимодействия, стратегию понимания поведения, потребностей и желаний [1]. Поэтому ведущие компании сосредотачивают свои усилия на формировании новых способов коммуникации с аудиторией, стремясь не только максимизировать

прибыль и повысить свою репутацию, но и удовлетворить потребности клиента, чтобы быть уверенными в ценности и востребованности своего продукта на рынке.

Одним из таких видов маркетинговой активности являются коммерческие спецпроекты – нестандартные форматы подачи контента, выходящие за рамки привычной коммуникации, целью которых является получение финансовой или репутационной выгоды [2]. Их запускают для привлечения внимания аудитории, продвижения сезонных товаров, презентаций новых продуктов и повышения узнаваемости компании в целом. В научной литературе не сложилось единого закрепленного понимания данного термина, однако он включают в себя элементы нативной рекламы, популярность которой в последние годы возрастает, и рекламодатели продолжают искать способы повышения ее эффективности [3].

В данной работе предлагается анализ коммерческих спецпроектов в российском медиапространстве, подвергающемся изменениям с ростом популярности необычных форматов подачи контента (интерактивные текстовые лендинги, игры, тесты) и механизмов коммуникации с аудиторией. Цель исследования – выявить наиболее популярные форматы коммерческих спецпроектов в российских медиа и социально-демографические характеристики их аудитории.

Существует ряд научных работ, направленных на изучение термина «спецпроекты» и его составных элементов, к примеру исследования таких авторов, как Б. Хармс [4] и К. А. Болдина [5]. В своих трудах они касаются истории создания и развития коммерческих спецпроектов, дифференцируют их разновидности, форматы, анализируют тренды на отечественном и зарубежном медиарынке, предпринимая попытки раскрыть суть изучаемого понятия. Другие авторы, Л. В. Иванова [6] и Т. В. Левкова [7], в своих работах обосновывают ключевую роль коммерческих спецпроектов как способа продвижения различных товаров и услуг и ее положительного влияния на конверсию.

Эти исследования помогают разобраться в специфике термина и его особенностях, но не акцентируют внимание на предпочтениях аудитории в подобного рода контенте. Поэтому данная работа стремится заполнить этот пробел и выявить наиболее популярные форматы коммерческих спецпроектов.

В качестве теоретико-методологической основы выступают «акторно-сетевая теория» М. Каллона [8] и «диффузия инноваций» Э. Роджерса [9]. Инновации внедряются в стиль, формат, процессы производства и распределения контента, а также в бизнес-модели. В свою очередь, эти инновационные импульсы обуславливаются необходимостью не отставать от

внешних сил. Так, способы подачи контента трансформируются и адаптируются под новые условия, стремительно меняющиеся с развитием информационно-коммуникационных технологий. В этом смысле происходит расширение форматов коммуникации, а также производство и разработка инструментов взаимодействия с пользователями. Анализ этой меняющейся реальности с точки зрения акторно-сетевой теории рассматривает взаимосвязь одушевленных и неодушевленных акторов в процессе социальных взаимодействий, включая сети и технологии. Таким образом, современная кросс-медийная система основывается на технологическом развитии и включает в себя взаимосвязь заказчиков, исполнителей и аудитории.

Исследование опирается на применение смешанных методов, а именно – на массовый опрос и фокус-группы. Первый метод позволяет собрать количественные данные о предпочтениях людей разных социальных групп в контексте коммерческих спецпроектов (что им важно в подобного рода рекламном контенте, на что чаще всего обращают внимание). Второй метод направлен на получение более качественных сведений о восприятии коммерческих спецпроектов со стороны аудитории разного возраста, пола и социального статуса.

На эмпирическом этапе исследования главные вопросы касались 4 выбранных форматов спецпроектов:

- текстовый лендинг от Lenta.ru и Sber Jazz [10];
- текстовый лендинг с тестом (микс) от Росэнергоатома и Лайфхакера [11];
- интерактивный тест от Lego и Aviasales [12];
- игра-стимулятор от Пикабу и МТС [13].

Необходимо было выявить, какой из перечисленных форматов наиболее предпочтителен большинству и почему. В опросе участвовало 576 респондентов, отвечавших на 15 вопросов, а в качестве выборки для фокус-группы было отобрано 10 человек, которым было задано 12 вопросов. В обоих случаях возраст участников исследования варьировался от 18 до 50 лет.

В результате опроса были получены следующие данные:

1) наиболее привлекательны спецпроекты с интерактивными тестами (57%), далее текстовые лендинги с встроенными тестами и яркой анимацией (21%), игры-стимуляторы на третьем месте (18%), менее популярен текстовый контент без дополнительной геймификации (4%);

2) для 71% опрошенных важно сочетание информативности и интерактивности контента в коммерческих спецпроектах, они также ценят яркую визуализацию и необычный дизайн;

3) 25% опрошенных заинтересовались каким-либо продвигаемым товаром/услугой в каждом из приведенных спецпроектов

Метод фокус-группы позволил определить, какой из представленных возрастных категорий наиболее предпочтителен тот или иной формат спецпроекта. Так, люди в возрасте от 18 до 30 высказались в пользу спецпроектов на основе игр-стимуляторов, так как это увлекательно и не занимает слишком много времени в отличие от прочтения объемных текстовых материалов. Категория в возрасте от 31 до 44 предпочла текстовые материалы, но с игровой или тестовой интеграцией, чтобы взаимодействие с рекламным контентом было более интерактивным. И, наконец, возрастная группа 45–50 лет больше всего оценила познавательные текстовые лендинги из-за возможности получить новые знания.

Таким образом, можно сделать вывод, что более интерактивные коммерческие спецпроекты пользуются наибольшей популярностью, но в то же время предпочтения аудитории по их формату в зависимости от возраста тоже отличаются. Визуальный эффект и геймификация оказывают наиболее сильное воздействие на более молодую аудиторию, в то время как содержательный аспект и информативность предпочтительнее для аудитории старше 45 лет.

Литература и источники

1. Tairova M. M., Aminova N. B. Kadirova N. R. Use of digital technologies in marketing // E-Conference Globe. 2021. P. 281–284.
2. Болдина К. А. Рекламный спецпроект в сетевых СМИ: характеристики явления в зеркале российских исследований // Научный диалог. 2022. Т. 11, №. 8. С. 140–165.
3. Yoon H. J., Huang Y., Kim T. The role of relevancy in native advertising on social media // International Journal of Advertising. 2022. Vol, 42, iss. 6. P. 972–999.
4. Harms B., Bijmolt T. H. A., Hoekstra J. C. Digital native advertising: practitioner perspectives and a research agenda // Journal of Interactive Advertising. 2017. Vol. 17, no. 2. P. 80–91.
5. Болдина К. А. Рекламный спецпроект в сетевых СМИ: характеристики явления в зеркале российских исследований // Научный диалог. 2022. Т. 11, №. 8. С. 140–165.
6. Иванова Л. В. Использование теории связей с общественностью в учебном процессе подготовки журналистов (на примере освоения формата «Спецпроект») // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 9 (391). С. 78–86.
7. Левкова Т. В., Шишкина Л. А. Рекламные спецпроекты и их влияние на конверсию интернет – магазина // Экономика устойчивого развития. 2014. № 4 (20). С. 123–127.
8. Callon M. The Sociology of an Actor-Network: The Case of the Electric Vehicle // Mapping the Dynamics of Science and Technology: Sociology of Science in the Real World / ed. by M. Callon, J. Law, and A. Rip. Houndmills, UK: Macmillan, 1986. P. 19–34.
9. Rogers E. Diffusion of Innovations. Free Press; 5th ed. 2003. New York: Free Press. 576 p.
10. Спецпроект от Lenta.ru и Sber Jazz. URL: <https://jazzbysber.s.lenta.ru/> (дата обращения: 23.03.2023).

11. Спецпроект от Росэнергоатома и Лайфхакера URL: <https://lifehacker.ru/special/atom/world-future/01/article/> (дата обращения: 23.03.2023).
12. Спецпроект от Lego и Aviasales. URL: <https://lego.aviasales.ru/> (дата обращения: 23.03.2023).
13. Спецпроект от Пикабу и МТС. URL: <https://specials.pikabu.ru/mts/cashback/> (дата обращения: 23.03.2023).

Об авторе

Мусаева Гюльнара Кямиловна – студентка, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург, Россия).
E-mail: musaeva98@bk.ru

О научном руководителе

Тюркин Михаил Вячеславович – старший преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург, Россия),
E-mail: mtyurkin@hse.ru

О рецензенте

Каминская Татьяна Леонидовна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой журналистики, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 5974-1246. E-mail: tlkam1@mail.ru

**АВТОРСКИЙ ПОДХОД К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ПРЕЦЕДЕНТОВ
В МЕДИАТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ САЙТА
«КОММЕРСАНТЪ»)**

Наволоцкая О. В.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: *Olga.V.Navolotskaya@novsu.ru*

**AUTHOR'S APPROACH TO PRECEDENT USE IN MEDIA TEXTS
(ON MATERIALS FROM KOMMERSANT.RU)**

Navolotskaya O. V.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: *Olga.V.Navolotskaya@novsu.ru*

Аннотация. В статье рассматривается авторская специфика использования прецедентов в современных медиатекстах на примере материалов специального корреспондента новостного ресурса «Коммерсантъ» Андрея Колесникова. Обнаруженные примеры творческой интеграции лингвокультурных фактов действительности в канву текста позволили сделать ряд выводов об эстетической, интеллектуальной, прагматической ценности авторских материалов. Особое внимание уделяется фактору адресата.

Ключевые слова: прецедент, медиатекст, идиостиль, Андрей Колесников.

Abstract. The article discusses the author's specifics of using precedents in modern media texts on the example of the materials of the special correspondent of the news resource "Kommersant" Andrei Kolesnikov. The discovered examples of creative integration of linguocultural facts of reality into the canvas of the text made it possible to draw a number of conclusions about the aesthetic, intellectual, pragmatic value of the author's texts. Particular attention is paid to the addressee factor.

Keywords: precedent, media text, individual style, Andrei Kolesnikov.

Медиапространство сегодня представляет собой уникальный информационный ресурс, позволяющий человеку быть более осведомленным и вовлеченным в процессы, массовый доступ к которым иначе едва ли представляется возможным. Показательна в этом отношении медиатизация политики. При этом одной из наиболее волнующих проблем подобной медиакommunikации является проблема доверия [1]. В рамках настоящей работы нам интересен фактор присутствия автора – реального человека и очевидца – в построении доверительного диалога с аудиторией.

Авторским, в отличие от коллегиального, медиатекст делает эксплицитное указание на индивидуальное авторство, примерами чего можно назвать репортаж корреспондента или статью обозревателя [2]. Автор в таком случае проявляется, прежде всего, как личность с присущими ей взглядами, общественными позициями, замыслами и личностными характеристиками именно в коммуникации со своей аудиторией, доверие которой в значительной мере обуславливает эффективность авторского медиаматериала [3]. Поэтому исследователи часто отмечают большее проявление диалогичности, разговорности, живого общения в таких медиатекстах [4].

Если рассматривать тексты через призму медиалингвистики, неоспоримым оказывается выражение авторского начала посредством широкого репертуара средств и, учитывая характерную медиатекстам полизнаковость, не только языкового толка: имплицитных, параграфемных, грамматических, лексических и т. д. [5]. Среди них важное место занимают прецедентные феномены.

Прецедентами называются «фокусировки смысловой массы» [6], источником инвариантов для которых является лингвокультурная память сообщества, а предназначением – эстетическая, аксиологическая и прагматическая обработка новой информации. Прецеденты традиционно дифференцируют на вербальные – имена и высказывания и вербализируемые – тексты и ситуации [7].

Прецедентный состав языка и медиасреда образуют взаимовыгодный союз. С одной стороны, экономичная форма и в то же время смысловая глубина способствуют более эффективному выражению мысли автора, с другой – именно медиасреда обеспечивает подвижность прецедентного состава языка, так как стремительно информирует и осмысливает любые изменения в обществе с помощью уже имеющейся фоновой информации. В рамках авторского текста прецеденты позволяют журналисту построить ментально-вербальную базу для диалога с аудиторией.

В качестве материала для изучения взаимосвязи авторской природы медиатекста, явления прецедентности и фактора адресата обратимся к текстам Андрея Колесникова, специального корреспондента авторитетного новостного сайта «Kommersant.ru» (занимает 2 место в рейтинге самых цитируемых ресурсов за 2022 год согласно «Медиалогии» [8]). Корреспондент освещает новости о работе президента РФ.

На сайте его деятельность позиционируют как насыщенную авторским проявлением, используя выражения *уникальный свидетель, особый авторский взгляд, узнавание*. Подзаголовочные комплексы медиатекстов обязательно включают имя автора в таких сочетаниях, как *Андрей Колесников рассказывает / считает / констатирует / попробовал понять* и др.

За последние полгода (с октября 2022 по март 2023 г.) автор опубликовал 59 медиаматериалов. Вслед за аудиторией мы прежде всего обратили внимание на заголовки, 97% которых представляют собой результат творческого преобразования исходной единицы или сочетания нескольких. При этом около 75% заголовков – трансформированные прецедентные феномены.

Наблюдения за прецедентами в заголовках позволяют определить специфику выбора инвариантов через преобладающие сферы-источники, а именно фразеологические единицы (в 30% случаев) как наиболее хрестоматийные прецеденты и, как следствие, обеспечивающие внимание большего количества реципиентов, а также факты советской реальности (в 54% случаев), свидетелями которой является и автор, и, согласно демографической статистике сайта [9], преобладающая часть аудитории данного информационного ресурса.

Трансформированные прецеденты в заголовках медиатекстов А. Колесникова, как правило, не только соответствуют содержанию материала в целом, но и содержат информацию, которую читатели обязательно найдут в основной части и в результате смогут декодировать авторский каламбур в заголовке.

Например, заголовок *Дом с мезонинным*: трансформированное прецедентное имя, объясняется экономическим термином *мезонинное финансирование*, использованным в основной части медиатекста об агитации населения инвестировать в экономику страны. Таким образом, в качестве преобразования стоит скорее назвать не грамматическую трансформацию, а субституцию. Кроме того, содержание материала пересекается с рассказом А. П. Чехова, название которого и послужило инвариантом заголовка, а именно с представленной в нем идеей гражданского активизма.

Заголовком к медиатексту о конференции «Сбера», посвященной вопросам искусственного интеллекта, стало преобразованное устойчивое выражение о красоте: *Искусственный требует жертв*. При этом замещенный компонент инварианта «восстановлен» автором в основной части текста в комментарии о кастомизации: *все равно красивое*. Подобное сочетание встречается также в авторском прецеденте *облако не останется в штанах*, где профессионализм из сферы облачных технологий подменяет семантическое наполнение литературного инварианта – образа из произведения В. Маяковского «Облако в штанах».

Также, при описании знакомой русскому читателю ситуации неуважительного отношения пациентов друг к другу в очереди на прием к врачу, корреспондент использует прецедентное выражение *Я только спросить*. Подобные модально насыщенные прецеденты, на наш взгляд, особенно эффективно способствуют построению доверительного диалога между автором и адресатами.

Статья, посвященная Всероссийскому съезду судей в Кремлевском дворце, имеет в качестве заголовка выражение *Вихри судебные веют над нами*, результат преобразования посредством субституции строчки из текста польской революционной песни «Варшавянка» в переводе Г. М. Кржижановского: «Вихри враждебные веют над нами». Замена *враждебные* на *судебные* позволяет автору интегрировать прецедент в семантическую канву своего текста. Далее, в основной части материала, встречается еще одно выражение из этого же произведения: *Века сольются*; отсутствие креативных трансформаций здесь компенсируется контекстуальной функцией прецедента – автор рассуждает о суммарном количестве сроков, приговоры о которых вынесли собравшиеся судьи, и, завершая свою мысль данным выражением, с одной стороны, привносит иронию, с другой – придает прецеденту «сквозной» характер, повышая таким образом оригинальность его использования.

Герои медиаматериалов также нередко оперируют прецедентами, и автор, в свою очередь, может способствовать таким интеграциям. Так, например, один из героев медиатекста, описываемого выше, характеризует конституционный суд как *гуманный*, затем обращает слушателей к источнику, советскому к/ф Л. Гайдая «Кавказская пленница», словами *как это было в одном из фильмов* для того, чтобы указать на отсутствие иронии в своей характеристике, и подводит итог следующим утверждением: *Шутка*. Корреспондент, в свою очередь, «корректирует» прецедент, расширяет его прецедентными именами: *Нет, слова «шутка» в фильме Леонида Гайдая Георгий Вицин не сказал. <...> А герой... как умел, просто, заискивая, просил о пощаде. ...с тех пор ничего и не изменилось*. Автору удастся «вернуть иронию» в контекст, добавить элемент анализа и выразить собственное отношение к сказанному.

Отметим, что в данном медиатексте нам также встретились прецеденты, инвариантами которых являются устойчивые выражения, например: *на войне как на войне* (нетрансформированное); *но караван, что называется, идет* (усеченное).

Таким образом, представляется возможным отметить несколько специфических черт авторского использования прецедентности корреспондентом сайта «Коммерсантъ» А. Колесниковым в рамках его идиостиля и диалога со своей аудиторией.

Во-первых, прецеденты, как правило, интегрируются автором в творчески преобразованном виде. Например, посредством субституции или семантического расширения. Во-вторых, в медиаматериалах корреспондента, как правило, существует «прецедентная» связь заголовка и основной части как в плане смыслового наполнения, так и формального выражения. Повторение этой стратегии, на наш взгляд, вносит элемент интеллектуальной игры, поддерживая тем самым интерес лояльных читателей. В-третьих, прецеденты

автора нередко носят «сквозной» характер, выполняя тем самым структурирующую текст функцию. В-четвертых, выбор таких источников прецедентности, как советская реальность, литература, специфика национального характера, а также использование подобных прецедентов как инструментов выражения собственного мнения, несомненно способствуют формированию интеллектуальной и эмоциональной основы для успешной коммуникации с адресатами.

Литература и источники

1. Каминская Т. Л. Политические медиатексты и проблема доверия: современные вызовы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9, № 5 (41). С. 15–21. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-15-21.
2. Добросклонская Т. Г. Медиатекст: теория и методы изучения // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 2. С. 28–35.
3. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики. 7-е изд., испр. и доп. Москва: Аспект Пресс, 2009. 351 с.
4. Кормилицына М. А. Медиатекст в современном коммуникативном пространстве // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: сборник научных трудов, Орел, 15–16 сентября 2018 года. Выпуск 15. Орел: ООО «Горизонт», 2018. С. 107–114.
5. Шмелева Т. В. Медиатекст: парадоксы авторского начала // СМИ в современном мире Петербургские чтения: матер. 51-й Международной науч.-практ. конф., 19–20 апреля 2012 г.) / отв. ред.-сост. С. Г. Корконосенко. Санкт-Петербург: Филологич. фак. СПбГУ, 2012. С. 265–267.
6. Сорокин Ю. А., Михалева И. М. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность / под ред. Е. Ф. Тарасова. Москва: Ин-т языкознания, 1993. С. 98–117.
7. Гудков Д. Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского языка // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Вып. 4. Москва: Филология, 1998. С. 82–93.
8. Федеральные СМИ – 2022 год // Медиалогия. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/11832/#gazeti> (дата обращения: 30.03.2023)/
9. Kommersant.ru. URL: <https://www.kommersant.ru> (дата обращения: 30.03.2023).

Об авторе

Наволоцкая Ольга Витальевна – аспирантка, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 9018-8411

О научном руководителе

Каминская Татьяна Леонидовна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой журналистики, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 5974-1246. E-mail: tlkam1@mail.ru

О рецензенте

Василенко Ирина Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 9452-8499. E-mail: niv05@mail.ru

ОБЗОР ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ ВЫБОРГА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Пименов А. Н.

Санкт-Петербургский государственный университет
(г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: *art.pimenow08@yandex.ru*

REVIEW OF VYBORG FORTIFICATIONS IN THE FIRST QUARTER OF THE 19TH CENTURY

Pimenov A. N.

Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: *art.pimenow08@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлен обзор основных крепостных сооружений Выборга на начало XIX века, их структура и общее состояние. Выбранный период характеризуется менее оживленным крепостным строительством в Выборге, поэтому в научной литературе освещен недостаточно подробно. Кроме того, первая половина XIX века считается временем заката фортификации бастионного типа. Цель работы – представить общую характеристику состояния фортификации Выборга в обозначенный период, обозначить главные тенденции в развитии крепостного строительства. В результате работы рассмотрены основные фортификационные сооружения Выборга, их роль и значение в формировании городской среды Выборга в первой четверти XIX века.

Ключевые слова: выборгская крепость, крепость Корон-Санкт-Анна, фортификация, XIX век.

Abstract. The article describes the main Vyborg fortifications at the beginning of the 19th century, their structure and general condition. The selected period is not characterized by active fortress construction in Vyborg; as a result, it is not presented in sufficient detail in the scientific literature. Furthermore, the first half of the 19th century is considered the decline of bastion-type fortifications. The purpose of the article is both to present a general description of the state of Vyborg fortifications during the mentioned period and to identify the main trends in the development of fortification. The article analyzes the main Vyborg fortifications, their role and significance in the formation of the urban environment of Vyborg in the first quarter of the 19th century.

Keywords: Vyborg fortress, Saint Anna Crown fortress, fortification, 19th century.

Согласно манифесту Александра I, Выборгская губерния с декабря 1811 г. вошла в состав автономного Великого княжества Финляндского [1]. Главой княжества становился Российский император, именуясь Великим Князем Финляндским. Своим представителем в княжестве император назначал генерал-

губернатора из русских сановников. Одновременно генерал-губернатор занимал должность председателя Финляндского Сената, руководил исполнительной администрацией и, кроме того, командовал отдельным Финляндским корпусом.

После серьезного пожара 1793 г. Екатерине II был предоставлен «обстоятельный доклад Выборгского губернатора... Гюнцеля "О плане Выборгу городу"» [2, с. 7]. По плану 1794 г., составленному «Комиссией строения Санкт-Петербурга и Москвы» [3], Выборг представлял собой небольшой город с двумя прилегающими предместьями – форштадтами: Выборгским и Петербургским. Форштадты представляли собой два поселения по обеим сторонам дороги, ведущей в Петербург. Появление предместий связано с запрещением строить деревянные дома в Выборгской крепости для предотвращения пожаров.

Стоит отметить, что в начале XIX в. в России «фортификационное искусство находилось в состоянии застоя» [4, с. 136], поскольку война с Наполеоном заслоняла собой крепостное строительство. В России в этот период существовало около ста крепостей, при этом конкретных указаний на значимость той или иной крепости не было. Даже определение «штатная крепость» в то время «совершенно не указывало ни на стратегическое значение крепости, ни на степень ее обороноспособности» [4, с. 142]. К штатным крепостям относились те, которые находились в ведении инженерного ведомства. В свою очередь, штатные крепости делились на классы в зависимости от количества сосредоточенных в крепости зданий инженерного ведомства.

Согласно этому делению «Выборг по штату 1812 г. относился к крепости 1-го класса, где находилось значительное число военных, которые составляли иногда треть населения города» [5, с. 214], поэтому фортификация для Выборга в начале XIX в. имела важное значение. Стоит отметить, что к этому времени на территории Выборга можно встретить разновременные образцы фортификационного искусства с XIII по XIX вв.

«Согласно планам, составленным инженерной командой, Выборгская крепость первой половины XIX в. включала в себя как бы три крепости: Главную (территория старого города), Шлосскую (замок) и Короно-Санкт-Анскую (Аннинские укрепления на острове Линнансаари (Твердыш)» [5, с. 215].

Основу Главной крепости составляли укрепления Каменного города и Рогатая крепость. Между ними располагался так называемый Вал – территория, которая была основным местом размещения войск.

От Каменного города – крепостной стены с башнями, возведенной в XV–XVI вв. под руководством шведского наместника Выборга Эрика Аксельссона Тотта, к началу XIX в. сохранились основание стены, Башня ратуши и Круглая башня.

Башня ратуши построена в 1470-х гг. Она располагалась на юго-востоке стены Каменного города и входила систему обороны города. Однако в связи со строительством в XVII–XVIII вв. новых укреплений, отдаленных от центра города, Башня утратила свои оборонительные функции и была передана в ведение магистрата откуда и получила свое название. После вышеупомянутого пожара 1793 г. и последующего восстановления Башня ратуши не меняла своего внешнего вида.

Круглая башня построена в 1547–1550 гг. Гансом Бергеном. Название получила из-за своей круглой формы в плане диаметром около 21 м. На протяжении XVIII в. и в начале XIX в. в ней размещались арсенал и тюрьма. Круглую башню часто охватывали пожары, из-за чего менялись междуэтажные перекрытия, а также перестраивалась планировка крыши от островерхого покрытия к куполообразному.

Рогатая крепость – оборонительное сооружение бастионного типа, именовавшееся так по схожести в плановом начертании на рога животного, была построена в 1563 г. шведами Андреасом Маалари и Иоганном де Мессом. Весной 1710 г. в ходе Северной войны при взятии Выборга Рогатая крепость была сдана шведским командованием после разрушительной атаки и подготовки к штурму.

К началу XIX в. от устаревших бастионных укреплений Рогатой крепости сохранился утративший значение форпоста бастион Панцерлакс и часть идущей от него куртины. Бастион – пятиугольное долговременное укрепление, возводившееся на углах крепости. Куртина – участок крепостной стены между смежных бастионов или двух башен. В 1860-х гг. при разборе Рогатой крепости Панцерлакс сохранили в качестве памятника крепостного строительства XVI в.

Выборгский замок находился в центре между укреплениями Главной крепости и Аннинскими укреплениями. Потеряв свою главенствующую оборонную роль, Выборгский замок оставался местом расположения русского гарнизона.

Здесь находились «каменные казармы, занятые нижними чинами гарнизонной артиллерии, здесь же располагались деревянные и каменные здания цейхгаузов, на замкнутом со всех сторон вышеперечисленными постройками артиллерийском дворе находилась каменная кузница» [5, с. 215].

Между Выборгским форштадтом и укреплениями Главной крепости находились так называемые Аннинские укрепления – крепость Корон-Санкт-Анна. Крепость была возведена под руководством генерал-майора Кулона в 1730–1750 гг. и была названа в честь императрицы Анны Иоановны. Через Аннинские укрепления проходила дорога, по которой до середины XIX в. осуществлялось «все движение из Выборга на запад» [2, с. 54]. Для осуществления движения при постройке крепости предполагалось строительство трех крепостных ворот. «Были осуществлены постройкой только двое: в северной и северо-восточных куртинах» [6, с. 40]. Первоначально называвшиеся Первые и Вторые Абовские, по названию города Або, после русско-шведской войны 1741–1742 гг. и взятия крепости Фридрихсгам они стали называться Первые и Вторые Фридрихсгамские соответственно. Роль главных ворот выполняли Первые Фридрихсгамские ворота, ведущие в сторону Швеции.

В 1800-х гг. к западу от Первых Фридрихсгамских ворот были построены здания «штаб-офицерского и обер-офицерского флигелей» [6, с. 47]. Также строятся новые офицерские дома, которые были отданы под квартиры артиллерийских и инженерных офицеров, а старые квартиры в квартале к востоку от Первых Фридрихсгамских ворот были проданы с торгов.

Помимо офицерских домов на территории Аннинских укреплений в начале XIX в. «строится новый каменный артиллерийский цейхгауз на месте невольничьего острога у северо-восточной куртины» [7, с. 271]. Цейхгауз – склад для хранения обмундирования, оружия, снаряжения.

В начале XIX в. организация жизни в крепости обогащается культурными функциями. Появляется первый Выборгский театр в одном из старых инженерных строений. На территории набережной перед инженерным домом разбивается небольшой парк, а на территории геймата Лилла Ладугорд формируется усадьба, ставшая впоследствии знаменитым пейзажным парком Монрепо.

Кроме появления культурных функций за Выборгом оставалась и основная гарнизонная функция. В Выборгском форштадте располагались деревянные казармы. Кроме того, здесь располагались военный госпиталь и здание православной церкви Петра и Павла, построенное в 1803 г. Церковь до середины 1918 г. являлась гарнизонной церковью.

В 1807–1808 гг. в крепости в связи с приготовлениями к военным действиям произведены экстренные фортификационные работы и исправления, однако непосредственного участия в военных действиях Выборг не принимал, выполняя роль тылового укрепления.

Во время Отечественной войны 1812 г. и в первые годы после нее строительные работы в крепости не производились. Имели место лишь ремонтные работы.

К середине XIX в. крепость Корон-Санкт-Анна утрачивает свое основное назначение оборонительного сооружения. При этом с утратой прежнего значения главной крепостной ограды Аннинские укрепления в первой четверти XIX в. продолжали оставаться местом размещения гарнизона Выборга и воинских складов.

Стоит отметить, что с 1818 г. в российской армии назначался генерал-инспектор по инженерной части. С 1818 по 1826 гг. таковым являлся великий князь Николай Павлович. К приезду Николая готовились особо. Николай I посетил Выборг летом 1830 г. Сопровождал Николая А. Х. Бенкендорф. В своих записках он оставил воспоминания о посещении Выборга: «После посещения укреплений, госпиталей и некоторых казенных зданий, украшавших этот маленький город, известный только по войнам между нами и Швецией со времен Петра I, и проведя в нем ночь, на следующее утро мы продолжили поездку и вскоре вступили в ту часть Финляндии, которая недавно была завоевана императором Александром» [8, с. 454].

Таким образом, можно сделать вывод, что в начале XIX в. с присоединением Финляндии к Российской империи в 1809 г. Выборг утратил значение пограничной сухопутной крепости. В результате исчезла необходимость содержания в крепости армейских полков, и гарнизонные батальоны были размещены в казармах в Главной крепости и Аннинских укреплениях, ранее служивших непосредственными оборонительными сооружениями Выборга.

С развитием фортификационного дела постройки Выборга приобретали статус важных гражданских градостроительных объектов, формируя архитектурный облик города Выборга. Этот факт подтверждает идею того, что фортификация является архитектурно-художественным каркасом городов-крепостей, поскольку от целей и задач крепостного строительства зависят планировка и функционирование подобных городов. Помимо этого, на примере Выборга первой половины XIX в. отчетливо прослеживается переход от бастионного типа фортификационной архитектуры к фортовому типу крепостного строительства, поскольку бастионные укрепления утрачивают свои первоначальные функции основных оборонительных сооружений.

Литература и источники

1. Манифест «Об устройстве Выборгской Губернии» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1810–1811. Т. XXXI. № 24934 (31 декабря 1811 г.). С. 939–941.
2. Кепп Е. Е. Выборг: Художественные достопримечательности: краеведческое издание. Выборг: Фантакт, 1992. 250 с.
3. План губернского города Выборга, 1794 г. URL: https://terijoki.spb.ru/trk_viewer.php?mfx=map_vyborg_1794&sc=4 (дата обращения: 22.03.2023).
4. Яковлев В. В. История крепостей. Москва: АСТ, Санкт-Петербург: Полигон, 2000. 400 с.
5. Новоселова З. А. Выборгская крепость и ее гарнизон в 1820–1830 годы // Страницы Выборгской истории: сборник статей. Кн. 1. Выборг: Европейский Дом. 2000. С. 213–231.
6. Выборг: Фортификация / сост.: С. А. Абдуллина (ред.), И. А. Хаустова, В. В. Дмитриев, Н. И. Золочевская, Т. Б. Голубева, Е. А. Балашов, К. Б. Назаренко. Санкт-Петербург: Европейский дом, 2005. 105 с.
7. Дмитриев В. В. Крепость Корон-Санкт-Анна в Выборге // Карельский перешеек. Страницы истории. Кн. 2. Санкт-Петербург, Остров, 2018. С. 262–294.
8. Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. / публ. М. В. Сидоровой и А. А. Литвина, пер. с франц. О. В. Маринина. Москва: Российский фонд культуры, 2012. 759 с.

Об авторе

Пименов Артем Николаевич – студент, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Россия)

О научном руководителе

Высочков Леонид Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Россия), SPIN-код: 7487-6289. E-mail: lviskoch@gmail.com

О рецензенте

Васильев Ярослав Анатольевич – кандидат исторических наук, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Новгородской группы, Санкт-Петербургский институт истории РАН; доцент кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 4212-2187. E-mail: vasilev-yaroslav@yandex.ru, Yaroslav.Vasilev@novsu.ru

**ПЕРЕВОД РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТОПОНИМОВ
И ИМЕН СОБСТВЕННЫХ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК
(НА ПРИМЕРЕ УСАДЕБ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Семенов К. В.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: *kirill0504@inbox.ru*

**TRANSLATION OF RUSSIAN TOPONIMES AND PROPER NAMES
INTO ENGLISH (BY THE NOVGOROD REGION ESTATES EXAMPLE)**

Semenov K. V.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: *kirill0504@inbox.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблематика передачи топонимов и имен собственных на примере усадеб Новгородской области. Подобран релевантный материал, рассмотрена специфика актуальной лексики, а также ее перевод. Представленный материал подвергается анализу. Также предлагается стандартизированная схема перевода топонимической лексики и имен собственных.

Ключевые слова: топонимы, имена собственные, усадьбы Новгородской области, перевод топонимической лексики, перевод имен собственных.

Abstract. The article looks at the issue of translating toponyms and proper names within the context of the estates of the Novgorod region. The relevant material is presented and the specifics of such vocabulary and its translation are looked at. The presented material is subject to analysis. Furthermore, the standardized translation plan of the toponymical vocabulary and proper names is proposed.

Keywords: toponyms, proper names, estates of Novgorod oblast, topological vocabulary translation, proper name translation.

В современном мире туризм занимает важное место в сфере предпринимательства и оказывает влияние как на региональную, так и на государственную политику. Сегодня существует множество видов туризма, среди которых нельзя не обратить внимание на усадебный туризм. Усадебный туризм – это динамично развивающийся экскурсионно-познавательный вид туризма, который предполагает посещение исторических усадеб. Стоит отметить, что в России существует культурная традиция сохранения мест пребывания исторических личностей или заслуженных представителей той или

иной сферы деятельности. Интерес к усадебному туризму можно объяснить тем, что исторические усадьбы открывают окно в прошлое и позволяют познать архитектурные, культурные и другие особенности того или иного периода.

Новгородская область является благоприятным регионом для развития усадебного туризма. В регионе имеется ряд уникальных усадебных объектов, представляющих немалый интерес. Среди основных объектов важно выделить ряд заброшенных усадеб, таких как усадьба Ванюковых «Каменка», усадьба Борейша-Саловых «Льзи», усадьба Токарского «Заветное» и др. Ввиду того, что международный туризм играет важную роль в туристической сфере Новгородской области, данные объекты стоит рассмотреть в контексте международного туризма. При привлечении иностранных туристов не может не возникнуть потребность корректной передачи информации о той или иной усадьбе на иностранный язык. Особенно остро возникает вопрос перевода топонимов (названий усадеб), а также имен собственных. В статье рассмотрена специфика перевода топонимических единиц и имен собственных в текстах об усадьбах Новгородской области.

Основная трудность при передаче топонимической лексики заключается в фонетическом и графическом различии ИЯ и ПЯ. Необходимость перевода топонимов в контексте туризма обусловлена их обильным использованием в текстах туристических статей, путеводителей, на картах и т. д. [1].

В работе представлены основные способы перевода топонимической лексики. Важно отметить, переводческие трансформации необходимо применять в тех случаях, когда тот или иной топоним отсутствует в словарях.

1. Транскрипция – фонетическое воспроизведение единицы ИЯ фонемами ПЯ.

2. Транслитерация – главный конкурент транскрипции; побуквенное воспроизведение лексической единицы ИЯ. Данный метод способствует визуальному узнаванию оригинального слова, однако в большинстве случаев значительно изменяет фонетический облик единицы ИЯ. В настоящее время транслитерация уступает транскрипции по частоте использования. Можно утверждать, что использование транслитерации во многом обусловлено традицией. Так, значительное число топонимов, а также имен собственных в прошлом переводилось методом транслитерации. Транскрибирование таких слов может вызвать недопонимание и путаницу [2].

3. Калька – замена лексических элементов оригинальной единицы соответствующими смысловыми элементами ПЯ. Использование данной переводческой трансформации позволяет получить новую устойчивую лексическую единицу, которая имитирует состав и структуру единицы ИЯ. Так

как ключевой функцией имен собственных является номинация, в большинстве случаев они переводятся при помощи транскрипции, транслитерации или комбинации данных способов перевода. Мотивировка того или иного названия уступает по важности графической и фонетической оболочке слова и потому имена собственные или топонимы зачастую не калькируются [3, с. 23]. В некоторых случаях, однако, применение калькирования необходимо для передачи семантического содержания. Часто в таких случаях калькирование комбинируется с другими методами перевода.

Нами проанализированы примеры перевода топонимов и имен собственных в текстах о новгородских усадьбах, найденных на русскоязычных веб-сайтах:

Михаил Токарский купил и отстроил усадьбу «Заветное» в 1914 году. [4]. – Mikhail Tokarsky bought and renovated the Zavetnoe manor in 1914.

В данном примере имя собственное переводится при помощи комбинации транслитерации и транскрипции. Применение транслитерации к имени обуславливается закрепившейся традицией перевода этого весьма распространенного русского имени именно таким способом. Поскольку фамилия не имеет закрепленного варианта перевода, к ней в переводе применяется транскрипция. Название усадьбы также переводится сочетанием трансформаций калькирования и транскрипции. Перевод данного топонима отражает стандартную модель «название + тип топонима». Стоит обратить внимание на перевод самого слова «усадьба». Проблематика перевода данной лексической единицы заключается в том, что в английском языке существуют два слова со схожей семантикой – "manor" и "estate". Выбор первого в данном контексте обуславливается тем, что слово "manor" включает в себе добавочный смысловой оттенок чего-либо средневекового или рыцарского. Таким образом, единица manor наиболее точно передает архитектурный облик усадьбы Заветное (воротная башня, мини замки, зубчатые стены и т. д.). Помимо этого, в силу своей необычной архитектуры, оно привлекает больше внимания и в свою очередь представляется полезным фактором в рамках рекламного продвижения данного туристического объекта.

Следующая усадьба, которую мы рассмотрим, будет парк-усадьба Выбити, которая тоже находится в Солецком районе. Владелец имения – князь Борис Александрович Васильчиков (1860–1931 гг.), который являлся государственным деятелем [5]. – The next place we'll take a look at is the Vybiti manor park, which is also located in the Soletsky district. The owner was a statesman Prince Boris Alexandrovich Vasylchikov (1860–1931).

Так же, как и в предыдущем примере, слово «усадьба» переводится на английский язык словом "manor", поскольку облик самой усадьбы обладает

средневековыми мотивами благодаря соответствующей архитектуре. Топоним «Выбити» передается наиболее динамичным способом – транскрипцией. Так как имя собственное в данном случае не имеет закреплённого варианта в английском языке, оно также передается при помощи транскрипции.

Усадьба Лъзи в начале XX века принадлежала инженеру Петру Антоновичу Борейше (1835–1904), который был женат на Екатерине Андреевне Саловой (1846–1896), племяннице писателя И. А. Салова [6]. – At the beginning of the 20th century the Lzi manor belonged to an engineer Petr Antonovich Boreisha (1835–1904) who was married to Ekaterina Andreevna Salova (1846–1896), I. A. Salov's niece.

Название усадьбы в примере выше переводится по такому же принципу, как и в двух предыдущих примерах перевода. Данная усадьба также имеет элементы средневековой архитектуры. Таким образом, лексическая единица "manor" является наиболее оптимальным вариантом перевода. Имена людей, имевших отношение к усадьбе, передаются при помощи транскрипции.

Усадьба Приволье расположилась в центре Кулотино, на месте встречи двух рек Хоринки и Перетну [7]. – The Privolye manor stands in the middle of the village of Kulotino, where the Khorinka River meets the Peretna.

Название усадьбы в представленном примере переводится по уже стандартной схеме (транскрипция + калька). Выбор лексической единицы для калькированного элемента вновь падает на английское слово manor, в силу его коннотативного оттенка чего-либо более древнего, средневекового. Данная лексема наиболее оптимальным образом передает архитектурный аспект объекта.

В начале 19 века имение Новоблагодатное уже принадлежало Александру Фердинанду Бергштейну, немцу из Ревеля, а затем его жене шведского происхождения Христине Бергштейн, получившей титул Почетной гражданки за заслуги перед Отечеством и народом [8]. – At the beginning of the 19th century the Novoblagodatnoye estate was owned by a German from Revel (nowadays Tallinn) Alexander Ferdinand Bergstein. Later on the owner was his wife of Swedish descent Christine Bergstein who had been rewarded the title of honorary citizen for Services to the Motherland and its People.

В силу того, что усадьба Новоблагодатное, в отличие от трех других рассмотренных усадеб, имеет более современный архитектурный вид 18–19 века, лексическая единица "estate" представляется наиболее подходящим вариантом перевода слова «усадьба». Элемент имени собственного в этом топониме переводится транскрипированием. Таким образом, как и во всех других случаях, название усадьбы передается на английский язык комбинацией

таких способов перевода, как транскрипция и калькирование. Перевод имен собственных в данном примере также включает в себя сочетание трансформаций. Немецкая фамилия Бергштейн, а также имя Христина транслитерируются, так как в английском языке уже есть закрепленные варианты данных фамилии и имени.

Таким образом, было выявлено, что наименования усадеб Новгородской области переводятся на английский язык по схожей схеме. Исходя из рассмотренного материала, можно сделать вывод, что в подавляющем большинстве случаев в переводе названий усадеб используются такие приемы перевода, как транскрипция и калька. Основную трудность вызывает выбор лексики при калькировании второго элемента топонима. Выбор подходящей лексики ПЯ позволяет не только осуществить наиболее точный и качественный перевод, но и усилить прагматическое воздействие на реципиента перевода.

Имена собственные, в свою очередь, в рассмотренном контексте переводятся при помощи транскрипции, транслитерации или комбинации этих двух трансформаций. Выбор способа перевода обуславливается наличием или отсутствием у той или иной лексической единицы ИЯ закрепленного варианта ПЯ.

Литература и источники

1. Наумова А. П. Топоним как объект перевода // Научное наследие академика В. И. Борковского и современная русская словесность: Материалы международной научной конференции / отв. ред. Д. Ю. Ильин. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. С. 300–304.
2. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для институтов и факультетов иностр. языков: учеб. пособие. 5-е изд. Москва: ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. 416 с.
3. Романова С. П., Коралова А. Л. Пособие по переводу с английского на русский. 5-е изд. Москва: КДУ, 2011. 176 с.
4. Заброшенные усадьбы Новгородской области и их непридуманные истории // Там! Путешествуй рядом с Петербургом: сайт. URL: tamtravel.ru (дата обращения: 18.03.23).
5. Печальная красота заброшенных усадеб Новгородской области // Туристер.Ру: туристическая социальная сеть. URL: https://www.tourister.ru/responses/id_33061 (дата обращения: 18.03.23).
6. Лъзи (Новгородская область) // Википедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Лъзи_\(Новгородская_область\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Лъзи_(Новгородская_область)) (дата обращения: 18.03.23).
7. Усадьба Приволье. Новгородская область // Усадьбы. Дворцы. Особняки: сайт. <https://prousadbi.ru/blog/usadby/usadba-privole-novgorodskaya-oblast.html> (дата обращения: 18.03.23).
8. Усадьба Ровное-Новоблагодатное // Живой журнал: блог платформа. URL: <https://ru-abandoned.livejournal.com/1390750.html> (дата обращения: 18.03.23).

Об авторе

Семенов Кирилл Вячеславович – студент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия)

О научном руководителе

Жукова Елена Федоровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков, перевода и межкультурной коммуникации, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 9248-7233. E-mail: Elena.Zhukova@novsu.ru

О рецензенте

Иванова Любовь Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, перевода и межкультурной коммуникации, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 3909-9174. E-mail: Lyubov.Ivanova@novsu.ru

**НОВЫЕ ДАННЫЕ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ PONS SUBLICIUS
НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ИЗОБРАЖЕНИЙ
НА МОНЕТАХ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ**

Соколов А. Ю.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: *s244113@std.novsu.ru*

**NEW DATA FOR THE RECONSTRUCTION OF PONS SUBLICIUS BASED
ON THE ANALYSIS OF IMAGES ON COINS OF THE ROMAN EMPIRE**

Sokolov A. Y.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: *s244113@std.novsu.ru*

Аннотация. Pons Sublicius – первый городской мост в Риме. Он был важен для древних римлян, оставаясь долгое время единственной мостовой переправой через Тибр, как место совершения религиозных обрядов и стратегически важный объект. Несмотря на долгую историю его существования, о его конструкции практически ничего неизвестно. Для изучения конструктивных особенностей Pons Sublicius важную роль играют письменные источники, которые указывают на то, что он был построен полностью из дерева и все его дальнейшие ремонты выполнялись по одной технологии. Еще одним источником являются изображения моста на монетах Римской империи, которые до настоящего времени не привлекались исследователями для рассмотрения конструктивных особенностей. Этому анализу и посвящена данная работа.

Ключевые слова: Pons Sublicius, свайный мост, Рим, реконструкция.

Abstract. Pons Sublicius is the first known bridge in Rome. It was important for the ancient Romans, remaining for a long time the only bridge crossing over the Tiber, as a place of religious rites and a strategically important object. Despite the long history of its existence, almost nothing is known about its design. To study the design features of Pons Sublicius, written sources play an important role, which indicate that it was built entirely of wood and all its further repairs were carried out using the same technology. Another source is the images of the bridge on coins of the Roman Empire, which until now have not been involved by researchers to consider design features. This work is devoted to this analysis.

Keywords: Pons Sublicius, pile bridge, Rome, reconstruction.

Мосты начинают использоваться людьми еще со времен неолита. На территории Европы, начиная с Античности, можно говорить о появлении стационарных городских мостов и об их особой значимости для социума.

Одним из таких мостов можно назвать Pons Sublicius («свайный мост») – первый известный городской мост в Риме.

Согласно античным авторам, мост через Тибр первоначально был построен Анком Марцием (640–616 гг. до н. э.) [1, с. 40–41; 2, с. 183; 3, с. 85]. Каких-либо точных свидетельств о его местоположении не сохранилось. Среди исследователей есть разные версии о его локализации [4].

Этот мост оставался для римлян священным во время всего периода его функционирования. Возможно, он был изначально связан со жрецами-понтификами (pontifex – «строители мостов») [2 с. 183; 3, с. 85–86; 5]. С ним также связана легенда о Горации Коклесе, который совершил подвиг во время войны с этрусками в VI в. до н. э. [1, с. 70–72; 3, с. 137; 6, с. 22–25; 7, с. 37; 8, р. 345].

Pons Sublicius на момент своей постройки и как минимум до II века до н. э. был единственным мостом через Тибр, обеспечивающим безопасное движение на противоположный берег. Возможно, Pons Sublicius был частью оборонительной сети Рима [9] и возведен одновременно с сооружением укреплений на холме Яникул [1, с. 40–41]. По крайней мере, выполнение конструкции из дерева позволяло уничтожить его во время нападения, что и отразилось в уже упомянутой легенде о Горации Коклесе.

Свидетельств о конструкции Pons Sublicius практически нет. Само по себе его название может говорить о том, что он был построен на свайных опорах. Немного данных можно подчерпнуть из письменных источников. Из них мы узнаем, что конструкция моста не менялась со временем – он был полностью деревянный и на свайных опорах [1, 2; 3; 6; 8].

В научной среде интерес к реконструкции Pons Sublicius появился еще в XIX веке. Так, например, свою версию реконструкции представил итальянский ученый Л. Канина [10]. Еще одна версия представлена в учебнике по строительству деревянных мостов под авторством Е. Е. Гибшмана [11, с. 38]. Похожий вариант представлен в одном из зарубежных справочников для проектирования деревянных конструкций [12]. При этом непонятно, что послужило основанием для таких реконструкций, в особенности пролетных строений.

Некоторые исследователи предполагают, что Pons Sublicius мог выглядеть как мост Цезаря [9; 13], который он построил для перехода через Рейн и полное описание которого оставил в IV книге «Записок о Галльской войне» [14, с. 109–110]. Основанием для авторов такой реконструкции является предположение, что деревянные свайные мосты до Цезаря были схожи по своей конструкции и, таким образом, технология строительства моста через Рейн –

это консолидация опыта римских инженеров. Поэтому описание моста, которое оставил Цезарь, можно перенести на более древнее время. Но данный тезис кажется спорным, поскольку временной промежуток между возведением вышеупомянутых мостов составляет около шести столетий и предполагает неизменчивость технологии возведения мостов на свайных опорах, хотя при строительстве моста через Рейн уже использовались копры. Кроме того, при строительстве моста Цезаря применялись крепления из болтов, что противоречит некоторым данным из источников, что Pons Sublicius был построен без использования железа.

Все вышеперечисленные реконструкции в определенной мере субъективны, поскольку в их основе лежат немногочисленные письменные свидетельства, которые в полной мере не обеспечивают надежность таких построений. Кроме того, ни одна из них не учитывает нумизматические материалы – монеты Римской империи II–III вв., на которых есть изображение Pons Sublicius (рисунок 1; 2) [15].

По мнению Й. Нолле, занимавшегося изучением причин появления данных монет, заказчиком выступали императоры, которые восстанавливали мост после разрушения и таким образом, в первую очередь, хотели прославить себя [15]. Попытки интерпретации изображений на этих монетах предпринимались как минимум с 50-х годов XX века, но практически все они сводились к рассмотрению архитектурных форм и дискуссии, какой мост на них изображен [9].

Поскольку в историографии отсутствуют работы, в которых подробно проанализированы изображения Pons Sublicius, представим собственную интерпретацию. Первая монета времен императора Траяна (102–114 гг.). Центральная часть моста образована сводчатой аркой между двумя порталами, которые могли охраняться, и стоящими, вероятно, на каком-то фундаменте. При этом изображение имеет такой ракурс, что виден фасад моста и вход на него – пространство в портале. То есть мы видим мост под углом. Верхняя дуга, вероятно, это крыша, средняя – перила или парапет. Имеются вертикальные стойки, которые поддерживают крышу, при этом крайние из них не доводятся до нее. Под мостом проходит лодка, что свидетельствует о том, что такая арка не препятствовала судоходству.

Изображение на следующей монете относится ко времени правления Антония Пия (140–144 гг.) и рассказывает о сюжете про Горация Коклеса. На ней, вероятно, отображен именно свайный мост. Опоры моста состоят из трех свай, что видно на фасаде моста. Нельзя сказать, были ли какие-то связи между ними или была ли часть из них установлена под наклоном (как у моста Цезаря). Центральная часть моста состоит из полуразрушенной арки, а люди стоят на

горизонтальной конструкции – возможно, прибрежные опоры были ниже, а в центральной части выше и мост выглядел «горбатым» (нечто похожее можно увидеть на современных мостах). О наличии перил может свидетельствовать плохо видимая над аркой конструкция.

О конструкции моста на монете Марка Аврелия (180 г.) можно сказать, что она выглядит как арочная, но посередине ее видна, вероятно, промежуточная свайная опора, поддерживающая арку. Конструкции мостов такого типа неизвестны, поэтому, возможно, здесь имеет место что-то схожее с изображением на предыдущей монете.

И, наконец, на монете Септимия Севера (207–208 гг.) изображен арочный мост, по которому идут люди, а над их головами виднеется крыша. По бокам имеются массивные ворота или башни. Стоит отметить схожесть изображений на монетах Траяна и Септимия Севера, а также то, что мост на них изображен однопролетным, но так как неизвестна его локализация, трудно сказать, сколько метров мог перекрывать этот пролет.

При анализе изображений следует помнить, что основное внимание уделено средней части моста, при этом сами изображения условны, а задача передачи конструктивных деталей не ставилась перед теми, кто чеканил эти монеты. Соответственно, использовать эти данные нужно с осторожностью. Но такие изображения отражают тот факт, что арочные мосты были популярны у римлян.

Кроме того, как отметил П. Туччи, непонятно, какое время отображали эти изображения: это был мост, современный монете, или изображались представления римлян о том, как мог выглядеть Pons Sublicius [4]. Здесь же стоит отметить, что строительство арочных мостов на одних деревянных нагелях практически невозможно. Поэтому, если верить письменной традиции, то изображения арочных мостов не могут отображать конструкцию Pons Sublicius в том виде, в котором он существовал первоначально. Тем не менее люди, чеканившие эти монеты, вряд ли обладали знаниями о мостостроении, поэтому возможно, что на некоторых изображениях смешались два типа мостов – арочный и свайный, о котором говорит само название и античные авторы. Также можно предположить, что «горбатость» моста на монетах Антония Пия и Марка Аврелия – это всего лишь художественный прием, а сам мост был балочный со свайными опорами. Несколько десятков опор было не прорисовать на монетном штампе. Нужен был узнаваемый образ. Берега были низкими, а судоходство – активным, поэтому дуга с подпорками вполне годилась для символического изображения Pons Sublicius.

Рисунок 1. Монета Траяна

Рисунок 2: сверху вниз. Монета Антония Пия. Монета Марка Аврелия.
Монета Септимия Севера

Литература и источники

1. Тит Ливий. История Рима от основания города: в 3 т. Т. 1. Москва: Наука, 1989. 579 с.
2. Дионисий Галикарнасский. Римские древности: в 3 т. Т. 1. Москва: Изд. дом «Рубежи XXI», 2005. 272 с.
3. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 т. Т. 1. Москва: Изд-во АН СССР, 1961. 503 с.
4. Tucci P. The Pons Sublicius. A reinvestigation. MAAR 56. 2011. P. 177–212.
5. Babic M. Ancient Roman bridges and their social significance // Acta Antiqua. 2013. Vol. 53, iss. 1. P. 61–72.
6. Дионисий Галикарнасский. Римские древности: в 3 т. Т. 2. Москва: Изд. дом «Рубежи XXI», 2005. 274 с.
7. Полибий Всеобщая история: в 3 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Наука; Ювента, 2005. 495 с.
8. Pliny, the Elder. The Natural history. Vol. 6. London, 1898.
9. Griffith A. The Pons Sublicius in context: Revisiting Rome's first public work // Phoenix. 2008. Vol. 63, iss. 3. P. 296–321.
10. Smith W., Lawrence E. Smaller History of Rome. URL: <https://www.gutenberg.org/files/19694/19694-h/19694-h.htm#image013> (дата обращения: 20.03.2023).
11. Гибшман Е. Е. Деревянные мосты на автомобильных дорогах. Москва, Ленинград: Изд-во Наркомхоза РСФСР, 1942. 408 с.
12. Kuklik P. Handbook 1. Timber Structures. TEMTIS, 2008. P. 10–11.
13. Cinquepalmi F. Rome before Rome: the role of landscape elements, together with technological approaches, shaping the foundation of the Roman civilization // RI-VISTA 1. 2019. Vol. 1. P. 168–183.
14. Цезарь Г. Ю. Записки о Галльской войне. Москва: Эксмо, 2021. 288 с.
15. Nolle J. Zur Darstellung antiker Brücken auf Münzen // Archäologie der Brücken. Vorgeschichte, Antike, Mittelalter, Neuzeit. Regensburg, 2011. S. 148–155.

Об авторе

Соколов Александр Юрьевич – студент, лаборант Центра археологических исследований, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия)

О научном руководителе

Торопова Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 6061-3693. E-mail: toropova_elena@mail.ru

О рецензенте

Самойлов Кирилл Глебович – научный сотрудник Центра археологических исследований, старший преподаватель кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 5840-6817. E-mail: jevoli@mail.ru, Kirill.Samoylov@novsu.ru

**ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В XIX–XXI ВВ.
ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОГО ГДОВСКОГО РАЙОНА
ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

Толмачева П. Ю.

Псковский государственный университет
(г. Псков, Россия)
E-mail: *lpolusik1906@mail.ru*

**THE HISTORY OF THE ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN THE
XIX–XXI CENTURIES OF THE GDOVSKY DISTRICT OF THE PSKOV
REGION MODERN TERRITORY**

Tolmacheva P. Yu.

Pskov State University
(Pskov, Russia)
E-mail: *polusik1906@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена результатам исследований территории Гдовского района с самого начала археологических раскопок и до нынешнего времени. В ходе исследования идет выявление наиболее и наименее изученных областей данного района.

Ключевые слова: Гдовский район, Залахтовье, погребальные обряды, погребальный инвентарь, курганы.

Abstract. The article is devoted to the results of research of the Gdovsky district territory from the very beginning of archaeological excavations to the present time. In the course of the study, the most and least studied areas of the area were identified.

Keywords: Gdovsky district, Zalakhtovye, funeral rites, burial equipment, burial mounds.

Гдовский район считается наиболее хорошо изученным из северных районов Псковской области. В данном исследовании предпринимается попытка проследить историю его археологического изучения, выявить в нем лакуны.

Само Гдовское городище было принято под охрану в 1960 г. В 1978 г. археологические раскопки Гдовской крепости провел А. Н. Кирпичников, заложив ряд шурфов. Удалось установить, что ранний слой на памятнике датируется II пол. XIV – нач. XV в., что в целом согласуется с датой основания крепости (1431 г.), а упомянутый в летописи под 1323 г. в связи с его взятием более ранний «городок Гдов» существовал, вероятно, на том же месте [1, с. 60–64].

Городище Кобылье XV в. н. э. на восточном берегу Чудского озера было взято под охрану государства в 1995 г. однако впервые было обследовано П. А. Раппопортом в 1950-е гг., а затем раскопками А. В. Михайлова в 2021 г. там были открыты остатки средневековых укреплений.

Изучение Гдовского района началось с раскопок археолога-любителя В. Н. Глазова, крупного чиновника Гдовского уезда. В 1898 г. он произвел раскопки возле д. Большие Поля, Малые Поля, Гостицы, Гостиж Бор, в 1899 г. при с. Заянье, д. Засторонье, Гусева Гора, в 1900 г. при погосте Ольгин Крест, с. Крапивно, Павлов Крест, Борки, в 1901 г. при д. Малая Каменка, с. Павлов Погост и с. Крапивно. В научную литературу вошел термин «гдовские курганы».

Для гдовского микрорегиона характерно несколько видов погребальных памятников. Первый – курганы. По наблюдениям В. Н. Глазова, их насыпи имеют коническую или сферическую форму. Почти у половины основание обложено камнями, редко встречаются сплошные ограждения из камней или обкладка в верхней части. В 28 курганах XI–XIII вв. по всему основанию имеется зольная прослойка. Курганов со следами трупосожжения на месте В. Н. Глазов выявил 7. К периоду XII–XIII вв. или несколько позднее он относил коллективные впускные погребения, бедные инвентарем и немногочисленные [2].

Второй распространенный тип памятников на севере Псковщины – жальники. Они представляют собой грунтовые могилы с каменными обкладками по периметру или с несколькими отдельными камнями. Встречаются в составе чисто жальничных и курганно-жальничных могильников. Для них характерны более глубокие погребальные ямы и почти незаметные насыпи. Традиция сооружения жальников зародилась в кон. XI – нач. XII в. в районе Псковского и Чудского озер. Вероятно, все жальничные погребения имели кресты, каменные или деревянные. Сохранившиеся каменные кресты всегда четырехконечные, с 8-конечным крестом в средокрестии, с надписями и иногда даже именами погребенных. Г. Н. Пронин полагал, что жальники – это памятники субстратного финно-угорского населения, которые в какой-то степени подверглись славянскому этнокультурному воздействию [3]. Это породило научную дискуссию, рассмотрение которой выходит за границы данной статьи [4; 5; 6 и др.].

А. А. Спицын впервые отметил, что исчезновение обряда жальничного погребения связано с церковным распоряжением и относится к XVI в. Это

известно из грамот новгородских архиепископов Макария и Феодосия – необходимость в «огороженных» могилах просто пропала [2].

Гдовские каменные кресты, связанные с жальничной традицией, но существовавшие и позже, были найдены при обследовании г. Гдова и юго-западной приозерной части района. 3 креста найдены на берегу р. Гдовки, 2 креста в Петропавловской часовне в д. Кола Ремдовской волости, 1 крест в Воздвиженской часовне. Все кресты сделаны из известняка, только один из красного гранита. Уникальный крест, предположительно XIII–XIV вв., с элементами круглой скульптуры в рельефе расположен в посадской части города Гдова на берегу р. Гдовки [7].

В 2012 г. каменные кресты стали вновь объектом обследования из-за сообщений об их исчезновении, перемещении и ухудшении сохранности. Было обследовано 37 крестов в Гдовском районе, 3 оказались утрачены (у д. Каменка, у д. Горка Вейнской волости и у д. Горка Ремдовской волости) [8].

Наиболее хорошо изученный раскопками памятник Гдовского района – Залахтовье.

Исследование могильника активно велось с рубежа XIX–XX вв. Первым его исследователем был К. Д. Трофимов. В разные сезоны им было изучено 75 курганов, преимущественно северной части могильника, но без составления топографического плана. Исследованием центральной части могильника занимался К. В. Кудряшов. Он издал описания раскопанных им курганов. От первых исследований сохранилась довольно скудная информация. Известно, что все раскопанные курганы имели округлую форму и погребения были совершены по обряду трупосожжения на стороне. В 1911 г. к исследованию памятника приступил А. А. Спицын. Отчет его в делах Археологической комиссии, к сожалению, утрачен. Считается, что он мог изучать центральную часть могильника.

В 1972 г. могильник подвергся разграблению и более половины древнейших курганов XI–XII были полностью уничтожены. В 1973 г. была проведена оценка нанесенного ущерба курганам и началось исследование могильника, которое длилось 10 лет, до 1984 года. Было выявлено 238 курганных насыпей. В курганах находилось по несколько погребений по обряду трупосожжения на стороне с немногочисленным погребальным инвентарем. Самые ранние насыпи относятся к культуре псковских длинных курганов 2 пол. I тысячелетия н. э. В круглых курганах XI–XII вв. были мужские ингумации в грунтовых ямах с богатым инвентарем: браслеты,

пряжки, ножи, оружие и гончарные сосуды. Особо выделялись мужское погребение X в. с богатым всадническим снаряжением, совместное биритуальное захоронение XI в. мужчины и женщины, а также уникальное погребение девочки, тело которой было зафиксировано в сидячем положении спиной на северо-восток в сопровождении бронзовых и стеклянных украшений. Исследования Н. В. Хвощинской показали, что на протяжении четырехсот лет в могильнике происходила эволюция погребального обряда [9].

Работы на памятнике возобновились в 1986 г. под руководством С. Г. Попова. Исследование показало, что число насыпей достигает 251, не считая уничтоженных 20 курганов в северо-восточной части. К югу были выявлены группа из 7 курганов и еще 2 полусферические насыпи, на 300 м к северу – древнее селище, вытянутое вдоль берега озера. При раскопках поселения были найдены обломки лепной и древнерусской гончарной керамики [9].

В 2004 г. экспедиция Псковского музея-заповедника под руководством А. В. Михайлова начала спасательные работы северной части могильника, так как при строительстве частного дома произошло обрушение ранее неизученной области. Было изучено сельское кладбище XIV–XVII вв. и открыты еще два грунтовых могильника XIII–XV вв.

В 2008–2010 гг. продолжились исследования селитбенной части Залахтовья под руководством А. В. Михайлова. Были исследованы южная и центральная части селища. Были найдены остатки основания жилой срубной постройки с печкой-каменкой, собрана вещевая коллекция. Работы по уточнению границ и топографии поселения проводились и позже, в 2013 г. Гдовским отрядом ИИМК РАН и ГБУК «Археологический центр Псковской области» под руководством С. Г. Попова и в 2015 г. под руководством А. Б. Романовского. Удалось выяснить, что площадь культурного слоя составляет 2,2 га, средняя мощность – 0,6–0,7 м. Была скорректирована датировка для селища I тыс. н. э. – его существование отнесли к эпохе длинных курганов [11].

Всего за более ста лет работы в Залахтовье было изучено 157 курганов и 238 средневековых могил, 20 деревянных землянок, а исследованная площадь поселения составила 120 кв. м. Н. В. Хвощинская и А. В. Михайлов сходятся в мнении, что на восточном берегу в XI в. жили мигранты с противоположного берега Чудского озера, так как материальная культура кремаций XI в. Залахтовья полностью идентична находкам эстонской группы памятников

(например, Раатвере). Вероятно, на рубеже веков на восточный берег озера перебралась древнеэстонская группа, которая спустя несколько столетий смешалась с древнерусским населением [10].

В результате исследования также стало известно, что освоение территории возле д. Залахтове началось в 1 пол. – сер. I тыс. н. э. Расцвет поселения пришелся на XI–XII вв. В кон. XII – нач. XIII в. поселение на Речной горе прекратило свое существование. В это же время там перестали сооружаться курганы и начали появляться жальничные захоронения [12].

Помимо раскопок в Гдовском районе в XX в. проводились археологические разведки. Они позволили взять под охрану большое количество ранее не известных памятников 2-й пол. I тыс. – 1-й пол. II тыс. н. э.

В 1972 г. псковским отрядом во главе с Л. А. Царьковой обнаружен курган у дер. Замогилье, 78 курганов I тыс. н. э. было выявлено у д. Городище. Разведки Псковского археологического центра в 1990-х гг. выявили 23 кургана и 42 жальника у д. Быковщина, 5 курганов и 37 жальников могильника «Дуброшкино-1», курганно-жальничные могильники «Елешно-1» (49 курганов, 46 жальников), «Стряково-1» (24 жальника, 36 курганов) и «Глобково-1» (36 жальников, 17 курганов у д. Первомайское, между урочищем Глобково и Блянской мельницей), жальничные могильники «Волошно-1» (58 жальников) и «Чернечки-1» на левом берегу р. Желчи (79 жальников) [13].

Памятники других эпох разведаны в Гдовском районе слабо. В 1956 г. Неолитический отряд Прибалтийской комплексной экспедиции под руководством Н. Н. Гуриной впервые открыл поселение раннего железного века – эпохи бронзы, также разведками обследованы городища РЖВ.

Итак, благодаря данному обзору, можно выделить области Гдовского района, которые были наиболее тщательно изучены, а именно: юго-западная часть (д. Горка и д. Залахтове) и северо-запад (г. Гдов). Наименее же изученными областями являются: центральная, северо-восточная и юго-восточная части Гдовского района.

Литература и источники

1. Артемьев А. Р. Города Псковской земли в XIII–XV вв. Владивосток: РАН, Дальневост. отд, 1998. 418 с.
2. Спицын А. А. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. Санкт-Петербург: Тип. гл. упр. уделов, 1903. 123 с.
3. Пронин Г. Н. Жальники // Археология и история Пскова и Псковской земли (далее – АИППЗ). 1982. С. 36–39.
4. Рябинин Е. А. К истории христианизации Водской земли Великого Новгорода // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Пушкинские Горы, 2000. С. 172–181.

5. Седов В. В. Жальники // Российская археология. 2000. № 1. С. 7–22.
6. Валк Х. Новая попытка интерпретации жальничных погребений // АИППЗ. 2010. № 25 (55). С. 177–187.
7. Михайлов С. П. Гдовские каменные кресты // АИППЗ. 1982. С. 67–68.
8. Яковлева Е. А. Археология в Пскове в 2012 г. // АИППЗ. 2014. № 29 (59). С. 7–30.
9. Хвошинская Н. В. Финны на западе Новгородской земли. Санкт-Петербург, 2004.
10. Михайлов А. В. Залахтовский археологический комплекс. Псков, 2014.
11. Кулакова М. И. Археологические исследования в Пскове и Псковской области в 2015 г. // АИППЗ. 2017. № 32(62). С. 7–26.
12. Михайлов А. В., Романовский А. Б. Селище у д. Залахтовы: результаты исследований последних лет // АИППЗ. 2017. № 32 (62). С. 126–134.
13. Памятники истории и культуры Псковской области. Энциклопедический справочник. URL: <http://www.opskove.ru> (дата обращения: 30.03.2023).

Об авторе

Толмачева Полина Юрьевна – студентка, Псковский государственный университет (г. Псков, Россия)

О научном руководителе

Колпакова Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, Псковский государственный университет (г. Псков, Россия), SPIN-код: 7884-216. E-mail: pskov-sova@mail.ru

О рецензенте

Торопова Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 6061-3693. E-mail: toropova_elena@mail.ru

ЛОНГРИДЫ ПО ЖУРНАЛИСТИКЕ: ВИЗУАЛЬНАЯ И МУЛЬТИМЕДИЙНАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

Федорова В. Д.

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
(г. Тамбов, Россия)
E-mail: *fedorovavlada@mail.ru*

LONGREADS ON JOURNALISM: VISUAL AND MULTIMEDIA COMPONENTS

Fedorova V. D.

Derzhavin Tambov State University
(Tambov, Russia)
E-mail: *fedorovavlada@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются примеры лонгридов как одного из наиболее популярных форматов в медиа. Цель работы – проанализировать наполнение лонгридов по журналистике, их визуальную и мультимедийную составляющие, удобочитаемость, особенности подачи материалов. В заключении статьи сформулированы выводы о том, что баланс визуальной и мультимедийной составляющих зависит от создателей проекта. Так, в лонгриде тандема профессионалов из сферы дизайна и образования происходит оптимальное сочетание интересной визуальной и мультимедийной частей, в проекте журналистов большее внимание уделяется мультимедийности, а в лонгриде студентов предпочтение отдается визуальной составляющей.

Ключевые слова: лонгрид, дизайн, мультимедиа, журналистика.

Abstract. The article considers examples of long reads as one of the most popular formats for presenting a significant amount of information. The purpose of the work is to analyze the content of longreads on journalism, their visual and multimedia components, readability, and features of the presentation of materials. At the end of the article, conclusions are formulated that the balance of visual and multimedia components may depend on the creator of the project. In the longread of the tandem of professional designers and the educational sphere, there is a balance of the visual and multimedia parts, in the project of highly qualified journalists more attention is paid to multimedia, and in the longread of students, preference is given to the visual component.

Keywords: longrid, design, multimedia, journalism.

В 2012 году в сети интернет появился первый мультимедийный проект The New York Times «Snow Fall». Прошло одиннадцать лет, и лонгрид как формат мультимедийной публикации с использованием шаблонов и конструкторов приобрел свою массовую популярность. Сегодня лонгриды отображают многие исторические и текущие события в формате интерактивных визуальных историй, интерактивных мультимедийных проектов, сторителлинга.

Лонгрид популярен благодаря своим техническим характеристикам: легкость работы в созданных конструкторах (creatavist, tilda, wix, webflow), созданы даже конструкторы, адаптированные только для разработки мобильных лонгридов (например, storehouse), практически безграничный функционал и обширные выразительные возможности (включение фотографий, видеороликов, графиков, тайм-линий, анимаций).

Лонгрид успешно становится агрегатором больших массивов информации в необходимый для понимания медиапродукт. История отечественной или зарубежной журналистики – это огромное количество информации, рассказать которую – задача не из простых. Одним из инструментов донесения информации до слушателя может быть интерактивный лонгрид. Каким образом обширные темы адаптируются для понимания? Рассмотрим несколько интерактивных проектов по журналистике.

Бесплатный онлайн-курс «История русской журналистики. Начало XX века» создан Студией Артемия Лебедева. Материалы подготовлены под руководством Елены Сониной – кандидата филологических наук, доцента кафедры истории журналистики Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ [1].

Лонгрид представляет собой курс из статей с большим количеством дополнительных материалов: видеолекций, экскурсий, комментариев экспертов, иллюстраций, библиотеки из более 200 оцифрованных периодических изданий.

На главной странице интернет-ресурса расположены разделы «О курсе», «Программа», «Авторы», «Записаться». Нажимая на них, можно без долгого скроллинга перейти к нужному этапу.

С точки зрения визуальной составляющей, дизайн выполнен лаконично, используются белые, серые и черные цвета, в качестве акцента – коричнево-бордовый оттенок. Дизайн-элементов на страницах немного; есть разграничивающий разделы черно-серый паттерн в стиле каллиграфутизм. Иногда встречаются анимированные портреты исторических личностей: например, на главной странице – портрет Николая II, Императора Всероссийского. Этот несложный с точки зрения технологии создания элемент добавляет странице живости и фиксирует на себя внимание аудитории.

Анализ контента данного лонгрида позволяет сделать выводы о наличии в проекте следующих составляющих мультимедийного продукта:

1. Анимированные блоки текста. Изначально в окне информация подана коротко, после наведения курсора мыши цвет окна меняется, а текст изменяется на более объемный.

2. Раскрывающиеся списки. Часто в таком формате создают блоки ответов на вопросы. Например, нажимая на вопрос курсором мыши, вы получаете ниже ответ на него, который изначально скрыт.

3. Видеоролики. Каждая лекция содержит в себе, помимо текстового и иллюстративного материала, видеоролики от лектора курса. Приятно, что видеоматериал поддерживает стилистику сайта и сделан в том же цветовом решении, на черном фоне с каллиграфическими элементами. Ролики выполнены на высоком техническом уровне.

4. Карты. Для навигации по массиву курса на одной из страниц проекта приведена карта: кликая курсором мыши на точку, читатель переходит к нужному разделу, может перемещаться вперед и назад.

5. Таймлайны. Каждая лекция заканчивается таймлайном, где отображены годы XX века, что помогает лучше понять, в каком периоде читатель находится на момент изучения материала.

6. Оцифрованные версии печатных изданий. На протяжении материала приводятся в пример газеты, литературные труды, законы. Читателю предлагают пролистать страницы оцифрованной версии документа.

Интересным стало решение «ключей»: лонгрид построен в формате игры, в которой нужно исследовать материалы, проходить тесты и мини-игры, чтобы находить ключи и пароли для открытия новых тем.

Несмотря на все указанные достоинства, в лонгриде, на наш взгляд, есть недостаток – система навигации между лекциями. Идея создания карты привлекательна, но само техническое оформление не совсем удобно. Возможно, карту лучше вынести на отдельную целую страницу – так навигация по ней будет легче для аудитории.

Вторым объектом исследования мы выбрали зарубежный проект. Одним из самых тиражируемых лонгридов, связанных с темой журналистики, можно назвать «NSA Files: Decoded». Лонгрид рассказывает о разглашении Эдвардом Сноуденом в СМИ секретных документов. Материал создан журналистами The Guardian [2].

Главное, чем запоминается лонгрид, – это прием самопроигрывающихся видеороликов «говорящих голов». Методика проста, но добавляет эмоциональности в материал. Как это работает? При прокручивании страницы на белом фоне возникают портреты людей, связанных с историей, и «говорящие головы» начинают свой монолог.

С точки зрения визуальной составляющей дизайн выполнен лаконично, основной цвет – белый, в качестве акцента взят красный оттенок. На наш

взгляд, такой выбор цветов подчеркивает открытость, прозрачность информации и ее важность. Дизайн-элементов на страницах нет, в основном иллюстративности добавляет анимированная графика. Отсутствие дополнительных графических элементов полностью оправданно. Материал в лонгриде довольно сложен, и отвлечение внимания аудитории на посторонние элементы было бы лишним.

В проекте, помимо большого объема текста и видеомонологов, присутствуют следующие составляющие мультимедийного продукта:

1. Объемная инфографика, в основном анимированная, а не статичная. Например, крутящийся земной шар с отметками волоконно-оптических кабелей, связывающих страны.

2. Оцифрованные версии документов: презентации, отчеты и другие документы.

3. Анимированные блоки текста и раскрывающиеся списки. По аналогии с предыдущим лонгридом, здесь используется та же механика. Изначально в окне информация подана коротко, после наведения курсора мыши текст изменяется на более объемный. Например, таким образом рассказывают о нормативных документах, на которые ссылаются NSA для обоснования сбора информации. Если читатель знает представленный закон хорошо, то его не перегружают информацией и дают лишь короткую сводку о нем. Если нужна дополнительная информация, то есть возможность нажать на блок и прочесть подробнее.

Лонгрид выполнен качественно, большой объем информации структурирован и преподнесен разными форматами, начиная от текста и заканчивая большими анимированными графиками. Все это успешно удерживает внимание зрителя на сути, которую хотели передать авторы. Единственным недочетом лонгрида можно считать его не лучшую адаптивность под мобильные устройства. Однако он, возможно, не был рассчитан на маленькие экраны.

Третьим объектом исследования стал лонгрид «Писатели-путешественники» студентов факультета журналистики МГУ [3].

Материал представляет собой учебный лонгрид, созданный на платформе Tilda.

С точки зрения визуальной составляющей, в проекте нет дизайн-элементов, а основная доля визуальных элементов – это фотографии, однако не уникальные снимки, а из открытых источников. Хорошим решением стало использование черно-белой стилистики. Данный шаг позволил решить

проблему разрозненности снимков и добавить им идентичности, также это поддержало историческую тематику.

Анализ контента показал, что в проекте отсутствуют мультимедийные вставки, в основном используются только анимированные переходы между блоками текста. Несмотря на это, проект содержит большое количество качественно написанной текстовой информации. Единственным недочетом лонгрида мы считаем отсутствие гиперссылок или меню на главной странице. Они бы способствовали легкому перемещению между историями, а читателю не нужно бы было прокручивать ленту в поисках нужной информации.

Таким образом, мы проанализировали три мультимедийных проекта. Первый – об истории отечественной журналистики, выполненный командой профессионалов в сфере диджитал дизайна и кандидатом филологических наук. Второй – о современной зарубежной журналистике, выполненный командой профессиональных журналистов. Третий – учебный лонгрид об отечественных писателях, созданный студентами.

На наш взгляд, баланс визуальной и мультимедийной составляющих зависит от создателей проекта. Так, в первом лонгриде, благодаря работе команды профессионалов из сферы дизайна и образования, происходит оптимальное сочетание интересной визуальной и мультимедийной составляющих. Для более глубокого погружения в проекте используются видеоматериалы, игровые практики, цифровые версии печатных изданий, инфографика. Каллиграфуристические элементы и анимация в дизайне способствуют формированию интереса у читателя. Второй лонгрид, выполненный профессиональными журналистами, демонстрирует в первую очередь мультимедийную составляющую, в то время как визуальное же решение выполнено весьма лаконично: в проекте используются инфографики, видеомонологи и оцифрованные материалы. Третий лонгрид, выполненный студентами, состоит из визуальной и информационной составляющей, мультимедийные вставки в нем отсутствуют. Однако текстовый материал достаточно объемный, а фотоиллюстрации выполнены в единой монохромной стилистике. В целом все три рассмотренных лонгрида являются инструментами для понимания большого объема информации в доступной и актуальной форме.

Литература и источники

1. Бесплатный онлайн-курс «История русской журналистики. Начало XX века». URL: <https://presshistory.ru/xx> (дата обращения 04.02.2023).

2. NSA Files: Decoded. URL: <https://www.theguardian.com/world/interactive/2013/nov/01/snowden-nsa-files-surveillance-revelations-decoded#section/1> (дата обращения 04.02.2023).

3. Студенческий лонгрид «Писатели-путешественники». URL: <http://sciencemedialab.tilda.ws/-mainpagehtml> (дата обращения 04.02.2023).

Об авторе

Федорова Влада Дмитриевна – магистрант, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина (г. Тамбов, Россия)

О научном руководителе

Зверева Екатерина Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина (г. Тамбов, Россия), SPIN-код: 9358-6010. E-mail: katya9_2001@mail.ru

О рецензенте

Серова Светлана Александровна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина (г. Тамбов, Россия), SPIN-код: 5385-8473. E-mail: serova.svetlana@mail.ru

ЖАНР УПРЕКА В МЕДИАДИСКУРСЕ

Федорова Л. П.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: *lily.fyodorova@mail.ru*

SPEECH GENRES OF ACCUSATION AND REPROACH IN THE MEDIA DISCOURSE

Fedorova L. P.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: *lily.fyodorova@mail.ru*

Аннотация. В фокусе рассмотрения – жанр упрека в сравнении с жанром обвинения. Сопоставление жанровых определений показало, что упрек сложнее обвинения, его структура двухкомпонентна. Помимо собственно обвинительного компонента (направленного на получателя), упрек содержит компонент, направленный на отправителя (передающий его эмоциональное состояние). Установлено, что обвинительная составляющая в упреке существенно мягче, чем в собственно обвинении. В работе прокомментированы средства, корректирующие в упреке направленность высказывания и смягчающие его обвинительный характер.

Ключевые слова: медиадискурс, конфликтогенные жанры, обвинение, упрек.

Abstract. The focus of the review is the genre of reproach in comparison with the genre of accusation. The comparison of genre definitions showed that the reproach is more complicated than the accusation, its structure is two-component. In addition to the actual accusatory component (directed at the recipient), the reproach contains a component directed at the sender (transmitting his emotional state). It is established that the accusatory component in the reproach is significantly milder than in one's own accusation. The paper comments on the means that correct the direction of the statement in the reproach and mitigate its accusatory nature.

Keywords: media discourse, genre, conflictogenic genres, accusation, reproach.

В современном медиадискурсе, который мы понимаем как дискурсы, реализуемые в поле массовой коммуникации, продуцируемом СМИ [1, 37], нередко можно столкнуться с агрессивным речевым поведением коммуникантов, которое может расцениваться как порочащее честь и достоинство реципиента в случае наличия двух факторов: грубая форма высказывания и предполагаемый адресат (один человек или группа лиц). С юридической точки зрения перечисленных признаков, конечно, недостаточно:

конфликтным считается текст, который содержит прямую адресацию к конкретному человеку или группе лиц, публичный характер и умышленность агрессивного высказывания, оформленного при помощи инвективной лексики [2].

Для оформления конфликтной мысли существует множество жанров. Ю. В. Щербинина выделяет следующие: оскорбление, враждебное замечание, угроза, грубое требование, грубый отказ, насмешка, жалоба, донос и клевета, ссора, порицание (упрек, обвинение) [3].

Отметим, что Ю. В. Щербинина и А. В. Курьянович перечисленные жанры называют инвективными, поскольку считают, что во всех высказываниях такого рода употребляется инвективная лексика. Мы же используем другой термин – «конфликтотенные жанры», полагая, что их реализация возможна и без использования бранной лексики.

Все вышеперечисленные конфликтотенные жанры тесно связаны между собой, в связи с чем возникает проблема их разграничения.

Обратим внимание на два жанра: упрек и обвинение, поскольку в медиапространстве конфликтная мысль очень часто оформляется высказываниями в этих жанрах.

Некоторые исследователи отождествляют жанр упрека с жанром обвинения, другие – наряду с обвинением относят его к составляющим жанра порицания (Ю. В. Щербинина, Н. А. Каразия, Е. Ю. Сидорова). Разграничения названных жанров вызывают затруднения, что видно уже из описания значения соответствующих слов в толковых словарях.

Многие словари термин «обвинение» толкуют идентично. В первую очередь как действие по глаголу «обвинять» [4; 5]. Результатом такого действия, как правило, становится признание кого-либо виновным [5; 6] или приписывание кому-либо определенной вины [7]. Помимо этого, в некоторых словарях обвинение выступает в качестве синонима к слову «упрек» [7].

При толковании термина «упрек» почти всегда встречается слово «обвинение» [7; 5; 8]. Однако, помимо семы «обвинение» в семантике упрека можно обнаружить следующие: «укоризна», «недовольство», «неудовольствие», «неодобрение» [5; 7; 8].

Сопоставление определений показывает, что обвинение как жанр «проще», это признание кого-то виновным или приписывание кому-то вины, упрек сложнее обвинения, его структура двухкомпонентна: кроме собственно обвинительной части, здесь есть часть, отвечающая за эмоциональное состояние говорящего.

Обвинительная составляющая в структуре упрека – не то же самое, что обвинение как жанр. Речевой жанр собственно обвинения имеет более четкую

направленность. Обвинение дает отрицательную оценку поступкам адресата, воздействуя тем самым на эмоциональное состояние собеседника. Обвинение же в составе упрека выражено «мягче» уже потому, что говорящий в этом случае не имеет цели воздействовать на эмоциональное состояние адресата.

Таким образом, речевой жанр обвинения имеет четкую направленность на собеседника, тогда как жанр упрека ориентирован в большей степени на отправителя, хоть и имеет в своей структуре обвинительную составляющую.

Именно наличие в обвинительном высказывании компонента, который усложняет коммуникативную направленность, «добавляет» к адресату адресанта, делает высказывание упреком.

Рассмотрим в качестве примеров тексты высказываний на школьную тематику из сообщества «ЧП53 Великий Новгород. Новости» и комментарии к ним.

В связи с каникулами на «просторах» сообщества был опубликован следующий пост:

Школьные каникулы – прекрасная пора!

*В детстве любил каникулы, потому что не нужно ходить в школу, сейчас обожаю еще больше, **потому что мигом в городе автоматом решаются проблемы с утренними пробками.***

Мы видим тезис, который, собственно, подтверждается аргументами: «Каникулы – это хорошо, потому что: 1) не нужно ходить в школу; 2) нет пробок». Но если обратить внимание на второй «аргумент», то в нем можно обнаружить иронию, потому что пробок не просто нет, а с их отсутствием решаются проблемы, причем не просто решаются, а решаются «автоматом». Кто виноват в образовании пробок, исходя из текста публикации? Дети. Дети – объект обвинения. Но акцент здесь не столько на этом обвинении, сколько на другой части, где и присутствует ирония. Таким образом автор поста выражает свое отношение к ситуации в целом, что дает нам право назвать данную часть публикации упреком.

Чудо-родители, которые возят детей через полгорода и потом диарейно мчатся на работу – исчезают и едут в свои конторы напрямую, автобусы пустеют и уже не так вызывает раздражение малое число рейсов – толкучки в них становится меньше.

Разделим данный фрагмент на две части. Причина обвинения все та же, однако объектами обвинения теперь являются не только дети, но и взрослые, причем последние все-таки виноваты больше. Редуцируем текст: *возят, мчатся (диарейно), исчезают и едут, (автобусы) пустеют, (не так) вызывает*

(раздражение)... Первые четыре глагола – действия старших. Мчатся они только из-за того, что им нужно отвезти детей. Если дети по утрам никуда не спешат, *чудо-родители* исчезают, остается кто-то безликий, кто просто едет в свою *контору*. Не скрываемое автором отношение к ситуации – прямое доказательство того, что перед нами упрек.

Во второй части отрывка обвинение снова косвенным образом приписывается детям. Автобусы пустеют почему? Потому что детей в них нет. Нет детей – *толкучки... становится меньше*. То есть дети, исходя из логики автора поста, являются зачинщиками не только пробок в городе, но и *толкучки* в автобусах. Тропы, используемые в приведенных отрывках, подчеркивают эмоциональное состояние автора публикации, что позволяет отнести их к формальным средствам выражения упрека.

Теперь рассмотрим комментарии к данной публикации:

Да если бы только в этом проблема. Учимся в гимназии 4, туда полгорода приезжает, в том числе и с западного района, где школ тьма. Головы нужно лечить родителям) Гонятся за престижами школ...

Констатация факта (*полгорода приезжает*) здесь сопровождается репликой *где школ тьма*, которая выражает неудовлетворение автора подобной ситуацией. Фраза *головы нужно лечить родителям* – то, что Ю. Щербина называет грубым требованием, которое в привычном для жанра виде звучало бы так: «Родители, лечите головы». В нашем примере смягчает требование сама форма фразы и последующее безграмотное разъяснение *гонятся за престижами школ...* Трактует комментарий следующим образом: на дорогах пробки. Кто виноват? Родители. Почему? Потому что по утрам они везут своих детей через весь город, гонясь за *престижами школ*. Автор обвиняет этих людей в транспортном и образовательном коллапсе. Но обвинение ли это в чистом виде? Здесь есть еще одна малозаметная деталь. Умолчание в конце цитаты, читаемое как «нет слов», – выражение эмоции отправителя. Это тоже пример упрека.

Раньше за учителями следовали по школам и все равно, как школа выглядит, за знаниями, опытом и мудростью гнались... Теперь за стенами новыми, да потолками... И что с людьми случилось?

Особенность формы данного упрека – наличие риторического вопроса. Этот вопрос не имеет конкретного адресата, направлен «в никуда», основная цель речи здесь – не обвинить, а показать свое отношение к ситуации. Следовательно, риторический вопрос тоже можно отнести к формальным показателям упрека. Оформление упрека посредством вопросительных

конструкций делает высказывание «мягче», поскольку субъект высказывания прямо здесь выражает только свое состояние, ответственность же за обвинение с него снимается, поскольку прямого обвинения здесь нет.

Прокомментированные примеры показывают, что компонент, дополняющий обвинение и делающий упрек упреком, может быть выражен различными средствами. Однако при попытке типологизировать формальные средства выражения упрека мы пришли к выводу, что тематический спектр предмета упреков разнообразен, а перечень средств выражения семантики упрека в значительной мере определяется тем материалом, с которым работает исследователь.

Литература и источники

1. Авидзба А. В. Медиадискурс как составляющая информационного пространства // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. №1 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediadiskurs-kak-sostavlyayushaya-informatsionnogo-prostranstva> (дата обращения: 30.03.2023).
2. Ярошук И. А., Жукова Н. А., Долженко Н. И. Лингвистическая экспертиза: учебное пособие. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2020. 96 с.
3. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. Москва: КомКнига, 2006. 360 с.
4. Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: ок. 1900 словообразоват. Единиц. 2-е изд., испр. Москва: Астрель : АСТ, 2005. 636 с.
5. Инвектива // Словарь русского языка в 4-х томах. Москва: Русский язык, 1999. Т. 1–4. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 30.03.2023)
6. Инвектива // Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург, Норинт, 1998. 1534 с. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?bts=x&word=инвектива> (дата обращения: 30.03.2023)
7. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. Москва: Оникс; Мир и Образование, 2010. 736 с.
8. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Москва: Гос. Ин-т «Советская энциклопедия»; ОГИЗ. 1935–1940. Т. 4. 1940. 1502 с.

Об авторе

Федорова Лилия Павловна – магистрант, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия)

О научном руководителе

Заика Владимир Иванович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой филологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 9877-5535. E-mail: w.i.zaika@gmail.com

О рецензенте

Гиржева Галина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 8070-1844. E-mail: girzhevagalina@yandex.ru

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДЕНДРОАРХЕОЛОГИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Храбров Д. С.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: *danil.hrabrov@mail.ru*

THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF DENDROARCHEOLOGY IN FOREIGN COUNTRIES

Khrabrov D. S.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: *danil.hrabrov@mail.ru*

Аннотация. Дендрохронология, основанная на изучении колебания ширины годовичных колец деревьев для точного датирования их образования, активно применяется в археологии для определения возраста деревянных построек, артефактов, археологических памятников и т. п. Как специальная дисциплина она сформировалась в начале XX в. в США и за последние сто лет распространилась по всему миру. В данной статье представлен краткий обзор зарубежных дендрохронологических исследований начиная с момента зарождения и до современности с выделением тенденций их развития.

Ключевые слова: дендрохронология, история изучения, археология.

Abstract. Dendrochronology, based on the study of fluctuations in the width of tree growth rings for accurate dating of their formation, is actively used in archeology to determine the age of wooden buildings, artifacts, archaeological sites, etc. As a special discipline, it was formed at the beginning of the 20th century in the United States and has spread throughout the world over the past hundred years. This article presents a brief overview of foreign dendrochronological research, from the moment of its inception to the present, highlighting the trends in their development.

Keywords: dendrochronology, history of study, archeology.

Первые упоминания о существовании древесных слоев принадлежат еще ученику Аристотеля Теофрасту, написавшему в IV в. до н. э., что «Пихта многослойна, вроде луковицы; под видимым слоем всегда есть еще другой: они и составляют целое дерево» [1, с. 169]. Дальнейшие обращения к годовичным кольцам встречаются уже в эпоху Возрождения в трудах Л. да Винчи (1452–1519), который впервые обозначил связь климата с шириной прироста деревьев, и М. де Монтеня (1533–1592), который зафиксировал идею подсчета колец для определения возраста дерева, которую в XVI в. уже знали европейские

плотники [2, р. 48]. В эпоху Просвещения появляются труды Н. Грю (1641–1712), который писал о механизме прироста кольца, а также К. Линнея (1707–1778), А. Л. Дюамеля дю Монсо (1700–1782) и Ж.-Л. Леклерка де Бюффона (1707–1788), которые изучали влияние зимних заморозков на современный им лес и нашли «морозное кольцо» 1709 г., которое затем активно использовалось в европейской дендрохронологии в качестве репера [2, р. 51].

Среди ученых XIX в., работавших над данным направлением, можно выделить: 1) Д. Клинтона, выдвинувшего идею датирования сооружений с помощью годовичных колец; 2) А. К. Твининга, отметившего перспективу реконструкции прошлого климата через сопоставление срезов образцов разных районов страны с выходом к самым долгоживущим деревьям живого леса; 3) Ч. Бэббиджа, описавшего принципы перекрестного датирования и обозначившего возможность применения дендрохронологического метода (далее – ДМ) к погребенной древесине; 4) А. Ф. фон Зекендорф-Гудента, обнаружившего четыре важных репера XIX в. и подробно описавшего климатические факторы, влияющие на прирост кольца [2, р. 52–61]; 4) М. Бюсгена, отметившего существование и причины появления ложных и выпадающих колец, а также описавшего возрастной фактор прироста [3, с. 12].

Можно резюмировать, что к XX в. в мировой науке уже был накоплен разносторонний материал о годовичных кольцах, факторах, влияющих на колебания их прироста, возможностях их сопоставления и перспективах их использования. Фактически ДМ сформировывался уже на готовом теоретическом «фундаменте», который надо было обобщить, систематизировать и правильно применить.

Всемирно признанным основателем ДМ, который смог воспользоваться данным «фундаментом» и на его основе разработать новое научное направление, является американский астроном А. Э. Дуглас. Его первые наблюдения начались в 1901 г. и были связаны с климатологией. Однако необычайное долголетие изучаемых им деревьев (желтая сосна, гигантская секвойя и др.), перекрывающее время существования многих археологических памятников данного района, дало возможность ученому в 1920-х гг. начать одно из первых в мире полномасштабных применений ДМ для датирования в археологии. В итоге он создал абсолютную дендрошкалу для Юго-Запада США (698–1929 гг.) [4, с. 66].

В Западную Европу ДМ начинает распространяться в кон. 1930-х гг. Его основоположником считается немецкий ботаник Б. Губер, который одним из первых обозначил возможность применения ДМ в европейских условиях через

построение составных дендрошквал. Отличие от американских исследований заключалось в том, что дендрошквалы археологического дерева сперва совмещались с дендрошкалами музейных и исторических объектов, а через них уже и с современным лесом [5, с. 18]. Б. Губер составлял длительные дубовые хронологии для Германии, а также участвовал в разработке статистических методов, приборов для измерения годовых колец и первых дендрохронологических компьютерных программ [6, с. 10]. Его ученик Д. Экштейн (Eckstein) продолжил работу по созданию компьютерных программ (CATRAS) и одним из первых начал датировать предметы искусства (картины) [7, с. 12]. Немецкая школа является второй дендрохронологической школой в мире, разработавшей методику датирования для регионов умеренного климата через построение составных хронологий.

Большой вклад в развитие ДМ внесли скандинавские ученые, которые с 1930-х гг. занимались как теорией метода, так и его практическим применением (составление абсолютных дендрошквал по сосне для Восточной и Центральной Норвегии – П. Эйдем).

С 1940-х гг. ДМ начинает применяться для составления дубовых хронологий археологических объектов Англии (А. Лоутер и Д. Шоув) [7, с. 14].

На Пиренейском полуострове первые дендрохронологические исследования начались в 1970-х гг. [8, р. 185].

В Восточную Европу ДМ начал проникать в 1950–1960-х гг. Так, в Польше, в 1950-х гг. начали изучать древесину Польских Татр, а с 1960-х гг. и археологическую древесину из раскопок Ополя (М. Домбровски и К. Цюк) [7, с. 16].

В Чехословакии в 1960-х гг. был создан прибор для автоматической рисовки графиков колебаний прироста [6, с. 13]. К 1990–2000-х гг. ДМ начал применяться в Словении и к 2008 г. была составлена 548-летняя (1456–2003 гг.) дубовая хронология для Юго-Востока страны [9, р. 7].

С 1950-х гг. ДМ стал применяться и на Ближнем Востоке. Его развитие связано с деятельностью западных ученых. Так, одно из первых исследований данного направления в Турции – изучение дерева из раскопок Гордиона – проводилось учеными Аризонского Университета под руководством Б. Баннистера (Bannister) [10, с. 85]. В 1973 г. П. Кунихольмом (Kuniholm) был основан Эгейский дендрохронологический проект (ADP), целью которого стало составление длительных хронологий региона.

В 1980-х гг. ДМ начинает разрабатываться в Азии. В Японии Т. Митсутани (Mitsutani) и М. Танака (Tanaka) занимались изучением

археологического и исторического дерева, а также предметов искусства [7, с. 19].

Китайские исследователи Шучжи Ван (Shuzhi Wang) и Сюхай Чжао (Xiuhai Zhao) к нач. 2010-х гг. завершили исследования по изучению археологического дерева из гробниц Цайдамской котловины. В итоге ими была составлена 397-летняя хронология (404–800 гг. н. э.) и были получены датировки 14 гробниц. Ученые смогли применить ДМ для датирования торгового пути, вдоль которого располагались памятники, и пришли к выводу о том, что так называемый Цинхайский путь (один из направлений Восточной части Шелкового пути, предположительно прекративший существование в V–VI вв. н. э. из-за тибетского завоевания) продолжал свое существование как минимум на протяжении VII–VIII вв. н. э. [11, р. 40].

Наконец, в XXI в. ДМ начал развиваться в Южной Америке (Аргентина, Боливия), где были датированы погребальные башни индейцев – чульпы (chullpas) [12, р. 2397] и Океании (Новая Зеландия), где была составлена 4500-летняя хронология [5, с. 22].

Таким образом, планомерное развитие знаний о древесных кольцах на протяжении XV–XIX вв. сформировало тот теоретический фундамент, на основе которого в XX в. был разработан ДМ. Можно выделить следующие тенденции: 1) постепенная автоматизация и компьютеризация исследовательского процесса; 2) расширение области применения метода – от климатических исследований современного леса к датированию исторических и археологических памятников, затем – к датированию предметов искусства, а от них (в XXI в.) – к изучению экологических аспектов, истории лесных массивов и определению происхождения древесины [13, р. 1].

Литература и источники

1. Феофраст. Исследования о растениях / пер. с древнегр. и примеч. М. Е. Сергеев. Москва: Изд-во АН СССР, 1951. 590 с.
2. Speer J. H. Fundamentals of Tree-Ring Research. University of Arizona Press, 2009. 509 p.
3. Румянцев Д. Е. История и методология лесоводственной дендрохронологии. Москва: ГОУ ВПО МГУЛ, 2010. 109 с.
4. Колчин Б. А. Дендрохронология Восточной Европы // Археология и естественные науки. Москва: Наука, 1965. С. 62–85.
5. Филатова М. О. Потенциал дендроархеологии в природных зонах Западной Сибири: дис. ... канд. ист. наук / Сибирский федеральный университет. Красноярск, 2021. 250 с.
6. Матвеев С. М., Румянцев Д. Е. Дендрохронология: учебное пособие. Воронеж: РИО ФГБОУ ВПО «ВГЛТА», 2013. 140 с.
7. Черных Н. Б. Дендрохронология и археология. Москва: NOX, 1996. 213 с.
8. Tree-rings, forest history and cultural heritage: current state and future prospects of dendroarchaeology in the Iberian Peninsula / M. Domínguez-Delmas, R. Alejano-Monge,

S. Van Daalen, E. Rodríguez-Trobajo [et al.] // Journal of Archaeological Science. 2015. № 57. P. 180–196.

9. Čufar K., Luis M., Zupančič M., Eckstein D. 548-year tree-ring chronology of oak (*Quercus* spp.) for southeast Slovenia and its significance as a dating tool and climate archive // Tree-ring research. 2008. Vol. 64 (1). P. 3–15.

10. Колчин Б. А., Битвинскас Т. Т. Современные проблемы дендрохронологии // Проблемы абсолютного датирования в археологии. Москва: Наука, 1972. С. 80–92.

11. Wang S., Zhao X., Re-evaluating the Silk Road's Qinghai Route using dendrochronology // Dendrochronologia. 2013. № 31. P. 34–40.

12. Morales M. S., Nielsen A. E., Villalba R. First dendroarchaeological dates of prehistoric contexts in South America: chullpas in the Central Andes // Journal of Archaeological Science. 2013. № 40. P. 2393–2401.

13. Domínguez-Delmás M. Seeing the forest for the trees: new approaches and challenges for dendroarchaeology in the 21st century // Dendrochronologia. 2020. Vol. 62. P. 1–15.

Об авторе

Храбров Данил Сергеевич – студент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия)

О научном руководителе

Торопова Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 6061-3693. E-mail: toropova_elena@mail.ru

О рецензенте

Гринев Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России и археологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия), SPIN-код: 7359-4696. E-mail: Andrey.Grinev@novsu.ru

Научное издание

ДНИ НАУКИ И ИННОВАЦИЙ НОвГУ

*Сборник статей студентов
и молодых ученых*

Часть 1

Составители и научные редакторы:
Алексеева Ольга Вячеславовна
Волошина Галина Викторовна

Редактор В. О. Шипулин
Компьютерная верстка И. В. Люля

Подписано в печать 15.12.2023. Бумага офсетная. Формат 60×84 1/16.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 14,4. Уч.-изд. л. 15,5. Тираж 500 экз. Заказ № 15122023.

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.

173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41.

Отпечатано: ИП Копыльцов П. И.,

394052, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56.

Тел.: 89507656959. E-mail: Kopyltsow_Pavel@mail.ru